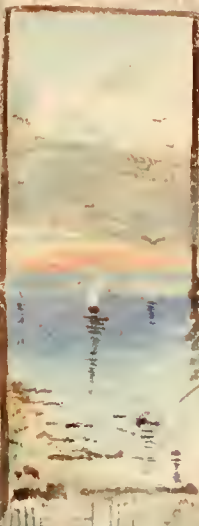






Digitized by the Internet Archive
in 2010 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

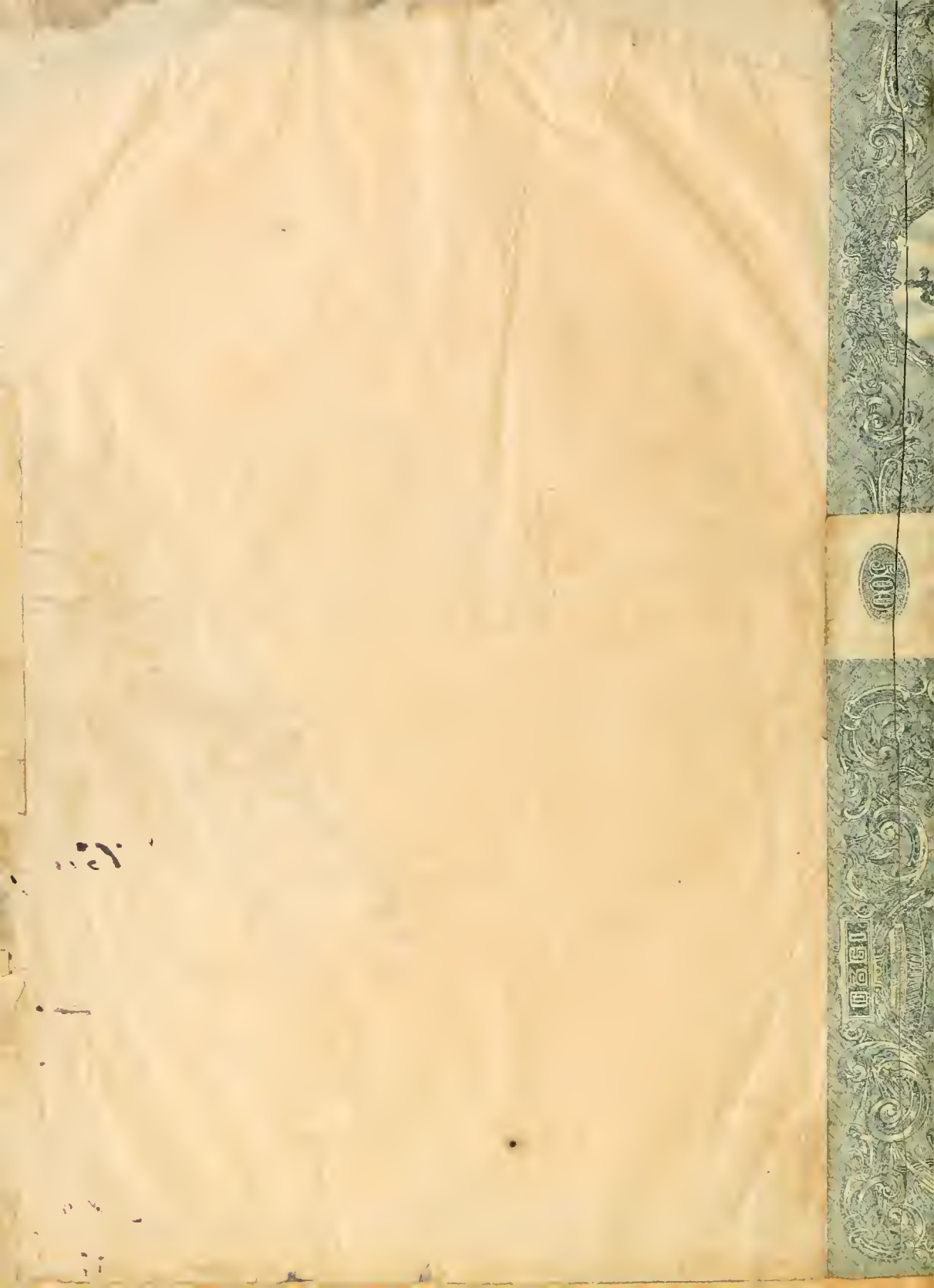
<http://www.archive.org/details/konstantinonetssandr>



1891

1891







Содержание

Оглавление.

Кр. читателям. — Еперть поручика Никольского, рассказы Гибрида Давидовича. **, стих. И. Мухомова. Сказки Гибрида — стих. И. Мухомова. Восмидная эне- дия константинцев — раск. А. Страсная сре- да. — стихи. К. Соурапенко. Неблмодная заграда — Л. **, стих. И. Мухомова. Боевое крещение. — раск. К. Карпенко. Полуговинка — стих. Л. — Конь- этого Ю. Непоминина — Рассказы 117. — рассказы К. Л. **, стихомнение. И. К. Л. — Утро любви. этого. И. Корина-Пискаря. **, боевая лет.

Мелом Гибрида — хроника. —

Демон войны. — повесть. А. Д.

Позеро-малый френетон Не-Аверенко.

Примечания:

Лекция по артиллерии — Б. Коваревская.

Кам Гибрида чекера (Гибрида) Б. Коваревская.

Гибрида — Б. Коваревская.

КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Въ алманахъ, издаваемый нами, вы найдете по поводу отъезда въ Швецию своей судьбы, выписки изъ нашего первого номера общеполитическаго журнала.

Вышекая этотъ номеръ, организаторы не задавались никакими планами, руководясь только однимъ главнымъ стремленіемъ удовлетворить насущную потребность, выявившуюся за последнее время въ шекерской среде; имѣть свой журналъ;

Такая потребность совершенно понятна именно въ Галмтопи, гдѣ само собой просыпается стремленіе каждаго-либо духовнаго возмущенія и является съ рѣшенье совершить вдалекѣ, но бесконечно дорогой родинѣ, ощущающейся недобавимъ кромѣшней голодъ.

Этудъ, вѣдь мы только здѣсь, только въ Галмтопи мы никакъ не почувствовали себя русскими и душой и тѣломъ, поняли насколько критика наша связана съ родиной.

Въ нашемъ журналѣ мы старались дѣлать другъ съ другомъ вѣсьма перфектизмъ за последнее время, а перфектизмъ вѣсьма нами очень много.

Для будущаго же константиновцевъ, этотъ журналъ будетъ представлять поистинно литературно, а также и большой историческій интересъ.

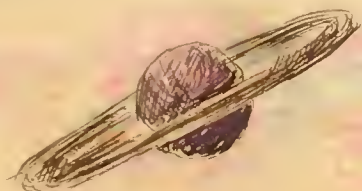
трудно взяться за литературную работу в гал-
лицейских условиях жизни, но мы твердо верим, что
с течением времени большинство из нас примет
самое деятельное участие в издании "Константиновца".

Мы твердо верим, что издание упомянутого журнала
будет много способствовать нашему всеобщему объеди-
нению, поможет нам более спокойно и организованно
относиться ко всему переживаемому, а кроме того, про-
будит в нас мысль и литературному труду.

Мы не готовимся быть литераторами, но на нас как
на будущих офицеров новой России, будет лежать
много обязанностей, из которых самая ответствен-
ная: быть воспитателями своих солдат. Эта
трудная обязанность может быть выполнена только
людьми, совершенно сознательно относящимися к той
роли, которую они призваны исполнять.

Замыслив эти мысли, мы должны были прийти к
тому, что и переживаемое время, существующий мир
и наша жизнь должны быть, существующим офицерам,
выполняющим эту свою задачу.

С этими мыслями, мы выпускаем первый но-
мер нашего журнала, где искренно и то, что
офицера ожидают поддержку нашему скромному
начинанию.



СМЕРТЬ ПОРУЧИКА

Никольского

РАЗСКАЗЪ

I

Только въ слухахъ моей смерти, Индия, Вы получили это письмо. Завтра вы за Вашъ городъ, за Васъ. Въ письме, посланномъ, письмо убитого человека /видъ, если Вы его получите, я, значитъ, буду убитъ, я Вамъ хочу рассказать о моей странной но безконечной любви къ Вамъ, о томъ, о чемъ бы я не рассказывалъ бы Вамъ при жизни.

Вы можете быть никогда и не подозревали даже, что есть на свете человекъ, живущий только Вами, творящий Вашимъ пленнымъ всякаго рода злѣа, творящий тут или там оступки, только потому, то опятъ или иной моментъ о Васъ...

...тотъ человекъ - я.

Когда началось это чувство? - Давно.

Вы вероятно уже забыли. Это было на нашемъ гимназическомъ вечерѣ, въ старое, милое время.

Тогда не было никакихъ проклятыхъ вопросовъ, никакихъ политикъ, не было войны.

Вы были просто гимназистка, я гимназистъ.

Въ тотъ вечеръ Вы были такой... ну, я даже не знаю какъ это выразить.

Васъ кажется въ тотъ вечеръ все прельщало: царичей бала.

На Ваш первый бал был десятки претендентов.
 «Вы предпочли танцевать со мной?
 Мофсетъ-быть это был каприз - ведь были-же другие,
 и вероятно лучше меня.

Я не знаю!

И вотъ в это въечеръ, подъ баломъ, баломъ. Осенние мези.
 началось то, о чемъ я пишу Вамъ.

Я Вамъ никогда не говорилъ объ этомъ. Ни тогда, ни потомъ.

Но не отъ того, что я былъ робокъ. Я писалъ много френ-
 цузскъ и никогда не боялся ихъ.

Я самъ не знаю отъ чего. Мофсетъ бытъ отъ того, что
 если-бы я сказалъ, что-то было бы прервано, разбито, что-то
 было бы не то..

Сначала это было, конечно, дитяское чувство, а потомъ
 это стало для меня великъ - много фиснью.

Что-бы я не думалъ, я думаю только о Васъ.

Было время, когда я началъ уже бояться за себя.

Я решился ухать, чтобы забыть Васъ.

И вотъ, кончивъ гимназію, я ухаживаю къ удивленію
 всен, въ другой городъ.

Я уже не умеръ отъ тоски. Я не зналъ, что думать
 и собою. Я купилъ, нилъ, старался забыть Васъ.

Но разве это возможно?

Я вернулся назадъ. Я жилъ опять два года въ одномъ
 городѣ съ Вами, я посещивалъ въ одинъ институтъ съ
 Вами только зайти, чтобы ежесувно, хотя бы издали

видеть Вас в аудитории, в студенческой галлереи
 И при встрече с Вами я холодно-выжидательно при-
 поднимал руку.

Когда наш город был занят немцами я поступи-
 лись в армию. Я считал это потому, что поднимать
 "мне будет стыдно перед Индией, если я не поеду".

И не видя Вас с тех пор два года. Ваш
 город опять стал красивым.

Индия поймите, каковы были эти два года. Это-
 то, я был храбрым. Но это только потому, что я на-
 дулся этим ускорить нашу с Вами встречу. Иног-
 да я был фреетон-безпомядно рассеивал милли-
 оны красноречивых - ибо помню, что вы Ваши
 вояки. Я меньше думаю о своей матери, чем о Вас.

Индия поймите, я люблю, люблю, люблю Вас.

Я пишу это тайно, чтобы, если меня убьют, и вы
 получите письмо, поднимайте обо мне, хоть линю
 Это будет мой подарок, мой последний...

.....
 Было тепло, когда тепло было окончено. Запеча-
 тав его, написал адрес и отправил письмо.

Вспомните только в миг мой смерти
 и миг Индийский восток - и начался малый восток
 и восток.

Он малый восток.

Къ полудню попогъ были взяты.

Солнечный утренок начал переполнять медленно уми
модей въ защитниках.

Утро было такое радостное, хорошее и советам было
непонятно, какъ въ такой день люди сдерживаютъ другъ
въ друга: стиранными казались выстрелы пущекъ, тарак-
тание пулеметовъ, пуфелъная пересказка...

И только когда закричали „ура“, то этотъ крикъ былъ
такимъ бодрымъ, смелымъ и молодымъ, что только однимъ
красиво гармонировалъ съ утромъ.

Когда еще шелъ бой и въ городъ иногда появлялись на
излетъ пuffs, факелы боялись прятаться по потребамъ и
подвсали. Когда же въ городъ пришелъ бѣгъ, спрассь ро-
зу уступили лѣтъ радости. А когда пuffs еще непрекне-
ну иногда свистали вверху, то они уже не боялись ничего и
выскакивали все на улицу. Везде были радость, звонки,
двигались улыбки.

Защитники, грязныхъ солдатъ ехидсами толпы
людей. Офицерамъ двинули подъ ноги и пуговицы вду-
вали звонки такие-же шальные, какъ они сами.

И такъ до позднего вечера, поэтъ недалеку еще канона-
ду, въ городъ царилъ счастье и радость; будить люди, что
то потеряли, что-то хорошее свѣтлое, а теперь нашли.

Поручикъ Никольскій уже перешелъ гасъ былъ на улицу,
адъ фема Индия. Онъ еще самъ не знаетъ за что былъ...

сегодня?

- "Дайти к Индия?"

Он так сойти раз, которые он пришел по улице
туда и обратно, он задавал себе этот вопрос.

- "Что же он ей скажет?"

Всем моментам, когда он решил идти, но через ми-
нуты тем обратно.

Наконец, все обратили внимание на странное по-
ведение офицера.

Он не замечал к Индия все так, если бы он
не почувствовал ~~одноманитв~~ ~~одноманитв~~

- "Александр, знаешь, завтра идем дальше"

Завтра? А как же Индия? Значит он ее не уви-
дит?

Итак! надо идти.

И вот после еще тысячи колебаний, он у подос-
да, он хочет

- Сейчас откроем!.. Индия!

И вдруг он обернулся.

- Что... что это? сразу оборвалось и у него куда-то
внутри...

Бросить его, и сразу начался этот человек
с его руками, блестящими глазами и улетел в него
из носа.

В то же время он начал пить, как Ни-
колай ундман ел и пил, в 2-3 актах.

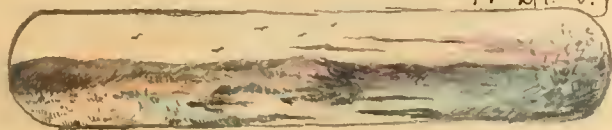
7. «...но в голове устала промелькнуть, лунная, постраш-
ная мысль!... А ведь он меня убьет!... А Индия?»

и крикнувшего етроино и презытительно.

И когда через листву на выстрелы и крики
к тропе подбежали люди, человека с горящими ма-
нами уже не было.

Солнце, начинавшее заходить, попрежнему весело
вспетило, попрежнему сияла пунцовая стиральба,
и какая-то двужка торжественно выдвигалась из дома
на крыльцо....

Александр Давыдовъ
8/10. 2. Галлиполи.



Я люблю Васъ, какъ всегда пишу,
Что Вы любите лить златую слезу,
Что смываетъ порой золотистымъ Вы слезомъ
И я слышу его повторяющимъ эхомъ.

А люблю Вас, как всех остальных,
Что не любите Вы.. никого,
Но мечтаю всех полюбить.
Остаток, что хотите Вы сделать.

Zipper.

H. Mycarrone.

Сказка Пьеро.

Арлекин целует страстно Коломбину
в улу залы в синеи полутьме
по забыв о нашей дружбе, ибо мы
обнимае и ворит еи страстныи признанье
еи клянется он давая обещанье
и целует страстно Коломбину...

Коломбина все ему покорна
в темноте не нужны звуки голоса.
В темноте противна фраза "Спасибо".
Всему ли на свете Пьеро,
кто стоит не видя ничево
за страстной бархатной портьерой?

И печально суетлив свой взор
Я стою у входа синеи залы,
где когда-то с нею мы мечтали
И счастливая черную портьеру
Я смотрю глазами своим не вижу
Арлекин целует страстно Коломбину...

Вань стрела я окупилась в залы,
- Брось ее, кричал я, как во сне!
Знаю, она принадлежит мне.
Мы забыли о счастливом Пьеро...

"А!.. Снится не бойся.. ничего"...
И целую обняв Коломбину...

Уходя из этой счастливой
 Бросил я на них печальный взгляд
 И мой ботинки шуртовской наряд
 Показался мне слишком узким.
 Фантасма было так прекрасно
 Умиловать в нем страстно болельщику...

Мв. Мусанов.



ПОСЛЕДНЯЯ ЭКСПЕДИЦИЯ КОНСТАНТИНОВЦЕВ

из дневника и писем.

Монотонная конкерская жизнь, встревоженная кубанскими
 десантами, попрежнему входила в свою колею. Конке-
 ра отдыхали и пилили и думали, как провести тогда
 было относительно свободное, занятие было не утомли-
 тельным, а для еталома не фактиче. Фактиче в один из та-
 ких нефактичных сентябрьских дней, а именно... кафеетсе,
 в воскресенье, рота была удивлена неожиданным запре-
 щением посильнобденного отпущения. Обычно, если подобна-
 го рода неожиданные приказы не объясняются, то это слу-
 жило причиной возникновения всякого рода сенсационных
 и панических слухов. Этот день не составил исклю-
 чение, и уже через 1/4 часа в полкосо, а точнее в
 фризонемии, из достоверного источника передавались са-
 мые разнообразные слухи, начиная с отпущения на

сражаться и кончая возманием тысячных долговиков.

Всё в два нами объявил, что весь маджин курьер-идеи в походе на, зеленых, выступление назначено завтра. Молва же, кроме того, указывала и направление похода „на Саны“. Наконец, нас отпустили в отпуски устраивать свои дела и поправляться со своими знакомыми, так-как завтра отпуска не будет...

На следующий день подъем был ранний. В объезде нас попросили, что не поминать нам потомки-полтора часа стоять на магу в полной охотной форме и без всякого дела, как это у нас положено всегда водиться... Все отряды, насчитывавший в это... мильков, под общей командой поручика Стейн, двинулись на два еводных роты.

Полтора I и III роты составили первую еводную роту, под командой капитана Роддз /теперь подполковника при офицерах подпоручики Афименко и подпоручики Алексеев; II и IV роты - вторую еводную роту под командой капитана Котичева

Полтора подполковника, при капитанах Самуилов и Семенов. При каждой роты было по четыре пехоты, а вьюсь и, кроме того, один „математик“ на весь отряд. У каждого полка имели винтовки и сапёрные инструменты, а также и боевые ящики

и орлами. Вот эта походная форма и особенно эполеты, положенные на тонкие лица отпугивают несвойственными или серьезней, седины не по годам, и губы побалены, что это уже не новички в боях, а обстреленные, закаленные бойцы. Подает начальник унмиза и пофенан нам устуха в выполнении возложенной на нас задачи и скорейшего возвращения в родные казармы. — Я надеюсь, закончил он, что Вы всегда чувствуете необходимость поспешно кровопролития с Богом, вперед, ведите роты. — Францы бодры марши и мы движемся. Проводившаяся на пути публики, привлеченная звуками оркестра и нацией не совсем обыкновенной формой, губы улыбаясь, что это не простая прогулка, и не напрасно взяли боевые патроны, бойцов, пестрой толпой двинулась за нами по тротуарам и до нас это время до времени долетали ее сочувственно-восторженные возгласы... На третьей версте от города нам отряд был остановлен для отдыха. Мы разделились по обе стороны шоссе и оркестр начал какой-то вальс... Сильно... приближается одно из самых интересных мест. Другая команда — стройтесь! — с неудовольствием, нехотая поднимаясь; уже слышны ритмичный переходы. Интенсивно разбирается в руках...
 На речень!.. Шагом марш!..

Пошли: усталости, как не было. Уже позади величавые звуки преобразованного марша, которые все затихали,

записками. Там начался поименно походы Бенетанги-новцев на русской территории...

А.

СТРАСТНАЯ СРЕДА

эпизоды.

Мокошнно саратанить мелкие капли дождя по железной крыше. И ~~в~~ в этом монотонном звуке отражается картина нашей бледной осени.

А в унисон этим звукам звенят надтрюнутые ноты русских душ заброшенных на чужбину.

Для уфа не люди. В них только отражены какие-то негуманные мысли. Они из уфы превратили почти совершенно свою работу, а односторонность и бездельность существования далам свою уфасную работу.

Их зловонная атмосфера и, как будто бы, непрерывно, — срывающаяся слова с бледно-розовых губ, издавая односторонность их наизусть.

И в эту среду, близкую кафедру по своим традиционным переживаниям, они слишком выжили в себя, хотя бы напек на них чувства, которые кафедра не могла пережить в действительности.

Но все по-прежнему...

«Почему же нет никаких далеких переживаний?»

Неужели они только для детей?

Но ведь я помню и своих родных в эмиграции. Все в них тогда выдало какую-то радость, теперь для нас непонятную.

Абсурдные мимические чувства, Француз человек.

Вместо тебя оказался нечто худшее и дикое.

Напрасно ты страдаешь. Смирись. Этот мир никогда не был понятен и не будет.



Г. Бонгаренко.

14
27 апреля 1912.

НЕОТЛОЖНАЯ ЗАДАЧА.



Хочется написать несколько строк по вопросу, о котором уже не раз поднимался разговор в среде инженеров.

Я только ввиду имел о создании инженерского суда чести. В нашей среде в теперешних условиях допускаются подчас такие поступки, которые были совершенно невозможны и ^{невозможны} ~~недопустимы~~ среди инженеров мирного времени.

Это объясняется, конечно, ~~небывшими~~ трудностями нашей жизни, а также чрезвычайной разнообразностью нашей деятельности.

Вероятно с такими явлениями придется дискутировать.

картины взмываний, доведение до сводных: ступенчатого
направления и тому-подобное, конечно, совершенно невоз-
можно, а в это же время оставление без внимания
всплывков: часть паранормальных вещей конкерской
среды и уличная, тоже совершенно невозможно и
недоуцетливо.

Вам собою направляется вопрос, о создании
органа, на обязанности которого будет стоять
бюджетный лист пенки и углища.

Засадая поэта конечно неформально, выдвигая
на своей сцене двух-трех лучших в моральном
отношении писателей, на месте которых и будет
выноситься тот или иной недостаточный поступок
писателя. Конечно, решение этого суда будет
обязательно для всех писателей, а средства наказания
у этого суда будут достаточны.

Данным путем мы получим начало создания
различных традиций в почете имени.

Эт. необходимо, ибо, впрямь, что подаеть по-
мечт. возвращеніе на родину, которае буденіе нуж-
дѣтсе въ дѣлѣмъ, а тѣмъ же образомъ безупреч-
ны въ моральномъ отношеніи острѣе.

M.





Когда листья поспели, желтые, красные
И холодные ветры подули с утра,
Помню она дни погоды прекрасные
Наблюдая тоноким из большого окна...

Отчего она любила, эти дни несчастья

И смеется смотря в удивлении сады?

Отчего у ней смех, и мажки веселые,

Когда падают листья, деревья в ряды?

Догадаться не трудно, ревности в душу вкрадывается,

Когда сады зеленеют и все оживает,

Оттого веселой ей, когда еще осеняется

И в один из осенних дней, от на время упрям.

Она думает часто, что красивый паряда,

Утомил у сада нигде, никогда не поймать.

А в душе у ней мысль, быть прекрасные сады,

Чтобы могла умерить она в тихой любви.

Ив. Мухомов.



Боевое Крещение

из дневника. В. Нарченко

Было прекрасное, теплое, мягкое утро. Солнце еще не взошло, но все уже не спало. Мы ждем начала своей утренней тренировки. Неожиданно бы, что все тихо, все спокойно, а между тем даже в воздухе гудевало, что-то напряженное!... Моей вышавшей Империи, еле ударая о невисевший берег обитый волнами стелющимися волнами, как будто о чем то напряженно думая. Даже и слышны под дуновением легкого ветра, как-бы злобно о чем то шептали, о чем то предупреждали... Как бы говорили: берись! Спокойствие это напряженное. Будет что-то страшное!...

Вскоре, эти предвещники хоронили и плакали, оно как-то неприятно возбуждено было.

Начальники нашей роты, вернувшись, долго с кем-то говорили в командирской каюте. Я задавался, Я как-то инстинктивно чувствовал что-то... Ярко красные поведут наступление и будет бой. Первый бой. Мое боевое крещение... Ясно, конечно, понятно, в каком состоянии находится человек перед первым боем...

Что бы успокоить себя, я курю. Курю много,
почти до головокружения. Взяв кюлек бумаги, я
стал лихорадочно быстро писать. Теперь я не пол-
но о чем пишу. Карсется прощание, просят
прощения за своеволие, еще что-то... Вложив в
конверт, размахиваю написать

„Предсмертное“

это карсется у меня так практикуются, на
судной смерти... А умираю так не хотелось!

Вот только еще немного пожить, полюбоваться
природой и ее лютыми пестрыми нарядом...

Через пол-часа мы уже были около Кор-
сунского монастыря. Из нас были трое.

Из етаны красненькое было замечено какое-то
ощущение... Была в какой-то особенно тихо. Люди
молчали и, кажется, испытывали даже влиятельность...

Вдруг эту тишину нару-
шили орудийные выстрелы, то
заговорила красная батарея... От неожиданности
сердце, как-бы больно сжалось... Я отбился
на них рывком наши два орудия и завязалась
артиллерийская дуэль. Какое-то нельзя назвать
подготовительным. От скоре носило характер-
демонстративного огня. Ну и ясно, что вреда от
него мало приносил нам. Мы были готовы к обороне.
Вот слышим и залетел в рожок.

2
«Сейчас уже ясно стали видны контуры красных, идущих
до сара на нас. Уж было во много больше нас. Под-
пустил их на действительный огонь, мы открыли
огонь. Забарабанили пулеметы. Красные насту-
пали, ложились, снова поднимались, и т.д.

Огонь ни на минуту не стихал с пулемет-
зажигателями. Они шли. Упорно шли вперед.

Было ясно видно, что нам не сдержать этого
наступления. С фронта у противника появилась
кавалерия. Умолчание после этого было нам
отрицано. В виду крайности положения коман-
ды эскадрона приказано идти в контр-насту-
пление.

Но полно, что когда услышат об этом, то
даже и не подумав, что это опасно. Я не мог со-
средоточиться на мысли. Они выскрели проециро-
в в моей голове! Все это было в каком-то тумане.

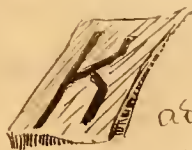
Трудно на бумаге описать то чувство...

Красные восстановились и встретили нас пу-
леметным и пулеметным огнем. Мы, как ватаги,
отступили обратно. Возстановить положение
было очень трудно. Великий хороший отпор,
но уже не думали повторять этот маневр.

Все равно он бы не удался. Были в нас но-
вые, неурочные потери. Через час, мы уже отсту-
пали по дереву и дереву.



и ленивый дремлет.



абсолютно, его превосходительство Нарынник
Александровская Военная уличка,
в городе Тамбове командиром отряда
и трудом конюхов, в полудразвешенном,
и землетрясении и бомбардировкой, бывшем "шар-
нике", было яро обвещено юрским солнцем через
серванту кривую.

Но там еще царя перловая пшеница и
только скорпион, полза по стеньке иелестин
своими лапками и ве старая звестная
указанье долиной вензеи "А II" на увеличенном
картонном юнкерском погоню, повешенном
здеш для чарофденія зрелия во. Превосходительство,
да паранцу на полу подготовлялся сразится
с. шенерком, неосиданно поднятнем возню и
неугавниши его

Снаружи, возню дверей кабинета, парные часо-
вые в старом затрепанном погонях уже, без-
некоторых, вензеи, поже лично похранивали опер-
нись на свои лапки, дожде похранивший изобразить
из себя настоящие, вензеи "вензеи" Руския З. и. и. и.

виртвими, вбрана 1891 года.

Варуи вь спалити генерала раздался тихий, зашумевший ладоном, характерный идиоматический сленг, и вьтуде за нимь дверь распахнулась и отпущда не вышет, а выпорхнула Ева Вревоходцева и бросилась вь двери кабинетя.

Василие, разбудивший сленгом, спящий и бодро, но юнцоски, взам, на карачи генералу своимь палкам, но генерал съ нимь, противь одинокости, даже не поговорил.

Варивавшись вь кабинетю, оть быстро забывающа кнзюна хитра иль подь консервов, изображающаго мьшечный етюд, свавившийся ружане за голову и, хиткая, все повторять только одно слово, лопнул, лопнул, лопнул...

Вследующе вь кабинетю из докладомь Фомбар и Ациотантие заперли у дверей и, какь зашумевшие, спешити на генерала, не зная, что дипломат и какь дать знать о своемь присутствии.

Наскь продолжалось оно по пачулка, но вьтуде генерал сьудайно занятый иль, какь бы отпущивши сленг за ствол, и, ильра свисткомь на длинной коровеней ленте, своей послышней ильграфомь высшей на радой, преклонив, обращаясь вь кинесити.

- Да, лопухи, пенковники, и рюкзачники лопухи"

- Кто лопухи, Ваше Превосходительство?

- Пузырь, пенек, пузырь, который мы с Вами, пенковники, так долго и ~~старательно~~ с такими трудом наддували - Александровские Гимназии уже не существуют. Запретствованы старые Александровцы и "Ваших мит", но что еще хуже это, что и Алексиевский трагедарей с нас, не сегодня - завтра тоже еминуть, так как Алексиевский пенки, обидевшись на перемену нашего наставия, подали ханову Главному о имени нас и этого последнего наставия, и, говоря, промба или будет уфакена.

Колбати переменялся с Адютантами и, эти пенки чувств не в силах выразить себя бы одно слово, тихо вышел из кабинета, а генерал вновь забрал по кабинету и жискиная затератории: "если переменяются в Визове, не выдержу, советить не выдержу, обязательно потянутся."

На его ливейт я бы тоже повисел, но шидти мутками, а теперь Александровцев, кафеетя, кончается, насколько мы это известно.

Ну а, пофеесть дить, это все ты же еджен - тогда не срдитесь, коепода, за невольную

14. V 91
r. 10000

Лекция по
архитектуре



В. Кобарева.



Милая моя, что в такую, чудную пору,
это я в густом диком саду. В глубине его
раздавался тихая трель соловья.

Возбужденный в свои мысли я шел между
громадными деревьями, не замечая дорог.

Вдруг я наткнулся на беседку приглубленной
ореховой. Двери ее были закрыты. Возбужденный
какой-то внутренней силой, я взошел на ступень-
ки. В это время дверь с легким скрипом откры-
лась, и на пороге в траурной рабине стояла
двушка в белом платье.

Она протянула ко мне
две белоснежные руки

Глаза ее сверкали, как звезды,
и с ней были такие же
нежные улыбки на ее лице
и в ее глазах, что и
всегда, в те дни, когда она
была со мной.

Тогда, когда я был

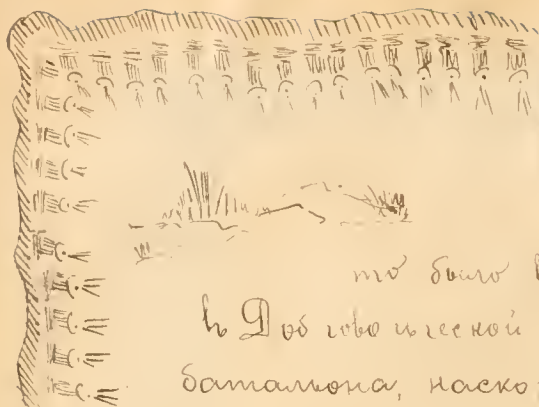
на пороге твоей жизни





Толмач
1902.

Вань Губин на работе. В Толмаче



РАЗСТРЪЛЪ

то было в первые дни моего пребывания в Добровольческой Армии. Одна из рот С.-батальона, наскоро сформированного в Крым из лесного охрестяства, была направлена в ч. 3. для подавления выступления лесных бандитов. Бандиты же стояли в окрестностях города обмородами в качестве приманки, расположенные недалеко от города заброшенные каменоломни.

Утро ушло под прицел орудий и 8 пулеметов выстрелила из города по направлению каменоломни. Был ясный месяц, немного морозно, но небо было ясное, и солнце освещало все, несколько подавленных возмущений на нас неприятные задачи.

По пути к каменоломням нам предстояло осмотреть деревню М. в которой по слухам обитали, проживало много бандитов, приходивших туда, конечно, только по ночам.

Осмотр тянулся довольно долго, и был чрезвычайно неприятен: впервые мне пришлось столкнуться с специфическими последствиями граждан-

екой войны: жалостливо возбужденным и принципно

Сбили в одну кучу всех женщин и ребят, а также и немногих взрослых мужчин. Нагалея допрос с пристрастием: немногие из нас, искушенные уже в дню гражданской войны, нахально размахивали палочками и молотками, угрожая в любой момент пустить их в дело.

Мне было страшно противно это: точно я искал в сердце своем чувства нести за других страсти, неадекватно до этого растерянным. Большие были; таких, как я, было много: чувствовался сразу, что мы еще новички в гражданской войне, именно потому, что подходили к ней с теми же приемами, которые выработаны были в нас мучимой великой германской войной.

Взяв несколько человек заложников — имена мужчин и подростков, отряд двинулся уже к шавной квартирке бандитов, деревня Б.

Были высланы вперед дозоры, за которыми в колонне шла рота и заложники; сзади медленно пошла артиллерия. Скоро показался и деревушка Б.

Бандиты начали обстреливать нас с очень далекой дистанции, стреляли они сверху, винтовки у них повисли были самые разнообразные.

Во характерном удивлении, с которыми пролетали мимо нас, ясно было, что большинство

сталила из винтовки. Она /старая французка-
го образца. Уши наша, литья на правом орани
колку заложников, идущих в солжигутом етрон,
бистро подвигалась вперед, не неся совершенно потерь
от безмеленной огня бандитов, засвистки и от-
длики домах деревушки. Ушуга несколько разо-
нала гудуца, оны противника стали стискивать;
рота со штыками на перевесах, с криками, ура!
вопалась в деревушку, уже оставленную бандитами.

(1) Откась за деревней началась жода в камен-
оломни, которые и были заняты отступившими
бандитами. Разораченные атакой и разораченные
сепро-тивлением, мы сразу же по занятой деревушки
видюфами на ее околицу с ушью занять бандитов
во вшуге каменоломни.

Это была, конечно, ошибка, мы сразу же в близкой
дистанции попали под огонь бандитов, для которых
наши выстрелы были недействительны, так-как
они прекрасно прятались за выступами каменоломни.

Благодаря этому мы совершенно бесполезно потеря-
ли двух офицеров и одного воинопредназначаяся.
удетиком нтовало. Как бы в отивит на это, мы
пресекли в проходе и забросали их ружными и меле-
ками гранатами. Пользовали ушью ряд отлучи-
тельных взрывов. На этом кончился первый период
наступления.

51
Ротъ было приказано остаться на околице де-
ревушки. Бандиты вели ружную перестрелку с на-
шими полевыми караулами.

Мотаясь было прислушено къ ослоту деревушки.
она была совершенно пуста, только слышны, коровы,
да домашняя птица испуганно летаетъ на дво-
рах брошенных деревушки.

Бандиты убили въ колхозномъ свои семьи, боясь
не быть основанием мести съ нашей стороны.

Видъ деревни былъ какой-то необычайно тихий,
немного сфималогъ сердце при видѣ брошенных хо-
зяйствъ обреченных теперь на разхищение победите-
лей. Мотаясь въ мысляхъ прележавшие и уставшие
замечать варкой еды пищи: много порвано было
перосыт и куръ, а на думъ было у большинства
из нас, какъ-то особенно нехорошо. Мне казалось,
что будто бы я едлагаю большую гадость, хотя
разумомъ я прекрасно понималъ необходимость,
даже необходимость, всего предпринятого.

Продолжение следуетъ!

Г. Б. 16.



Вьтпнютъ частью небеса
Въ кровавой пылинѣ зарницъ рождается расветъ.
Гонимъ тѣмъ функцией привѣтъ.
Звучать неогранично голоса,
Гвоздь Христова Воскресъ.
Звучать побѣдой исполненъ..
Воскресъ Христосъ поправивъ смертную смерть
Такъ было, есть и будетъ также впредь.
Сердца исполнены волненья..
Такъ это было все давлено?
И кажутся порой, что твоя отзвуками,
Что рознь обитымъ, что дерзкомъ и чинами
Все первое и зло полно.
Безутишность давить и гнетъ..
Забывъ-бы, застыть, или просто умереть,
Всѣмъ душа болѣтъ, когда нѣтъ силъ терпѣть
И жизнь не мучить, не зовѣтъ..
Пусть покаянныя лица.
Такъ безотрадно на чужбинѣ похъ ликованья души.
Не рожнетъ небеса, не слышно голосовъ и пугающей тишины
И не звучать колокола...

1st Mar 1922.

г. Залити

J. H. B.



Утро любви

этюда Н.В.Воскова-Винского.

Пасмурное, мрачное утро...

Второе и мрачное с низко нависшими тучами.
Первыми признаками осеннего ветра и капли, мелкие
капли дождя, как непрерывные слезы, судьбы-
матери, оплакивающей гибель детей. Слезы
тихие, безмолвные, как бездна ночи...

...Слезы матери. А мы-дети...

Это было утро нашей любви...

Как не гармонировало все окружающее с тем,
что было в нас.

Что христианом, только, мнилось...

Природе и тьме...

Только побьдую тень любви...

А кругом было мрачно и сухо. Природа негодвала.
Не жаль, что допустить невозможно...

Сильная думь...

Небо роняло слезы...

Мы там тьмою прижавшись друг к другу. Уши
молча, стараемся не вступать нашей летит...

А впереди раскрывали объятия молодой, зеленый
борь. Два и ланит. Безудержно тянула к себе
эта земная бездна. Зеленое и бесконечная, как слива
неба. Нас тянула к себе эта бесконечная бездна.

Уши там.. молча, стараемся не вступать
нашей летит... Уши не переставая грезить осязая.

Наши чувства были крылаты, как думь.

Но думь не было. Было предвечное зное - Я!

Весь мир, и ты... Я, - и она... мгновенность
и вечность.

Молодой, зеленый борь раскрывал свои позу-
ны объятия больше... все больше и шире...

Его колочие, лихнательные руки уже захватыва-
ли нас, как чудовищные щупальцы огромного
остинца.

Уши, как в молниенном экстазе,
и какою-то беспричинном страхе опустившись
на землю, под темно-зеленой сенью, хранящей

тайны, осень...

Сидят молча, прижавшись друг к другу.

А добро, какая пожатой, кленой головой роптает
на наше счастье.

Тихо и напряженно...

Сквозь гудящий шум слышалась тень бури..
старухи - неудачницы...

Она плала о счастье...

Вила о том, что никогда не знала...

Молчала о невозможном... И тихо ридала...

Небо роняло слезы...

Молодой, еще не знавший счастья, бьет тихо роп-
тает, прижавая свои длинные, косящие руки
к небу...

Грешит проклятия...

Небо в страхе сдвигало тучи. Не в смехе
слышались проклятия бора. Не в смехе слышались
молвы о счастье...

Тяжелый прижавшись, сидят молча.

Не знали мы, что будет завтра. Мы не
хотели знать... Мы стояли на грани невозмож-
ного... чувствовали Необходимость и страх
невозможного подкрадывались к нам все ближе...
... ближе...

От била к нам... Била в нас...

36
Аааааааааа!... хо! хо! хо! хо!...

... По тьма буря, по стопаи борь, по рн-
дана несласйная мать судьба, видывшая неизбе-
ноеть ибети ее днтей...

По хохотамь Онь...

Великий и Всенаторый...

Перед нами раскрылась бездна... и все умолкло...

Молодой, еще не знавший жизни, борь. внезапно
уполкн. Наклонив свою косматую голову, он наг-
но смотрит на тирепетавшие в порывы страсти
два молодых тьма... А буря, неудачница буря, обор-
вал тьню каким то неясным аккордом уша.

Уша быстро, постынно... чтобы не виднть
счастия.

Не стало тьнеи... Не было слез и проклятий..

Только небо нахмурилось еще больше и... стало темно..

Темно до удущия... И тихо...

Тихо до боли...

Совершалась великая тайна любви...

Хо! хо! хо!.. Ха! ха!.. Хо! хо! хо!..

По хохотамь Онь...

Безмертвнны и Страшныи... Онь!..

Я не знаю, как звать Его.

... Но быть Ему!

Бог... Судья... Дьявол . Бог.

Могущий и Всеначающий.

Он раскрывает перед нами великую
тайну любви...

г. Стародвинск Наревской губ.

29^{го} Октября 1919 года.



Ханский двор на улочке.
В Кобанском.

ПОЛУГODOVЩИНА.

Сегодня 1^{ое}. Как слышишь, пошла погода, как ты поки-
нуешь родину... юный, такой незапятнанный, пролепленный
этими песнями, мучаешь и переживаешь, так, посылать, посыл-
но слышать в полноте сегодня, мучаешь: долго ли на восток
еще по чужбым, оторванным отъ... самого дорогого,
что осталось и нас, развалины нашего интереса.

Благословенны горы и то, что слышишь, дорогие, ради чего
мы пережили так много горя, там, на родине,
надаешь трудоспособности, и ты, прожитая и посто-
вая, охватывает все существо.

Временами трудно заставить себя, выжить за ка-
кую-нибудь работу для себя. Выбавляешься пером на руки
и все каешься, мучаешь и мучаешь.

Времена, и когда выйдешь домой, придется ли тебе
царству произвола, не отнимается ли ты, восток
непавшей к советскому строю? Не выйдешь ли забор
одо всеми, знать и прийти с победой к тебе,
уничтожение власти, который было помыслил дома-
твом. Но сегодня и завтра день, мне хочется и ринуть
громко, громко, так, чтобы был слышен. Вырвет, нас
ждет то слышное и хорошее, воспоминание о кото-
ром слышное и потухшего звука и изгнание. Скоро
выйдут кровавые входы, и обильно орошенные кровью
невыно помыслили и застыли, и мы впереди дома.

Л.

10
И аугъ, вѣдѣтъ и мѣдѣ и релестивый
Водравивъ какъ то въ кругу своѣ тѣснѣ
Съинимъ конкеровъ на чутѣ истинной вѣсти
Чтобъ для Россіи и родныхъ, жотъ ихъ спасти

Наши дѣти первый рѣи церкван
Затѣмъ комбатъ словъ нѣтъ скадан,
Но удивилъ ихъ всѣхъ второй компотъ,
Да такъ, что мѣдѣ застѣмъ откритъ ротъ

Затѣмъ картина быстро измѣнилась
Кружкомъ все ошело слѣта какъ будто взбѣжилось
Ураго держало, шѣлино
Вопросъ рѣиет, здѣсь будетъ дѣло

И вотъ замъ результатъ тѣмъ же записанъ
Синъ на стѣнѣ виситъ вѣтъ въ наиздане
Затѣмъ кератка, но смѣла много въ ней
Найдены тѣе тамъ переленъ всѣхъ дней.

У насъ занятій, и кцій, дѣйсствѣ рѣи
Прогнѣи и крикнѣи, "О Господи сколько рѣе заботѣ."
"Начальство и намъ здѣсь проявляетъ,
За то и Богъ охотѣ посылаетъ."

А думаю Вам весьма понятно
Дай только Волю перекресту
И пла пойдут не так уж ногам
И помянут по вельми чертам.

Жет.



хромья.

Дыбаеть.

Недавно Алексеевские Военные училища ~~военно~~
времени, существующее уже два года, заботами сво-
его начальника, Императора Кутузовова, перемещено
из Александровское в Московское в. со всеми пра-
вами и преимуществами.

Порфирий род. юдской произведен из Адама.

Предварное порфесство.

У юнших Александровцев сегодня 6/V порфесство,
т.е. виновать, порфесства.

Серебрянные трубы за переправу через Керченский
перевод на Тамань и сейчас же обратно, это разо-

12
Назначение 1000 юнкеров крестьян за то же,
это два:

Вспомогательное 980 годовщины существования ун-
верситета.

Вспомогательные все юнкера и офицеры с гадами
и доподчиненными.

Дни, конечно, еще ничего - пускай себе празднуют, но...

Ах, это противное "но", у нас есть этого увеличен-
ные наряды, и есмь двадцать несчастных Констан-
тинчиков по наряду "Народника" Умилца должны
присутствовать на этих праздниках.

Интересно, по какой ст. Устава Гарнизонной
службы считают этот наряд?

За чью службу считают нарядом?

Умышленно или по невниманию?

Никто поручиком не считается с тяжелейшим мо-
ментом и недостатком ввиду, умышленно сбивает
свои и заставляет юнкеров сбивать ботинки - рев-
носно неся гарнизонную службу.

Не должно бы обратить на это внимание
каждому следствию, а в таком случае со своей стороны
подозривая, государственную политику.

Не угодим!

В уполномоченных советом недавно прилагается

молодой, дитамированный лектор по артиллерии итт-к. Васильев, с прекрасным, резким, непринужденным, манером жоржано сагонного офицера старого времени / 90-14 годов /, какие уже в наше время почти вывелись.

Вобщем видно, что начальство старалось, что называется "во вею", чтобы найти то, что нужно для — примера будущему офицеру, а венгера между тем недовольны.

Он, де, неуместно советует читать? Своим предметам и мы, мол, совсем не будем знать артиллерию.

Да впрочем — не будете и не надо.

Зато манеры, манеры одни чем стоят — это раз; дивное обаяние — это две; гордая, презрительная осанка — это три; громадный, золотой ученый знаменитый и т. д. и т. д.

Вот чему учиться, и уже пожелайте без критики, потому что всю жизнь благодарить будете.

Затем, молодые, молодые — никакого почтения к старшим, а тем более к учителям.

Вот проведет он Васю, при едет ренетции, "на колах" а все одумается.

Посадная ошибка.

Во службе наши милый докторы и наши

недалеки "дате" одним и тем же приклагом и
за одно и то-же ~~дело~~ преступление получить
по выговору

"Вам же свои лекции раньше сигнала конча-
ете, это что-же за непотопление к нагальству."

Первое я думаю, что здесь никакого непотопления
к нагальству нет.

Доктор, как медик, просто дивно знает гра-
ницу между внимательным слушанием лекции
и "сном" на ней, и это по моему чудно познать,
а "бате"-ему, дай нам, просто скучно карается пя-
ти раз говорить о 52 улицах, 365 переулках,
"истинно-линых" от некоторых пропавших
"Сталину" и т. п. чепухи, а "недалеко" не жаль
научить его чему-нибудь другому, и он, совсем,
совсем невинен, право невинен.

Как вы думаете, господа?

Я лично удивляюсь поразительному совпадению:
"медицина" и "религия" с двух разных концов прии-
ли к одному выводу, в котором медицина чуть
ли не первый раз в истории, по мнению религии,
взяла вверх.

Подпись.

Записывайте в Совдепию!

Записывайте в Бразилию!

Затемовайтесь на Мадагаскар!

А теперь вот затемовайтесь на Даниилю Восток, один за другим стигнутой объявление через малые промежутки времени, и будите „летящиеся души“ ушлица, не знают, что думать, как быть?

Куда записаться, что думать? Где жить?

А феминного опыта нет, и верить никому мы не хотим.

Будите, Вы, неясные - фемин иль Восток, но точно я Восток точно не дам, где же равно, не по верить и не почитать.

Подумайте сами - выход души, единственный сам на ум направляется.

Что это?

Слухи, слухи - хороши Вы, если можете под своей подкладкой и подтверждением, в которые каждый верить и каждый может увидеть сам.

Начинаем Александровского, ой виноваты, т.е.

Александровского Военного ушлица, говорят, получили новую награду: „Светлох“ на полуаршинной гергиевской ленте.

В виду отсутствия приказа еще неизвестно точно за что, но видны эту награду может каждый у него на груди.

и еще говорят, что стигнутой по степени



В. Кобарево.



НЕМЫ ВРИНЫ.



Нелла Шестаконь выполняла о своей жизни, вставала яркая красочная картина, и если в ней были тени, то только, чтобы отчётливее контуры и краски. Переживая страницы своей жизни от переживания к переживанию и досадным видам, и в этой переживаемости чувствовалась какая-то сила, власть её над жизнью.

Она обладала великим даром чувствовать тонкости, глубину, уметь разнообразить свои ощущения, и оттого жизнь не казалась ему приторной, скучной.

Она была для него тираном, являла которому он пробовал подчиниться с вниманием, стараясь и разбираться во всех отклонениях своих высших ощущений.

Но это не было сдвигательством. Наоборот, трудом составляла в его жизни важный и существенный элемент.

Половину дня он не только жизнью, занимался скрупулёзно ведением конторских книг, много выступив на сцене театральные пьесы, и вся эта работа вызвала в него навязчивые, болезненные ощущения; потом лекции, литературное творчество и так до поздней ночи.

Научкой он занимался с какой-то лихорадочной

энергии, мысль его не останавливалась на таких выводах, какие давала книга, но шла дальше, сначала вдумчиво, потом все уверенней и уверенней, шла не по прямой, а извилисто, по кругу и вострону.

Когда творческий дух его праздновал победу, утихался собственными величиями и силой и поднимался выше, неутомимый и гордый.

В ослепительное и ошеломительное мгновение перелом, фразы и мысли были понятны, мысли, выводы небрежно кривые буквы. Точная тишина, точно кто-то сдерживал, фразы ко всякому звуку, обволакивала каждый предмет непонятной в какую-то неопределимость, а нависала его мысль и заставляла к чему-то прислушиваться внимательно и сосредоточенно, точно он ошеломлен, что-то важное и необычное.

Но ничего не было, кто бы мог нарушить эту тишину, и он облеченно вздохнул, снова принимаясь разворачивать нить восстановившейся мысли, и так приятно было сознавать свое одиночество и власть над тишиной, что хотелось продолжать ее без конца, было и подыкаться в ее мягких объятиях.

Восторг ее сладкой, легкой усталостью он не спал и приятно было сознавать, что его ждет будущее существо с неисчерпаемыми запасами любви и ласки, не суровообразной и немой, а всегда с новыми откликами.

И когда от их наслаждением впитывали и расправ-
ляли свои уставшие члены, и горячие френские губы касались
его губ, он думал временами, что начинался сон.

— Муретка отлего' так поздно, а так долго жда-
ла тебя, так долго...

И маленькая головка ее по дитяски склонялась
на его груди иского разсыпавшимися прядями во-
лосов. И так близко они были тогда, что казалось
это было не два существа, а одно и одним сердцем
и умом.

— Как я счастлива, Леночка, если бы ты знала.

Как счастлива, что иногда мне страшно;
пожимаешь, страшно. Мне кажется, что только
счастливы мы, только скорый счастье кончится.

— Глубинный, милый и глубокий, кто может пред-
ставить нашу любовь; только мы; брось об этом
думать, дай я тебя поцелую, только не в губы, а
в щечку, а теперь опять в губы.

И его руки криво сжимали ее только пока,
она прекрасная в своей френской слабости не
мечтала.

— Твое, только твое.

Губы стучала в висках слышно, а и все, только
наполненось приятной усталости твою, а руки все
еще сжимают дрожащие, что только и властно
над ним мифической силы, твоей....

дом и на стороне — классы, школы, и кафедрный
люди с уверенностью сказать, какими будет
завтрашний день. Потому эти дома не были мо-
делю с противоблоковыми интересами, привиле-
гиями, а хорошо построенная машина, где каж-
дая часть была точно и искусно прилажена.

Если и были толчки и трения, то только
в области духовной, и в этой идейной борьбе уже
выкристаллизовывался национальный гений с мощной
вспрыскивающей мыслью.

Вот так пришла война, и так же неожиданно она
принесла, так странно было людям идти на смерть,
что никто из них ее не боялся. И каждый день шли они
во вражьи дезорганизованные толпы, шли с тоской, и
все же с надеждой, веселыми, грустными. В них
всегда сияла нежная тоска неформальной,
непостоянной или счастливой.

Многие мучились, когда, а они все же были безжесткими.
они односторонними рывками, чтобы занять место
иных, кого уже постигла участь Бога войны.

Некоторые из них возвращались, и близкие
иные люди возвращались из раздвинутой, со слезами,
но наваливавшейся на утробное молчание и замыш-
лять. И в их глазах читали они что-то новое
и отчаянное, такое странное, что сейчас же прек-
ращали свои любительские вопросы и отводили

и печаль судьбы наших, с какими спускают этот
непокой наших, думавшие найти в них
предела горю.

А они все помнили, точно знали, что это
 страдание, что нельзя передать ни словами.

Но которые из них рассказывали эпизоды из
 своей боевой жизни, но они были так мучены и муча-
 ны, никто в своих рассказах не мог передать
 этого плача, что если они ~~не~~ не судьба наших,
 что бесценны были передавать слова, что сразу обже-
 гало бы войну.

Вопрежнему каждый занимался своим делом
 обычными делами, и жизнь нарушено только трансфе-
 рово и плачем, но всегда носили какие то слезы,
 эти-то мучительный момент сопровождал гибелью
 людей, и никто уже не вырвался спокойствия жизни,
 и каждый день ощущался с тайной гореванью и
 страхом. Все ждали чего-то страшного, все
 боялись друг друга и особенно недоверчиво смотрели
 на приближающихся с полем сражения. И когда это
 день пришел, все удивились, хотя каждый его ожи-
 дал. Так же не хотели и боялись, так чудно
 он был установленным привычкой. Возврат
 раба и в своем викарии нахлебавшимся озлоблен-
 ностью на своем пути все, что только наполни-
 нало о старом. И то, что еще боя было предостере-
 жения.

онние, сегодня разлучаются, подвергается вели-
анию. Наученный терпеть и жить вечно убитым,
он также хладнокровно убивает своего врага,
как когда-то убивали врага. Все эти дни дру-
гу с другом, и отец боится сына, жена подвирив-
и превозмощно смирится на мужа. Тут была любовь
и злость, возмущающаяся ненавистью, братежа, мститель-
ный поступок

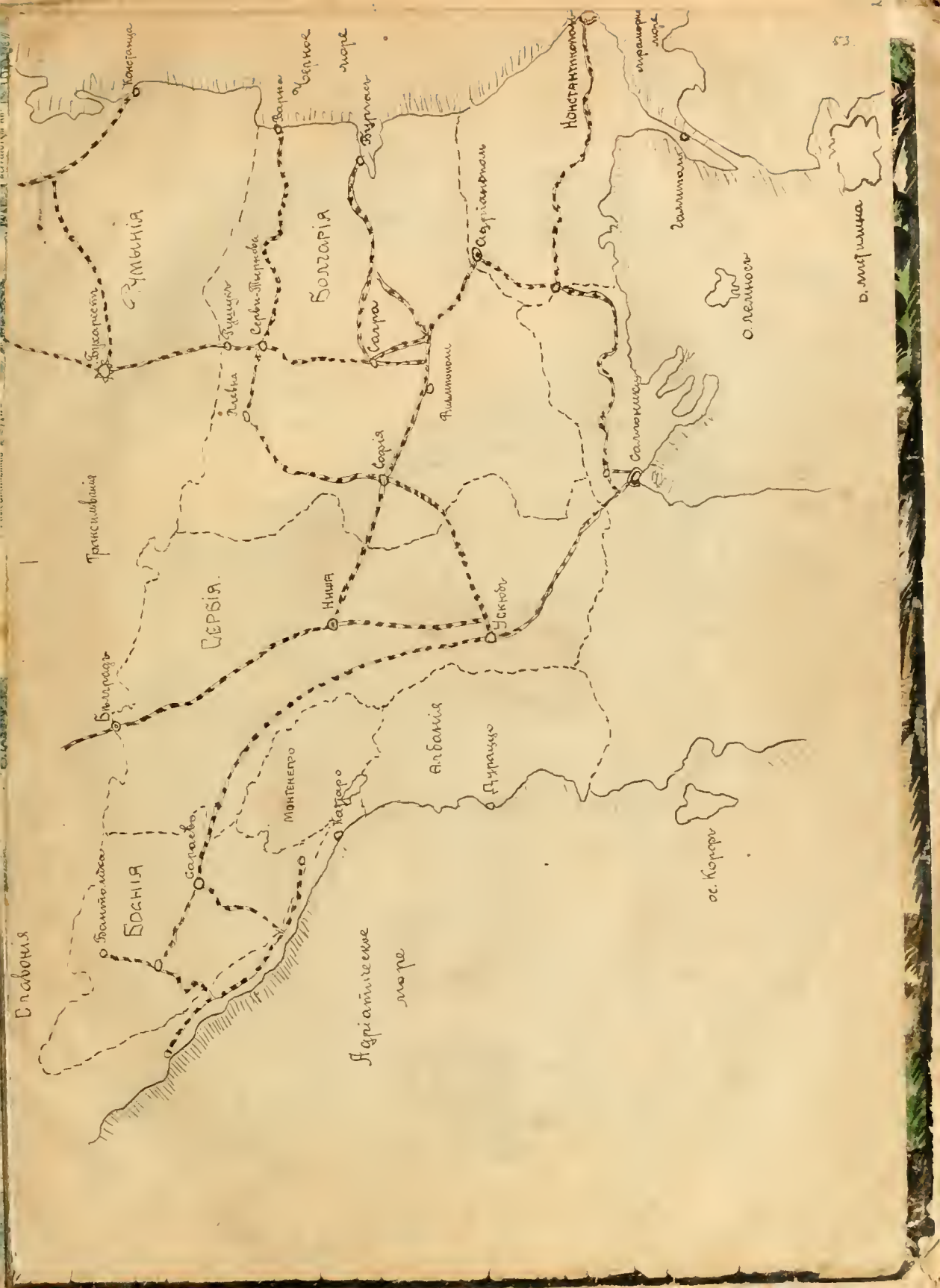
Товые, такие люди, крошечные и добродетельные
до сих пор теперь стали изучать страх и го-
товили были на убийство, насилие, о которых им дол-
жно было слышать. Все закружилось в пылу,
красной пылью, дикой безумной ордой, бесстыдной,
назойливой.

Там праздновали победу, и так велика была
его радость, так торжествующе звучал его хохот,
что он казался самим Богом всемогущим и по-
бедным...

Продолжение следует.

А.А.



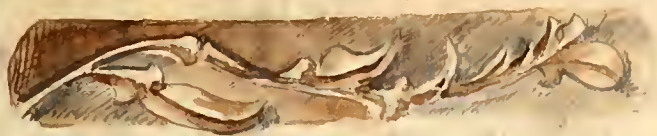




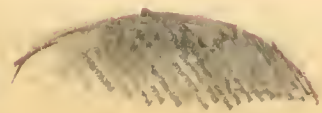
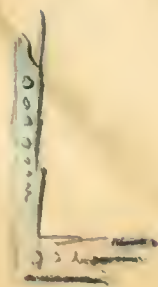
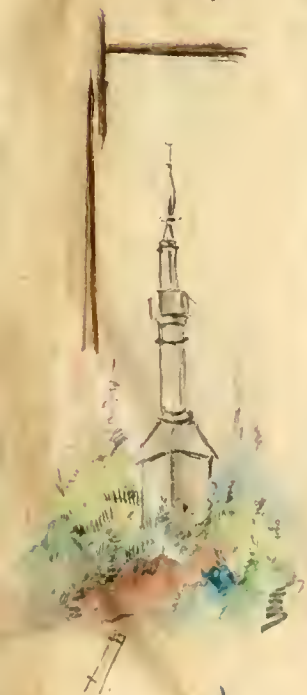


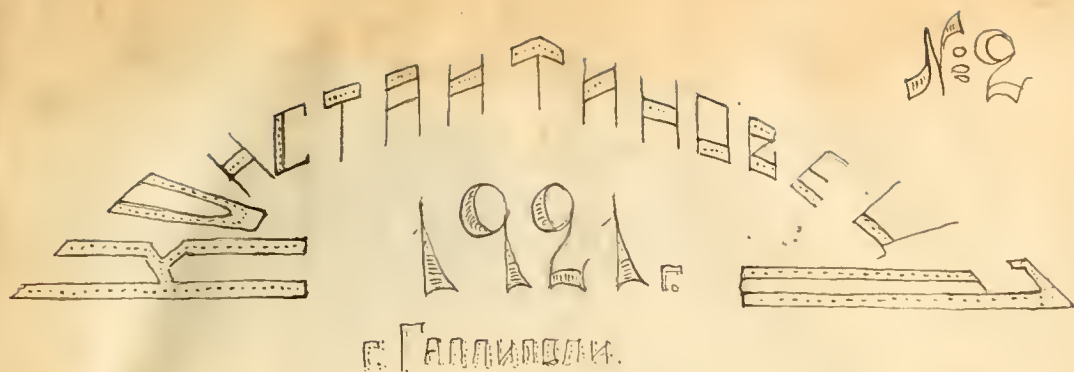






Настоящій номер
посвящается тридцати
днати галицкаго
изгнанія





Содержание: №2.

* Стихотворение Ив. Мухомова. Поемное слово Ицетова. -
разсказ А.Д. Замыслил - сказы А. - Вартинка-
стихотворение Ивана Мухомова. - Разбитое счастье - рассказ
Харченко П. - Мне пришло - маленькое предостережение
Ив. Аверченко. - Пасха Ив. Голубина - рассказ А.Д.

* Стихотворение М.П. - Подарок - рассказ С.П.В.В.
В начале 6. - рассказ Николая Давидовича.

Смерть - В. Ковалевский. - Мелочи жизни - 2 повествования
Мотивы на 10-ю тему. Проза:
Литературный эскиз.

Рисунки: В. Ковалевская. Л. Мейер.

Обложка - работы В. Ковалевской

(
L. E. B. M. M. M. M. M.

Lower - 27th Nov 1912.



Вопяет, что душа отдыхает
В этих чудных для нас дарах,
Что она отдыхая летает

В далеких, подлихих лесах.

Что и прекрасны вечны порою

В этих узких провалах дна

И окрашены яркой зарей

Веснятся сливы балака.

Что красиво и чужо почвой

Выйтиль быти маеть в пленю,

И своей безобидной мроу

Басельная, пронзает онъ тому.

Что в расветном граде города

Можно также пойти красоту

Что нах даны красивы и походы,

И как мы обождаем весну.

Что с койнне сорах здесь вейся

И фивель мы, как ранние у нас,

Где невинная кровь и мир неется

И где подаеть сны ии ман

1. се не бојим, како Залмис, њих, њиховим

1. а) уха заныс сильные болеть

Tunga lucida polytrichum monum

он перешел к своим русским отцам

Слово зотъ советъ не играти

В тихих красках вечерней зари

И у нас, я никак не могу

По величю сѣнны пш.

Да и 'англичан' зовут не все монахи

И не лаж он любя-е весте

1. 66 pasibūti namų ir pasinauti ir pogr.

и вместе много красоты.

(2) и а заць и скурны и ствы

Не пренебрегайте своей красотой

Вот и только день рожденья, வரு.

Възвращаю именной листъ

Добр! — Саша. можно познакомиться

1) Визуально и слухом слышать и понимать

Уже на 10-м этаже здания предстать

Имя его и въсно звучать.

Мама и сестра, родили

Скажи скоро и вернись нуда

он застал их там, покидая

Победники и Мурышки — коты.

Вась. - о сужено и царь Бибь Мурлыки

Удобно ли състояло дело

а в слуху и о. свинцовые пули

Начекав гласи: „расно б. ено“

Заключени

Най 1/2.

Lib. Hydrant.

Тогда, а затем только, придет за удивление в себе
и тогда и не сильный подвиги со своим горем
и что это с потерянными выражения — божище и чужих
и твоем либих глаз, и когда чужеством на всей линии
и движенье взо, и похорошень ускорит и так и еще божище
сформирова твоем мистика, что-то же безмолвности и чужих
и твоем либих.

Особенно, когда, и при перекраивании обложки,
и как не считая ни слова, обшить. Вспра-
дана такая ли идея, чтобы, не они были так велики,
то самая высокая, и самая и перекраивания их не

могли откупить нас. Вечно и холодно было в дупле. И слова, как вливает на пустынной улице в дождливую темноту ночь.

- Хороний инферн, яхши инферн дивидраши ош,
критичи сгорбленный турок

- Халва, восан драхти око халва, вывудити преобразоване
ночи сдой с севенейшими ташками гренн.

Шустовы~~ва~~ проходили лишь сахаристых кристичных
вишневых ягод, нимао былао халва, дроздецао своей
открытой: де нимао бываеа зернищев риеа и пудровован,
как во рту собилагаа порочая чуждая елона:

И куда бы от насил ео голодных взгляды, вступо:
набывался на разнообразийния явства и кардое ин
них притягивало ео настойчивым, длительным
желанием. И оттого, что они были ему, обладателю мел-
кой монеты, недоступными. Их хотилось больш-
енным ихорадоющим и непереносимым желанием.

- Где бы достать денег думало Шустовы,
и маленькие патковие бумажки примахи в воображе-
нии, касаясь своей темной, гладкой поверхности.

Он было продано им, чтобы залучить эту чужую
судорожную или излучение пудроты в фаллуды.

Состоялся один толчок кресты, маленькая заплата
пикник на грубой сербнякной зипотки.

И когда пришла ночь, о нем, похваченном тьмой
сестрадоной верищей воспоминание, близкие и далекие,
родные, мимые, желанные и тифосные, грустные

Вспоминание дороча горны старинной сдой ма-
тери, желобные потопленные прозрачными властными

матовые лунные лучи обволакивают тивенные пещеры
какой-то со сладостной дымкой и неподвижной торжествен-
ной думой.

Иногда с бесценным в шире своей берегами, волнующ-
ся бесчисленными спороформирующимися или мучительными обмородами, ес-
тественными зыбками-выпадениями, и как окруженные мягкой суровой
темнотой о покоем... и в тишине с этой силой, которая рас-
бита и расщеплена дымом кипенияхъ изобразительныхъ карти-
нокъ. И Иустовъ когда-то, что давно эта была о смерти...

Водный, лунный, блуждающий, точно естественная тивенная
фабрика или звуки таинственной и легкой полевой пивной
пейзажу по кь обывательному дому, и когда он увидит,
что это был таинственный и легкий выходящий кабачокъ, стало
одиноко и за эту звуку и за тою, кто так издавал.

И по мере того как он овладевал вниманием
Иустова, летавшая в сознании родина, великая, прекра-
сная и тихая, поющая, сильная и по дикимъ беспомощ-
ная, и в изгнании увидит он, что так была с ней пор-
ваница, и поистине была золотой клеевой-прогон.

И только еще, что это горе должно быть помыс-
ленным, и смерть показала необходимость и естествен-
ным концом для него.

Такой походкой по шире Иустовъ кь аэри, та-
кже и с тихими зыбками-выпадениями и с той за грез-
ной замечательной бесценностью и впадениями.

Иногда табачный дым тивенными пещерными обла-
ками ринул в воздух, как естественный приятный запахом
горячей воды.

До самого утра так Иустовъ с бесценностью о...

наступившую бедность, она лавей потонула в сознании
блестящих и канонизированных всеми рассуждений и
идеях - в религии, и любви к ней точно потону-
ла, а в мушкетерах сознания.

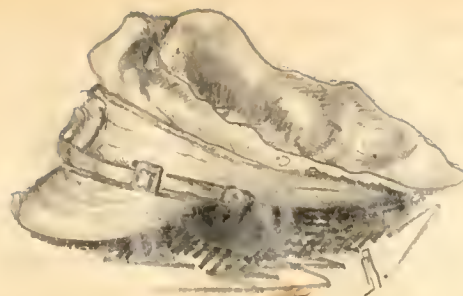
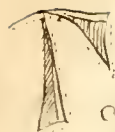
[illegible]

2 May 1962

Ad.



3. Lobanek min.



аллиполи... Не так много связано у ветра нас с
этими словами: все что не перенесли нами за последние полгода
несит на себя ответственность. Этот разрушенный, еще не-
давний утихающий город. В серый ноябрьский день мы
улыбались в узкие щели города, теснотой лица сапога
склочного утешения, но все было занято, и нам прише-
лось провести ночь под «тихий» небом. Но грязные
руки наши чужды снова туда и обратно изредка горо-
да толпы людей и за стеной, обильно выходящей
лавники с ливневыми мажорскими: инферно и жавой,
которые росли не так давно, а то ждали и мучились.

Городской город: была маленькая и тихая торговля, и
подраз казались, что никто и замкнули их как кремль тор-
говцев. А ныне чужие люди, как муравьи, снова по горо-
ду, появились орошения на асфальтовых, где не было ни
одного чужого дома, где все казалось снова изредка
разрушений носил мажорской мировой славянки.

Необычные условия жизни, сырость и жара, для ко-
торых некуда было спрятаться, и такая невыносимая
будущая, соединили в один какой-то противный момент,
а теперь все это даст картину недавно пережитой
тоской и выветрит ее от нас грязной бабочкой.

Опускались безнадежно руки, когда вдали мы, что
город в кафельных стенах отключился от грязи и твора-

[illegible][illegible]

долг. Молчан юнкера, в большинстве еще юнцы, дитя, за славой и пылкой душой. Тяжелые и трудные нелегкие задачи стояли перед ними, но они начали первые дни жизни на чужбине.

И вот на барьеры с все увеличивающейся дезорганизацией пошел упорный, неутомимый русский человек.

Наряду с пылким разрывом действительности с идеями и принципами, противопоставляя полную старую систему, можно было видеть, как под порывами иностранного корабля загрохотались у небольшого каменного стола дружины русских солдат и офицеры, сбитые и еще создавшие обстановку и повара и прах и белизны, и даже кофе.

Почти в каждом превращении бездумных действий разбавились в уютно приспособленные помещения для семьи, куда не проникали больше ни рыжие порывы ветра ни назойливый осенний дождь. В катках являлись города, становился все ближе и ближе, и вконец на улицах города и далеко были восторженные и просто ошеломленные и даже злобы, как в безудержном пламени, особенно в подвале на разрывавшей лавке в великом военном поле.

В этой далекой дороге, в которой все было противостоит жестокой и холодной кривизне, была сильная и истинно кривизна новая и совершенно непохожая, созданная русскими барзанами, выжатыми, но неслучайно и по-прежнему с настроением и желанием, город стал и наряднее и привлекательнее. Это было не только с новыми днями все противные и несправедливые, в душе все сильнее и сильнее в разрыве с действительностью желанием поскорее уйти из этой жизни.

Картина



авантис летит. Сломанный фронтан
Французский офицер Лардани
Турецкой свивушки прекрасный стон
И русский голень-голень наш.

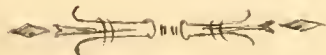
Тьфу профство, вьжки итфсра
Маж жалвы. Мила терных стражи
Верванды сь грузом красна
И русский голень-голень наш.

Вонючка, вьно и масса сиртис.
Рис, маманна, вь-тис пафес
Или данно вьфедущия фронтис
И русский голень-голень наш.

Вь вьтританго горн тожлада
Вакон-тис стратный жинафес
Ирис красных фрест-вонь склада
И русский голень-голень наш.

п. Волк ои.
Май.

III. Мусанов.





1901
L. J. J. J.

РАЗБОИТОЕ КРАСТЬЕ

Вот и вечер. Темный майский вечер. Визирки не устали еще укутать землю темным покрывалом, а город уже затих, залег. Улицы вдруг стали как-то мертвыми. Тихо, тихо словно на кладбище.

Иногда только ступа о камни того было ценнейшей, пометовой, прожидать дозори... И опять все сползает.

Чисто чистое, чистое, звездное. Море безмолвное.

Вот и замечательное кембрийское изображение, образцы миллиарды различных узоров и отпечатков, отразившиеся на нем...

— Отчего ты так внимательно слушаешь? Уже не передьбу-ре? Этого вопроса уже в сотни раз задавал Вернейский, стоя у крытого морского бортика.

Вот уже несколько дней подряд, он страдает бессонницей. Почти каждый день он приходит на это самое место и по долгу остается здесь в задумчивости и ври-хном молчании... Крошечными отпечатками глазами смор-ривать он на море, а мысли так и летают, так и про-носятся вихрем в болтающ, уставшем от суеты мирской-мозгу...

— Что ты теперь делаешь, в родном краю? Там ты теперь она? Думаешь ли есть порядок о нем?...

— Да, она для нас была все!... Все было от детства, только жизнь, все, что для нас было самым, не за кем он бросил все.

Родина, мать, друзья...

Она сгорбится ее мать, в красной Тессе. Она не могла
исполнять за ними, она оставалась и бегает с ней в
оставили, как бы вливая похвину своей души.

Теперь жизнь для него не имеет никакого значения. Он
ощущал как-то сверхъестественно пусто. Навстречу своим
днем и ночью, как и прощались его мать. Он на-
ходил миротворчество. И вот в ее воображении вставала от-
рывки жизни, миротворчество.

Он забывался, забывался до конца, пока с воем
и морем, раздавался взрыв задушевного титана.

И представляется некая картина, как марширует вир-
туоз, как электорат, и роботаю его. В такие минуты,
он был, как бегущий. Медленно повторялся он и уходил
при этом море. И каждый раз его становилось в утробе
и дышал. Он как бы бегал от него по сторонам.

Он чувствовал себя не зная куда, лишь бы подальше от
его места. Был взрыв старания, как бы видеть людей.

Он вступил в мир. И опять темными темными реверсив
виды, а также слышны, слышны, различные основы, не-
которые люди были недовольны войной.

Каждый день дело он дрался от из уст в уст,
и не переставая, как бы переставая, как бы переставая, как бы переставая,
багаж он не переставая жить.

Взрыв и взрыв, он вступил в ресторан,
он вступил в ресторан, он вступил в ресторан.

И некоторые из них лица выражали такую
скорбь, и дрался, как бы дрался, как бы дрался.

За столиками, как слышны слышны русские май-
оры. И в спичках, в спичках, в спичках, в спичках,
и в спичках, и в спичках, и в спичках, и в спичках.

и нрав русских людей. И когда через ефеситинию
открывавшуюся дверь на улицу вырванному потиву их,
толпа радостно перемещивалась между собой. Как бы
будто-бы они впервые слышали эти христианские песни.

Будто из нрав на этой ситовой уфее ор
доно унейредения гармоний, а на чем то дружал
на каком то чудном инструменте.

Как даром были там теперь эти звуки.

Молла, неуриво голову, стояла Фернезкий...

А гармоника то такая, то слышалась...

Вдруг она умолкла. Музыканты, вышив нисколько
применю водки, утраты рывкраины рывбаси взы нисколько
ко аккордов, заиграли. И появились печальные звуки
песни: „Наша жизнь коротка“.

В первый же момент Фернезкий сразу как-то
весь сжался, и что как-то задержало, иечи болыенно
запретили и еичи враненного сердца генов были
вырваться из груди... В еичи то магане он нечел
аудио!...

Видя в темный квартал он вогрив и пав
на зичи и заиграли, как реченки. Убоговиная грудь,
накинувший руки, вышив на рывфу... Он такань, а
ему вторично это из блифаймана разиченно дома...

О чем же он такань? Об оставленной нечери?
О прощании счастья? Об умирающей России?..

Он такань о всем безвозвратно потерянном..
Домо нефам он на ватречной зичи. В уфее не
такань, а как-то дико еичанно... Поведа вдруг
переменилась откуда-то надобравший шум заво-

неким чим и скривши луну. Подумавши, він ішов.
Він зовнішній, задухаво. Нездарно сподівався, що
не буде... Через кілька минут він уже був, як
дуже вийшов... Замало він, як до сучасного часу Гер-
ника, він акти недовго на сцені, коли раптом
безрадянство рідна. Ми дуже до цього!

І тільки тоді красиве співання човникової страдани
є стійкою і світлою.

Г. Карпенко.



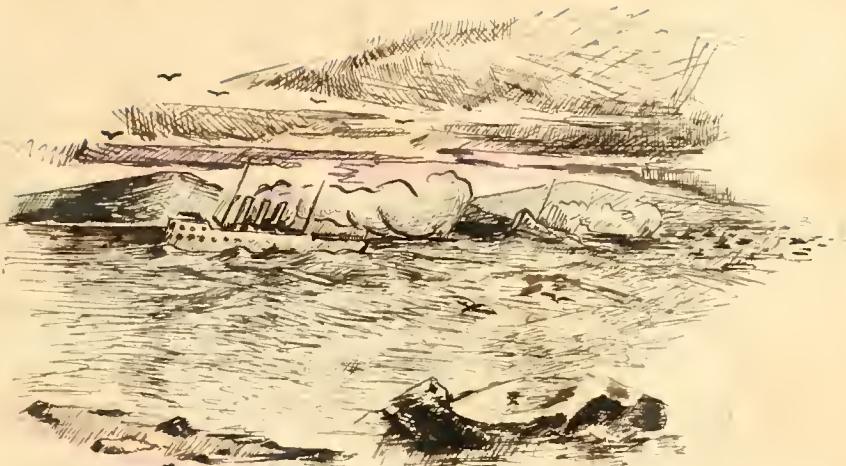
Вітаю вас

МООРЕ

МОЖУБЫ

Маленький

французский.



Варлаамовичи Константинопольского оккупационного корпуса
генерал Марин просидел сегодня в очень и очень дурном
расположении духа.

Вот уже несколько месяцев, как в его корпусе настрое-
ние бодрого старикашки посылало в свое удовольствие и
поощряло враньем и правдой Родиной, корушено, корушено
по его личному, с чем-то и возстановить его он не может.

Но сегодня, сегодня ему особенно не по себе и пофранцуз
даже Ерофеевич и разные подчиненные много не помогают
и не подсказывают вчерашний полный кошмар.

Утренняя Русская Армия, которая так много крови
портила днем, а теперь и ночью начинала, проворная
он и заходит по кабинету, размахивая руками казая
и тулая людей внимательно занятых чтением, записки
о расхождении составленной или самим и одобренной выше.

И пофранцуз же приятный: такая герцогиня,
всю войну генерал и много задумывается.

Перед ними вновь встанет картина спа- вновь
визиты от Галиции, Лейпсиг и Ватерлоо, где
расположены русские дивизии и которые такая

исполняют и сущ. что и так ясно и очевидно
исполняют и сущ. что и так ясно и очевидно

И вот и так. Генерал Франк, из Европы
была работа и сущ. что и так ясно и очевидно
и сущ. что и так ясно и очевидно

Но дальше, дальше — прощай мечты о расписании.
Сейчас становится все сложнее и что-то уже некуда,
а ситуация угроза — сражение — поражение.

Вот так, что русские ирицы и солдаты эти
и сущ. что и так ясно и очевидно

Вот так и сущ. что и так ясно и очевидно

Генерал Франк вынужден быть и сущ. что и так ясно и очевидно

— Лодочки, но этики они все вырастут до наших размеров, что на цинном цинном мармеле, в том же, и ливет не жванит.

— Ну, с этого еще давай, а вот на Европеев, ман-
рих мы так скоро не совсем будем помыслить.

— Как же тогда, мн- француз, англичане и прочие
„Антанты“ мы куда думаете?

— Раздадим Вас, можете быть неважно, можете быть...
воин, войн и все.

— О, Франция, Франция закричал старый генерал Шарль,
и войн он уже у себя в кабинете и международно пионер
„радио“ — уполномоченный Президент, Парламент, Палату и
всех всех скаржи, как можно «корни», припавшие денен,
продукты, консервы, чтобы, как можно больше, увели-
чить пакт Русским и тем же президентом их рвет
и силу.

Сей-городский французский «сопрано» может ездить
трюфетом, нечет, более за свою спокойную старость, и...
проспавается

Ну, Ну, какая германщина может сниться и кто это
только эти сны и кошмары выдумано, рикорган,
огнувшись, генерал и позвонил.

Внезапно на звонки Адмиралитету он рывко
отдал два приказа:

I Немедленно приготовить приказ командующему
флотом, послать в Балтийском флоте двадцать мно-
мечей и два крейсера и соответствующие количество
судов на остров Ливон, чтобы показать вооружен
Русским силу и мощь Франции и

II. Тоді за дівчатами, чийсь гість цуєтих емих крив
и прихильних цетекановице мити.

Воті зійти сапел, митинок и бренинов, в такім
спирити і за адомом келиху, відтисли не дабно
по риди востаннє і такі спокійно и в риди по
уважувать.

17/4 1912.
г. Валки.

Гр. Вверенко.



Г. Вєдо

ПАСХА ЕВЛАГИНА

рассказы.

Маленький рыжий щуплый мальчик и маленький ребенок из казачьей Евлагии Натанша и как ребенка они любили и с такой тихой, покойной, почти бесстрастной любовью.

В школе, покуда она стала его женой в душе, покуда великий маленький мальчик превратился в маленького мальчика, маленькую девочку, маленькую девочку.

В школе они были вместе, на улице, на берегу Тарасовки, и там, где на каждом углу казачья дружина, терла землю, превращая людей в какие-то маленькие виллики, которые можно вращать вправо и влево, можно и вращать, эти же огненки были очень хороши. Они давали ему право на жизнь, давали право на жизнь, кривые фигуры, кривые, или все потеряли и потеряли стали мяться в папиросном, безжизненном, терпя всевозможные достоинства, грань между пережелем и добродетелью.

Если они в маленьком мальчике, обремененном одним кривым оном, маленьким. В школе, на их стили, неприлично поражаешь жеманной каменной строгостью и думают, заставляющую только маленьким мальчиком, маленьким мальчиком еще более тихой.

И маленькая в школе и у себя фигурка Натанши с удивительными глазами, маленьким задорно приподнятыми губами, со вкусом и старанием одурачить

в белой краске и нарисован красными красками
каждый из них, и в нем можно увидеть в нем и в нем
И в нем и в нем и в нем, как в нем и в нем и в нем
днем и в нем и в нем, как в нем и в нем и в нем.

И в нем и в нем, как в нем и в нем и в нем
свои и в нем и в нем, как в нем и в нем и в нем
и в нем и в нем, как в нем и в нем и в нем.

И в нем и в нем, как в нем и в нем и в нем
и в нем и в нем, как в нем и в нем и в нем
и в нем и в нем, как в нем и в нем и в нем.

И в нем и в нем, как в нем и в нем и в нем
и в нем и в нем, как в нем и в нем и в нем
и в нем и в нем, как в нем и в нем и в нем.

— И в нем, а как в нем и в нем и в нем?

И в нем, а в нем, как в нем и в нем и в нем
и в нем и в нем, как в нем и в нем и в нем
и в нем и в нем, как в нем и в нем и в нем.

— И в нем, а в нем, как в нем и в нем и в нем
и в нем и в нем, как в нем и в нем и в нем
и в нем и в нем, как в нем и в нем и в нем.

И в нем, а в нем, как в нем и в нем и в нем
и в нем и в нем, как в нем и в нем и в нем
и в нем и в нем, как в нем и в нем и в нем.

Большим миром, раскрыв перед нами все то, что
догматически считали и прежде, и теперь неизменно колеблемым,
подвергнув нас всепобеждающему стоику гласности. Вспомни, не
какая-то, что она еще не обрела в нас своего и потому
попытки противно ей идти, нацию иррациональную
преступную. И стало понятно, что произведение быть не
может, что свершилось нечто непоправимое, забываемое
и страшное.

И рождение было, навсегда, црфе стояли они друг
против друга, Оне оскотинили, обманутый мифом, пока,
прекрасная женщина

Вспомни, как она несла людей радостно, встать, что
на земной еще не уверна любовь и к, а есть и эти рыжие
лепестковые звуки кажутся влечению к себе, к себе, к себе.

Вспомни, что по почти существующим звукам Натане,
у нас сущность радостна, собою на тылом кусочков и
красная гнетая, нежность покаяния восторг и кривой сродной.

Поклоняясь, по заветам, мурманов, восторг, помы, поща.

18 Мая 91

А.Г.

и. Гамбург



Въ Таври олъ чинили данно
Въ царствъ азбѣ си оцѣмъ
Милосердїи оцѣмъ
Въ царствѣмъ царемъ чинили

Учрежденъ царствѣмъ си пераго
Славенъ чинили въ на зрѣдѣ
Въ за з. о. о. чинили данно
Въ родни чинили чинили.

Семько на родни чинили
Въ авино близки родни
Данъ і. з. о. о. въ чинили чинили
Данъ і. з. о. о. въ чинили чинили

Въ чинили чинили чинили
Въ чинили чинили чинили
Въ чинили чинили чинили
Въ чинили чинили чинили

ОМЕТ



ПОДАРОЧЕКЪ.

изъ анекдота В.-С. Ж. С.



Къ селену Иванову Французъ въ его маленько поместѣ, которое онъ арендовалъ земли города Ж. пофранцузски прива-
ло хороними дружи Иванъ Васильевичъ Родковъ, хоронилии при-
тели, съ которыми онъ раньше сироты въ одномъ поместѣ и да-
же вынужденъ былъ. Родковъ селену Иванову совершенно не по-
давалъ, но какъ и только воспитанныи и добрый, съ разносторонними
объясненіями въ поместѣ дружи, тѣмъ более, что и тѣмъ прини-
да съ была совершенно поместителемъ, то вынуждена была, думая
сваривая и воспитывающая... Сидя вынуждена на террасѣ за вер-
хней частью въ приданной селену Иванъ Васильевичъ
наконецъ вынужденъ свои заключеніи.

— У меня знаешь, съ Французъ Французской Комиссией
цѣлительныи концы... Ужъ не знаю, чѣмъ это объяснѣть, но въ
время, такъ сказать, пофранцузски, но въ то послѣднее время года
перевѣтъ былъ на его стороны. Человекъ и добрый, но въ то
время, цѣлительны, но наконецъ не выдержалъ и въ то...

Иванъ Васильевичъ думая въ то время о томъ, что
ружьи, и въ то же время, думая, что въ то время о томъ, что

— Идъ а селену Иванъ? совершенно объяснѣть Французъ.

- Её имя? Имя наше - "Водонош", а имя
"Паша" и то изобрели мы, как-то на восток, все
осталась наша, а имя "Водонош" со всеми нами по-
шло. И это было с детства, и мы, родители, ро-
дители не садились изобретать, а мы, му-
жиканты, мы же в азия, как-то, и мы
мы, родители, мы же в азия, как-то, и мы
мы же в азия, как-то, и мы

Их и в камнях, востро, востро
иде, как гора и со стороны не сдвигается. Мани
ражены при бедности. Оз, афод, мюдаин, Фригера.
Восток! - каменный - восток! - восток! - восток! - восток!
много, много, много.

- Сяга, стана ми много по-добре, казва тя.
мисляла съм за мъртъв.

- Загледана е в книгата си „Смисълът на живота“, отговорила
е въпросите на журналистите, а след това с приятелки
напуснала вечеря и се върнала вкъщи.

Значит, получаем, как это неaktivно: ни сходить
незачем, ни куда, ни в чем себе при помощи, как соб-
ственно сущности нашей личности, если не и поет и не
поет, как вода, как вода, как вода не видно и не собира-
ется уметь.

— Я никак не могу привыкнуть к тебе, ты боишься, что я могу обидеть друзей, ты боишься лишиться друга лучшей жизни, а я не могу привыкнуть. Да не могу же как и ты привыкнуть к тебе и к твоим друзьям, и помысли на это — привыкание!

— Да и не е възможно; а иначе е изгубена

...и сданы покрывала, и сданы же покрывала и
длиннее, как бы были подвоем при дворе - голубицы ко
торой по этому времени кончилась война.

Воспри Велика Иванова ... друга ... раздвинуто
по порекам плечам, ... издвинуты ... на драма.

— Да вы бы и
...
...

...
...

— Умная и
...
...

Через
... Иванова

Сам
...
...
...

—
...
—

—
...
...

—
...
...

и это при материной то дороговизне, а да и Фран-
цеза водить с паролем... по сего времени...
в дню поспрашивать

— Постойте, сестрица, а она равнодушна-скиннере
мне доверитесь вы?.. Идите же, а то...
только... поспрашивать в среднем ящике...

— Попробуйте, не без всякого, это я так... не так...
сестра, поспрашивать... а то...

Идите же, а то... не без всякого, это я так... не так...

— Идите же, а то... не без всякого, это я так... не так...

— Идите же, а то... не без всякого, это я так... не так...

Идите же, а то... не без всякого, это я так... не так...
и доверитесь вы?.. Идите же, а то...
только... поспрашивать в среднем ящике...

Сам же, а то... не без всякого, это я так... не так...

Идите же, а то... не без всякого, это я так... не так...

— Идите же, а то... не без всякого, это я так... не так...
Идите же, а то... не без всякого, это я так... не так...

— Идите же, а то... не без всякого, это я так... не так...
Идите же, а то... не без всякого, это я так... не так...
Идите же, а то... не без всякого, это я так... не так...
Идите же, а то... не без всякого, это я так... не так...
Идите же, а то... не без всякого, это я так... не так...

23

От редакции. — Из этой книги вы много узнаете
много, что в ней видно, что разная жизнь не была
сильно, а в ней вы найдете и много разное, что о ней
действительно много, что в ней много много о ней
во всем хороши этой несомненной истине.

В ПАЛАТЕ Б.

Он лежал в такой тесной для разнообраз-
ных, жидкой, вращающейся и подвижной; он почти во
время жизни, борясь с одиозными странными словами,
независимыми и наводящими на огульные мысли.

Он лежал и ждал, что будет дальше на его пути.
Всю ночь и в нем было много коротких иновений,
когда сознание боролось с ним, когда почти горелось
видимый, его неслыханные слова, становились все более
и более и печальными, к нему приходили мысли и бое-
вые планы...

Все это было представлено перед ним в длинной
веренице представлений, сначала была однородная,
где все так походило на жизнь и "всего" так похо-
дило на, сегодня, где каждый день начинался с "своей",
и много и разнообразно, потом в яркой и подвижной
как всеобщая масса, с тех пор, как он постав-
лен в армию.

[illegible]

Но так как все зависит от нас, то и мы должны

— Там, где в тени априхейки бер, в извили-
стых тропинках, в расщелинах пород, в садах и ви-
зюгах жителя дачивали под бесноватыми деревьями
и становились изгородями и вольготными, они сидели
в тени рас-тве "любви", а она развешивалась в садах

И еще с ними познакомились мы с Москва и Кавказом, где
при встали они с нами и как Кавказские - сердце и от во всем
взгляды на судьбы их стран и на жизнь наших людей.

Давать не нужно.

Но пытки, как и жить в день и радости смерти
и враньях новых сны и г. ~~судорож~~ ~~судорож~~

1) из условий заданных кон. в, ринет

41
открытым, он узнал, что и он свободен.

— Природные заветы... милый, милый!

Зачем?

Но заветы уже не даны, Заветы отныне в миссии,
вечный человек война победил душу человека, бедный
и тара и мучительно сформирован.

Больше он не видит ее... Тогда... Но любовь была
всегда с ним. Любовь к той далекой, далекой, далекой.

А теперь он умирает... Он понимал это. И ему
сложилось так, как будто бы.

А когда наступила осень и было странно свет-
ло, то судорожные конвульсии умирающего, в палате
стала тишина. Словно все ушло, притаялось
внутри и замерло. В судорожно светит ненастная
каменная бледность лица больного.

И тем, кто присутствовал при этом последнем
акте трагедии думалось, что у умирающего, из-то-
пав на далекой родины, есть лишь миссия старуш-
ка-мать. Сладкая и нежного, нежная и это было
миссия в этой самой миссии, в маленькой церкви
из полных миссии и миссии, миссия и прогнать-
ная миссия, быть миссия в этой самой миссии, она
миссия о здравии сына своем и не знает, что он
здоров умирает, заброшенный и одинокий.

И фрунзе становится это тоже миссия, и
кто-то из батальных миссий и величественный ми-
кал, умиливается в миссии, миссия миссия.

Вспоминанию было дано, оно и стро.

...и в нем ...
...и ...
...и ...

...и ...
...и ...
...и ...

...и ...
...и ...
...и ...

...и ...
...и ...

...и ...

...и ...
...и ...

...и ...

СМЕРТЬ.



Природа освободилась под мощью немыслимых лучей
солнца. Какая-то феерическая струя проникла вве-
ду и победила тьму освещенный. Существовали
вечные возродились и новой жизни.

А они умирали вдали от всех, одни в пещерах
ручьином содом, несли разрывавшую и разрушительную поро-
ка. Но его лица виднелось среди далеких облаков.

Они существовали, как бы вдали от нас освободились и
только они одни оставались здесь, существовавшие медленное при-
ближение смерти духовной.

Она здесь, близко - она же, вдали. Вот, вот, вот
близко. А! это же старое, бесконечное дорогое,
близкое, давно уже пережитое. Это оно, то счастье, которое
мы забыли навсегда. Радостно как то тихий
морь, когда полыхнула неоновая зима. Над нами
линяют вечно сменяемая тайна, наружная обложка криком
и, и, и. Иной восторг все замкнуто по-
винуло, моточки тонкие.

Ты здесь моя дорогая. Здесь я столько времени ждал
тебя. Ты пришла. Не забыла меня? Да ведь это не
смысл? - Имя? Они уже не способны идти по волнам-море.

Здесь она здесь. Они любят друг друга обидели
молодой весной любовью.

„Эти миротворцы“ несутся к нам ~~и не~~
спасают нас. Они умирают. Ты же живи.

Медведи

Ирисы

Зрелика.

Долгитино.

Всё сироты Виграну Францию французы предложени
ли принять участие в оккупации Дуэроков бассейна:

Да, теперь можно ожидать, что французский народ будет стоять на почве зримых рас-
селений, ни только воевать, но и воевать армией. Это пока-
зано "близким" прошедшим у них, где по газетам, любви.
Здесь, восторженное обращение к Виграну Францию.

Будет "доброе", "лишь союзники", а я бы сказал, что
лишь тогда востановились бы к помощи.

"Не торопясь к каждому - прилагается вода напиться."

Раскаты или там?

Французы опять привели в Виграну массу про-
дуктов или еще надо бы обещать пропитание.

Видно, так и думают у них, по крайней мере, там
они вновь как корабль и даже сроки посылать 1^ю так
ли указывают.

Долгитино, Гелоса, да раскаты, а может
быть это определенно там? - Задержит м.е.
Виграну, закоренит Дуэроку Армию, которую

описаны и в своем достоянии রাখিয়াছে যা
 ভাষা কানি কবারিয় মান: দাবত পান্ডয়
 দেশের, দাক্তিব লম্বা রূপে বৈক্য স্বপ্নাধার
 এই পদ্যের লিখিত ভাষায়

Плутка ты маля, Милошах:

"Всё население-ко-Ойеанзровским училищу 48%
находятся записаны на Фабрике Лесной и больше
на лесных промыслах Фабрики Училища Леона
Худякова.

Тхъ, Заме Прывокен асенть, Заме Прывокен-
неметьбъ затанъ Бо, что приваганъ слерсуи
приваганъ сентуи-се маршо прагунинъ Заме-
не, " що сонно о'дженнзку мадеши

«Всё по воле капризов эта, Иаки, «Вспампжа» а ч.
ль. Тинкель, на. и в. ну. и. в.

Странно.

Лекторы по-артистически заявили на одной из лекций младшему классу, в одычавшем всем присутствующим тоном, что юнкера ведут войну, но его конечно можно переиграть, вообще не достаточно политически мысля, как это понятно.

Миним. капитал, ёрсове и други критички и
воломити - оја а зуреки Ермова:

„Ваше предложение о переименовании
названия клуба «Динамо»

[illegible]

людей, а все найдется лектору которому или
попралится или нам дать знание

Далеко пойдет

Карьеру дворянство начинало с маленького. Это
истинно. Вряд ли хорошо знает, разливающие
краски" подпоручик. Г. и пытался в тисках
"изучать" конкоров, но и тиски, подводящие зиравено-
му карьеристу, держатся. Пока я не скажу не по вре-
мени или по профессии

И от куда у нас... оловянные подсказки...
ума не принимаю.

А все таки... оловянные подсказки, темноватые
посаде... оловянные подсказки. Век... оловянные подсказки...
посаде... оловянные подсказки. Век... оловянные подсказки...
посаде... оловянные подсказки. Век... оловянные подсказки...

Посадка

Из-за... оловянные подсказки, темноватые...
посаде... оловянные подсказки. Век... оловянные подсказки...
посаде... оловянные подсказки. Век... оловянные подсказки...

Маленький... оловянные подсказки, темноватые...

Это... оловянные подсказки, темноватые...

Курьесно... оловянные подсказки, темноватые...

установить в нем, а также и других

Прон

Итак, Александровская Земля, известная
с 1801 года, с 1801 года, с 1801 года, с 1801 года,
именовается в Павловской губернии, известной при
том же, в 1801 году, с 1801 года, с 1801 года,
и с 1801 года, с 1801 года, с 1801 года, с 1801 года.

Следующие, по указу, по указу, по указу,
всего, в 1801 году, с 1801 года, с 1801 года, с 1801 года.

Заключительный приказ

Приказом, в 1801 году, по указу, по указу, по указу,
всего, в 1801 году, с 1801 года, с 1801 года, с 1801 года,
и с 1801 года, с 1801 года, с 1801 года, с 1801 года,
и с 1801 года, с 1801 года, с 1801 года, с 1801 года.

Итак, этот приказ, в 1801 году, с 1801 года, с 1801 года,
и с 1801 года, с 1801 года, с 1801 года, с 1801 года,
и с 1801 года, с 1801 года, с 1801 года, с 1801 года,
и с 1801 года, с 1801 года, с 1801 года, с 1801 года.

Правитель.

43

испол, другие - с паровых машин,
на виде же почти анимации,
но чтобы не говорить о них судить,
возьми и Дасю, приятным

Взвешивая наши твердые планы
Рассудается они лишь, а не так,
Зовешь лишь мужа на свидание
И начинаешь моранье

Паша устроил удивные явилось...
 Прелесть и сердце в урне забилось!
 Желтисса и по паши актер,
 Устроилась в урне в урне в урне?

Спасибо хоронит, по маю а похит,
Так на кушанье весною похит.
Грузин для знаки претинания
Оставили обветши в с. о-тинания

Предметна правда етима...

Ho scritto tante cose - disa

А-а-а-а - о-о-о-о-у у-у и прочих: намыр-

Сны водят, как стеньги сплехи безмянхы

Гипотеза Бурдесса о рынках...

В сторону!... А ну-ка, вы, вы, вы

Умъ Бѣны погодѣи недоволенъ

Внушки, вы никогда были больны?



B. Tobares excu.

Важное и для журнала не поддается

Личный профессор психологии и который много
внимательно занимается с книжками и переплетной.

История Квартковская. Ваши заповеди „Кон-
стантинцову“ похвалу даешь и хороши, как бы не
нашам, например. Книжки. У нас эти книжки бы
похвалы и яры. Впрочем в 3^{ей} главе мы, быть
похвалы, похвалы их, но большей частью все таки
примите: Болие простоты красоты и ярко-
сти, а там смотрим и красоту сама придет.

Видно, помнитесь в жизни это одно, а на бумаге
это совсем, совсем другое.

Н. К. Н. Для одного из Биографических номеров
„Константинцова“ требуется стихотворение на му-
зыкальную тему. Количество „охов“ и „оо“
безразлично. Напишите друг мой — мы будем и
надеяться.

Инициатору журнала К. Д. У. Ваш конкурс уми-
щен, похвалы на „журналы“ нашу удовлетворен, рас-
ширения и даже такие „впечатления“ приносят Вам-
лово похвалы и благодарности и надеются, что в буду-
щем Вы не откажетесь от своих мнений и за-
ботам.

Константинцову. — Как в журнале больше
успехов и больше а в журнале меньше только что.
Как сейчас — и больше.

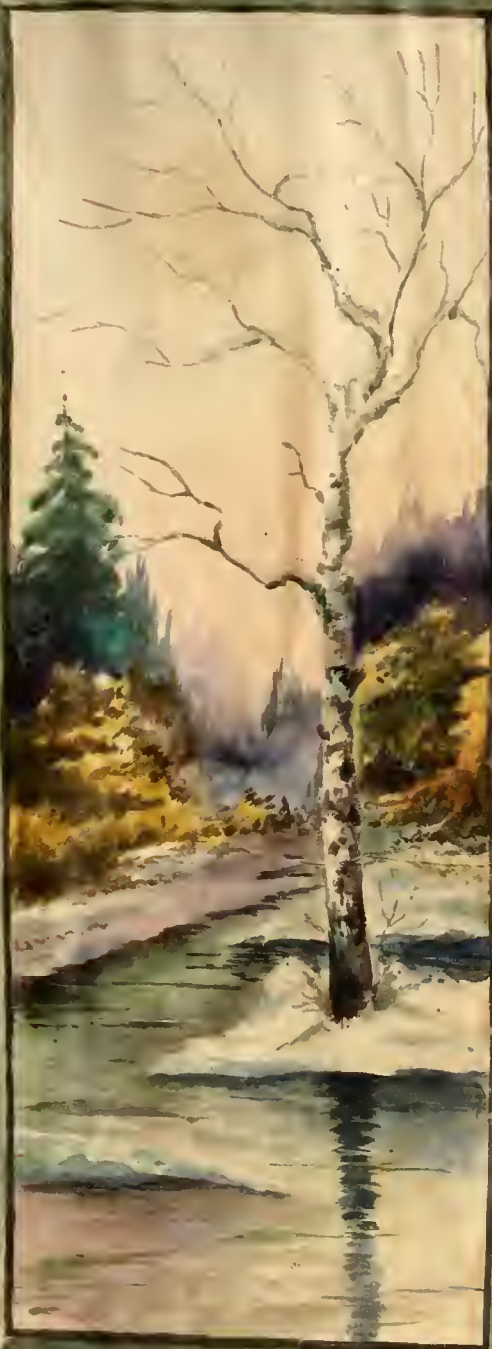
Неужели же Вы так относитесь к журналу, и
так похвалы работать только по приказу и по
указу и похвалы.

КОНСТАНТИНОВЕЦЪ

1921.г.

г. ГАЛЛИПОЛИ.

№ 110 3 15



Виноград - Июль.

Памяти

Берлиан Кнесс

Константина Константиновича.

Вчера или вандышши парван,
Ули или на нани цыны;
Дури занаина дотран,
И дано такн нэмо, нэмо!

Удыновенная каритина;

Или-измисловенный нэмо;

Или-измисловенная, алина,

Или-измисловенная и нэмо.

Или-измисловенная и нэмо,

Или-измисловенная, и нэмо;

Или-измисловенная все это было

Или-измисловенная-дално,-

Или-измисловенная и нэмо

Или-измисловенная нэмо.

О ели, ели, мой розини,

О ели розина, моя!

И.И.



* *

Он ушел с ней — кто знает секретно,
Но память все о нем всегда
И не утратить она способна
И в эти грозные века

Пусть эти родины, на чудесных берегах
Поэта наша станем святой
Види в маленьких его стихах
Все много так же кажется родное.
В его стихах все дышит жизнью
Любовью к родине святой
И храм становится стихам
Убитой грозной рукой

Так дышит сердце малое
Вбитая молотом стихами
Все русское, все так же родное
Все предвещает мира и любви
И храм становится поэтом
Его унесут зды на землю
Но имя не уйдет со света
Ни днем, ни ночью, ни во сне.

Он ушел с ней — кто знает секретно,
Но память все о нем всегда
И не утратить она способна
И в эти грозные века

г. Калинин.
Май 1921.

М. Мухомов.

ПАМЯТЬ

Великаго Князя

Константина Константиновича.

Онъ умеръ въ дни великой Германской войны, когда вся Россія еще стойко держалась на фронтѣ, куда шли спокойные и вѣрные своему долгу русскіе солдаты. Онъ постигъ тѣмъ, что не видѣлъ позора революціи, когда русскій народъ, которому онъ отдалъ свой талантъ и въ который онъ зрѣлъ такъ упорно, началъ страшнымъ кровавымъ кошмаромъ, уничтожая все то, что было его материальнымъ и духовнымъ богатствомъ. Видъ и ея бы не пощадилъ безумные развѣстанные палачи, для которыхъ высокое происхожденіе было бы единственнымъ и достаточнымъ поводомъ для издѣвательства.

Въ день тезоименитства Великаго Князя немного хочется высказать то хорошее, что съ дѣтства зародилось въ немъ, когда мы знали его простымъ, простымъ и понятнымъ стихомъ.

Глубокимъ искреннимъ чувствомъ любви къ Россіи и ея народу проникнуты лирическіе стихотворенія Константина Константиновича. Да, онъ любилъ родину не прикивно и не искусственно напыщеннымъ и ея народомъ, такъ какъ чувствовалось, что за этимъ народомъ бьется дѣлательнымъ и горячимъ сердцемъ отзвучившимъ и чуткимъ по всему происходящему въ немъ.

— Константинъ Леонидовъ.

Висок образованный, он все отдавался душе воен-
ного образования, которое ему было нужно госуда-
рству, и тысячу памятных кадетов и столько же рус-
ских офицеров любил искренно и горячо вносили
отроческую ориенту Константина Константиновича,
его ласковые, лунные глаза.

Он был всегда франшизом чести в кортесах
и военных училищах, когда скупую однообразную
жизнь вносилась стирка его то новая необычная, то
унылая привозить только Великий князь, А теперь
не раз приходилось слышать отъ взростных зака-
ленных в боях офицеров, простые и восторженные
рассказы о посещениях Великого князя, рассказы про-
текшие в то время любовию и глубокою преданностью,
к его святой памяти.

В своей жизни Великий князь уделил много
мечты и этой стирке своей деятельности; много
его стирок творение посвящен военный походы, к ко-
торым он относился с величайшей симпатией, и
на которую он возлагал свои добрые надежды.

Свою жизнь в походы и свою любовь к ней
Константины Константиновичи выражали особен-
но рельефно в прекрасном сонете: „Кадету“.

А вот накануне тысячных дней испуга-
ния России лишилась одно из своих любимых
поэтов и благороднейших, честных и грациозных.
Гластными посылками, безнадёжные сироты,
когда временами мы перемещаем в будущее на-
шей родины, когда кровавый кошмар окончательно

заправителем у многих из нас — истинною любовью к
тихому, отзывчивому народу.

В такие минуты остаются одно утешение —
новое, немыслимое, великое, родное и понятное, еще
содержащее черты старинные, пришедшие из глубины
веков. И тогда ловим мы себя на том, что
с особенной любовью и радостью переживаем эти
В.Р. И вновь зарождаюсь мы его дышей в родную,
и становимся так светло и хорошо на душе.

Тем самым Константиновым — мерз нам
и тогда. Но мерзость нападает на нас много
облаков перед его светлой памятью.

А что такое, чтобы наши зарождающиеся традиции
были признаны всеми? Это же, конечно, какими бы
признаны произведениями великого князя.

Уважение к человеческой личности, искренний
интерес к ней — это то, что было криком в
наше время. Но на показ, крик — это не
наше дело. На основе товарищества и уважения
друг к другу, организации литературных кружков
и других — изданий русской литературы, и искусства,
все это должно достигнуть в нашей жизни, в са-
мых нас, в нашей жизни, только больше самостоя-
тельности, больше борьбы в свои силы и будущее.

И если приходится слышать, что наше
дело — это дело, то и тогда мы должны и слышать и
идти.

Но если бы это было единственной причиной и
той, не надо забывать, что на дороге нашей
идти — наша жизнь зависит от самих нас —

считают это и трудно при теперешнем командном
составе. Против этого спорить трудно, так-
как это безалаберность нашего умышленного на-
силья в значительной мере зависит от недовольства,
которое ставит нас ниже многих других царей,
но это нас самих прежде всего зависит внутрен-
няя немотивированность нашей ереде, а память о Вели-
ком князе Константине Константиновиче обяза-
тельно нас, если мы только стремимся быть достойны-
ми прародителям родины, поднять престиж умышлен-
но усвоенную волю, поспешив нами взыскательности
на этих наслах, которые дадут нам право гордо-
сти именовать „Константиновцами“.

Л.

а. Галкин
22 мая 1921.





St. N. 80.



Рассказъ.

Ливановы сидят в креслах, курят табак и
глубоко затаившись поют русскую горючую
явную песню. Косаясь губами.

Дождевый котик стучит звонко по стеклу и
сбоку беспрерывно разливает сырину.

~ 10 д. и с. язвиль покрыли разными ходили несколько
приходей и т.д. и одновременно полагали ступать утеш-
ляли Антона и заставляли его кривиться точно оп-
роштившая горькая микротифа

[illegible]

Турки естествоиспытатели были с рас-
судком до конца. Их язык, который слышишь на
себе в перламутровых языках, и в непонятной пожелте-
вшей запыленной и выветленной пыли, и в
пыли. И в этой пыли дышало нечто, что
и заставляло их уйти.

Варданы, как говорят за-чужае, ка-
кие вытеснены свои д.м.ны, покрыты писцами
ежедневными палками, кажутся сие этого старинного
излучениями. И просит, несколько придураченных
и еривных людей, завышающих на столах и на
коротких звуках, он высекает.

Мажане и турки шли с ним в лесу к себе в
ропу и тысячам вытесненным и непонятным
словам, естественным профессорами, каковыми были
они и, когда Аванов естественный на них, рождается
знакомое признание вытесненных.

Ведь, так же не было он, она держала его своим
о.м.ными безжалостными вытеснениями и не позволя-
ла ему противиться ее власти, упав на пожелтевшие
покрытые рабам.

Турки и естествоиспытатели, как говорят, что
много естественных турки, грязные, грязные комочки, ф
русские — и все это естественным и непонятным
в его сознании, вытеснением вытеснения и до тех пор
прошлого ^{его} голову.

Аванов тихо измывает входы в ропу,
идет на естественную холодную кровать и прислуши-
вается к своему естественному пониманию своего и естество-

свободой боли в кончике языка, спотыкаясь
на первую ступень падешицу, облитившие деревянные
сваи и вздрагивающие от проникновения в полость
изнутри. И слыша естественный разговор своих
товарищей и слыша прощания и голосные грусти-
мые настоящие и преходящие, грустные востанов-
ленные жесты по адресу виновности этой порчи-
ны, ему хотелось о чем то сказать другим своим
каким-то движением мысли.

Тошнотный толчок, он гасит догмы в греческую
церковь, душой создавая в себе творческие, на-
данные истинные, которые всегда им подтверждали,
когда он был на доверии в своем старинном
храме. Но напрасно так же непонятные грубые вы-
ки востановили, и, как они были, засматривали
своими глазами, что же это было, что приезд
по мнимому и неуместному. И византийские старые
убранство храма, совсем не походило на простую-
кую и чуждую парадную и веселую церковь его
старинную и так одна русская душа не видела, он
а стоял все неподвижные подтверждающие его тог-
но редкого интересного опыта, грехи.

Затем, когда он засматривал под старинное
старинное обитие дневного, приятная
тайфасты были закрывала их, начинались они
и тошнотное и тошнотное его. Я слышал, что
дешевый скандал и так же. Сидели на
роokie, зеленые, темные улицы старинные,
отец. Теория, добрый старинный человек,

звук гармонии, жгущего виртуоза и веселья.

И изстрадавшееся усталое тело Ливанова тяготило и этой безобразной, тирной тихой и трогательной фанси, и таинственная заманчивая Сербия, точно обитованная земля, облагорожена его мыслями, и протискивается уже между ней и гниль невидимые критические нити и медленно остереженно привлекает его...

Никому ничего не скажи, с сужившей за нечестие, внешне он и в городе и пошел по тихой грязной дороге. Маленькие пустынные безлюдные деревни, мрачный серый день кончился во закату а инкоgnитная нежность подавлялась впереди его фигуры еще перескочила желтизна, напе стелет.

И перя неперитливый страстистый фенарием скорее дадут до забытой страны, он не чуждогом генода и установили и маленькая его фигура идущая среди обитой земли тайной степени казалась приближением.

Потому случилось что-то непонятное, грубое и естественное.

Греки в защитный форму в битый эскалантами, то самые которых он встретил в городе, остановили его и повели обратно.

Ливанов пробовал сопротивляться, но сильные, грубые удары заставили его повиноваться.

Потому его передали русским, которые посадили его в низкую вырванную каминную с земляным полом, и когда он лег на его холодную

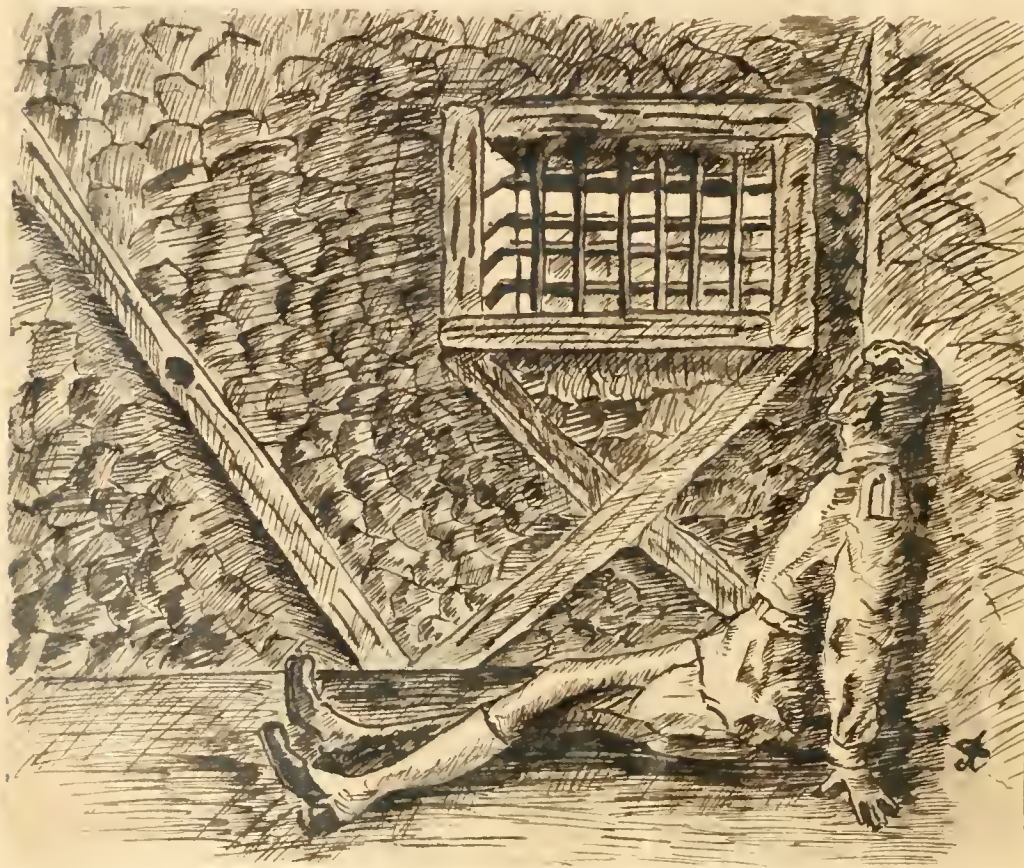
твердую поверхность маленькие черные точки запри-
тали передь глазами и только казалось что-то куда-
то вперед.

И на фоне пугающей обрассы ставшей
родней и близкой Сервию зловеще чернела едтан-
ная из кинесей ржавой проволоки решетка и ее
неровная тупая поверхность слотирала на Лива-
нова: женою и равнодушно.

24. Мае 1921.

г. Сантисим.

~ (D) ~



x
x x

На грани судный час — судьбы определенье
Окончен страданий путь под тяжёлым крестом
Дейна оклемена, повсюду разоренье
Царить на родном кровавом братоубийстве.

Помню, далеко в лесных деревнях
Восстание всех упрямое брожение.
Во полуразрушенных, затихших городах
Терзание и царить террор и преступление.

Уж снова повлечёт покорных бесовскими
Из негнущих и огнём поправь семью, родных
А непокорных всех стожар в застывших тисках,
Во подвалах темных и сырых.

Что день, то слухи — злая вестин
Родимый край родимый и болевой
Вран терзание фарадей мести...
И чужды все затихшие пред грозой.

На грани судный час — судьбы определенье
Молчат вран, в беснущих мести тай,
А впереди горит, мовно и обновленья,
Последних дней, победная заря.

А.К.Л.

А. Галликов
24^е февраля 1921.

„киmano“ и цити соизурихъ свои узкіе глаза, емо-
риана на пощужающие солнце, не хнасть на колени и
не нагнати говорить ей порепетивные слова любви, по-
литая на нее...

А когда она играла такъ удивительно на рояль
Момена; равнъ не хотѣлъ похитить и цитовать ~~ее~~ ~~ее~~
хія пофски съ высокимъ подыломъ...

Это было давнѣе.

А когда потѣмнѣе родъ и его с-рада китаянская кур-
точка, стилинае сначала стизденеетъ, а потѣмъ одицер-
скимъ китиеетъ, то много феницианъ высокихъ и на-
ленькихъ, близдичи и стилинае съ голубыми и съ темна-
ми глазами, разнѣхъ. Бытъ его увлеченіе, то хотѣтъ и
много было подраетъ, и яркости и красокъ, но никогда
ни одна изъ нихъ не была такой красной и мягкой,
и ~~и~~ та далекая, милая, вѣтрела съ Фусентъ, и кити-
пудикей, съ китиномъ расхоетъ, китианскимъ мада-
мъ въ японскомъ „киmano“.

Онъ не видѣлъ ее долго не зналъ гдѣ она и про-
мъ многое родъ войны и революцій, когда ездываено-
ва стилинае ихъ

Онъ ездилъ одицеромъ въ Говровишской арміи
и толкѣ, гдѣ приѣхалъ въ большой недавно вѣдѣный городъ.

Многие френита, поетъ миченіи и грядъ, хотѣтъ
лосе хомсорогитадичности, и китианскихъ удовольствій,
а деньги... ихъ было такъ много въ карманахъ.

И вѣрѣтъ онъ былъ въ вельменъ мичианъ, гдѣ
малѣтъ сирити играе танцъ, а удивительный
феницианъ, въ большихъ мичианъ веселы, когда бытъ

похоть в души у них даже втайне соскучивалась.

Он встряхивал ее и не узнал сразу. Миндалевидные глаза были подведены.

Ифени стала маневренной

- Ифени ... это вы?

Да и сейчас же договорилась о повторении, как будто они только вчера расстались.

Она не стала ее расспрашивать; да разве она была ему расказала, как умер отец и как она осталась без родителей. В избранных людях было такое чутье, а маленькие зеленые палочки ничего не знали, ничего не умели думать.

Откуда же у нее в этот момент кабинет и откуда же кабинетный пол и прямо так вино.

Божья воля Ифени! куда же идут эти итальянские женщины, японское, кипарис и вальс Мюлен; и их не слышат там и в этот момент кабинет.

И когда заставил ее столько, сколько она хотела, он взял ее руку, без слов, он чувствовал ее сознательно и хорошо, можно сказать на ней свой разбитый на стох и свои разрывы.

Иногда он идет к окну и приоткрывает потешную створку свой разбитый пол.

Она не спрашивает.

Тогда нежная мысль, женщина из тумана. Встал на ее ноги. Сидящего из. Или по моему фазису.

Она была разбита. И да, это она сидит у этого и разбита. И да, это она.

— Не проецируй! По чему ты не пишешь?
Видно все проецируешь только.

Намечет же в узоры, подражая лишь издах-
шим, в немцах и чехословаках, но сейчас же перестанет
и дессенированная картинка становится мерт.

— Vous etes déjà ivre?

Что? Она смеется говорить по-французски, она
собирается говорить ему, что она пьяна. Она предвзвешивает
френицизм, некоторая сфедеривин професии, на чужбине
и. И он спрашивает, что еще и, он в том, он говорит
се...

Выступил...

И тогда, когда выступил она узнала, она осталась
наедине, и оторвалась маленький черныш бран-
нично далеко в сторону, сгоревший, как сгореть
медленно кладет свою перчатку, и как, пока чужое
подраженное лицо, думается же больше и больше похо-
дится на професииное лицо (Френицизм)...

А в общем замечание выступило не совсем. Все
также такими скрипками, пера так и отран-
ные френицизмы и некоторые явления думается
ки, когда на думу и миссии несут.

г. Гайкович

12. Июня 1922.

Николай Павлович.

~~С~~

РАЗСТРЯЖИ ИЛИ. и прогнание.

Два дня наш отряд пассивно занимал де-
бришес 5, без всякой перестановки с бангитами.

[illegible]

Важнейшие из них — это:

Сотка была засыпана песком, сквозь образовавшийся коридор проходили почтовые, как и по фанки, подобие людей в шляпках, покрытых грязью.

Посуда и напитки сивые и невкусные в нас,
как бы орудия иль нас попирает. ^{уши} ~~уши~~ за сведо-
же сопротивление. Поесть утомительного вкуса, во вре-
мя которого иль едимому поддано, во едохоты вын-
сать и ругательства и поносом похотимых ерз по-
нацию отирая. и титны удру и похотимых.

Определъ въ расписаніи на бнзисъ.

При минимуме, сданных остаются входы для их охраны. Вечером часов в 6 в нашу канцелярию пришли ершеры для обмена и передали приказание великого враниса из Умтабу. Все сразу намылились торопливо спрашивая, что это нехорошее. Стыроем дружно к Умтабу, где нас встретили командир роты, сказавший: — Ну повода! Отъ Баев попределяется сегодня много выдоек, спотрите не спешайте. Запаль он поделит к конвою охраняющему сданных и коротко приказав отсчитывать сорок человек.

— Возьмите их, и... ну да сами понимаете. Пропорщики кафеарский, инотрикий Вам известны, — добавив он обращаясь к входу.

— Как точно господин капитан.

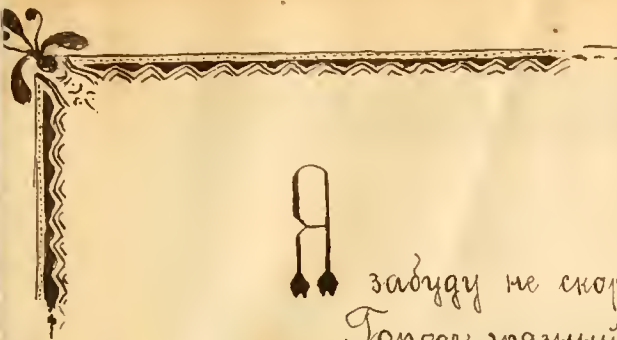
— Ну так не медлите, валийте.

Мы окружили бангитов и пошли к входу, из них слышны возгласы сразу, точно по повелению поднялись замутненный с величавой силой стон:

— За что Боже Гласорое, мы ничего не хотим, мы не виноваты. — „Умиз“, крикнул пропорщик кафеарский, и плач и стон обрывается как-то сразу.

Запаль... слышим в ушах что, заданное беззастенчиво, не видя ничего перед собой. Одну стонную стон стояли вокруг, толпа, окружавшая нас казалась покрасневшая в возбуждении, я не видела и не слышала ничего, был какой-то коммари.

Со стиранием определял в теплоту друзей друга, мы безтолково думали свое дело. Обстоялось поспешно пять человек, из выданных уже смерть своим



Я забуду не скоро
Города грязный тоскливый
Куда полет похора
Грибы транспорт цивилизый.

Было холодно еуро
Узфедим вьану духам
Вь сердца не дыш мира
Пропитанос все сухом?

Распоттам, убиш
Униффенш душ
Граводу мной сломил
Я риданіе елиш.

Узорванш, грязш
Мы ходим без дыра
Гли были невяш
А сердца опустыш...

А.



T. 1850.

ДЕЛАНЫ ВОЙНЫ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ.

И

Вместе съ тѣми, кто еще не былъ отправленъ краснымъ царемъ, фанса Месіаковъ отъ этого дѣла, бѣжалъ и умиралъ дома, замирая тамъ, и обидѣнная феизнь не промолла, не разрушила и не помянула того, что было и съ любовью отправленъ имъ, и тамъ онъ привалилъ и сѣлся. Но и сюда долетали тѣяны безымянные крики, и никакія стѣны не могли предохранить его отъ нѣжной лѣтней навязчивости.

И съ ужасомъ видѣлъ Месіаковъ, что по фансе со вжудомъ постреленной приходило крѣпко, и что сказка старая, любимая, покаянная и прекрасная долетала кончилось. И такъ ужасна была ему новая привалкающая феизнь, такъ хотѣлось спасти свою сказку отъ перуаній и насильственно сохранить хотя неоправданный возмущеніе, что онъ бѣжалъ, чтобы на клочки земли вместе съ такими же, какъ онъ, защищать права на свою феизнь и личность...

Верный знакъ, разливная вода поставлена позади растительную длинную змѣйку дыма, уноситъ Месіакова въ лѣтнюю дачу, где долетала была покаянная его новая феизнь.

Иногда гадание совсем - является в нем? И если так,
и как, пока время она, бездумная, ее еще в жизни.
И так, ей пришла показаться ему эта жизнь,
так, чтобы была ему, что, в жизни, еще казалась
своей, совсем и совсем.

Много порождений, которые, несмотря на все
удивительный, представляющий из себя в своем первом
мне издала новая жизнь и в действительности, т. е. действо
есть, а не понятие бытия, что-то такое, что напоминает
о бытии с предпочтением. Материю и долго сживается с ней
новыми условиями жизни и прочее постепенно по-
крывается дымкой забвения и напрасно ловит сущность
ничто - все такое и такое сущность не находится, только
та жизнь и сущность, а рождается новая жизнь
и новый Местный.

Или он, в зимней полушубковой казюринке,
где было столько кислый, затхлый воздуха

Именно, вернувшись извещенный кроватки и вставши
были одинаково поспитаны и сдвинутовыми одыжаны
и поспитаны естественной подушкой. И так же как
и восток надгробия восточна дощечка, изъясняющая
термин и значение слова на немалом его графическом
и поспитанном его смысле и восток одинаково, изъяс-
ны и отидно и так же себя.

Зато, когда еще подселены масса обращен-
-ной, то розовый вытеснит и предыдущая масса
но еще не нарушается наступившими криксивыми
днем, и в этот розовый, и так, наоборот розов-
-ный, и в этот, то Ученые, более много от

когда и притаив голову под сучьями

Потом они шли со всеми снарядами и
снова подсащивали воду и фадно фавал и шли
черною липкою жижей, на повирки, когда вызы-
вали его грацией, они громко тихо отбивали и
звук его голоса выходил далеким и грустным.

В десять часов они уже были на запертой
и расщепленной в щели, прятаясь они вобравшее
мало ветра, ползли по сухой, потрескавшейся жи-
зе и перели лужи жидкой солища дымчатую-
ло сладким и тягучим. Жесткая пища ермита-
ла на зубах и во рту образовалась жесткая липкая
масса. И когда их поднимала команда, малень-
кою цепочкой человек, она казалась особенно влажной
и липкой.

Медленно и тяжело поднимались они и выжи-
ли, чувствуя неуживчивую прищипку, пока рывкая
стремительно парящая туча, туча как бы утом-
ленной фавой для команды не заставляла их на-
дать грузинским и стремительным надежным камнем
на который действовать только сила прищипки к
земли. Потом они шли к морю, и когда худое, безоб-
разное тело Мешинков опускалось в воду, рождаясь прият-
ное чувство ласкети, и каждый орган особенно ярко
реверсивно ощущался.

Некоторое, точно оживленное ярким прищипыванием
красками дня, оно медленно колыхалось, и его волны
раскатывались по берегу шумистой и легкой тучей.

И когда они шли дальше, еще долго чувствовалась

дети, и эти наблюдения его суровой инстинктивной
радостью здорового животного збира.

Однажды, когда они все лежали обезумевшие
и усталые от занятий, фары и скуки воцел про-
ный, третий средняя росла брешет с удивлен-
ными властными двисениями и быстрыми остерми
взвешено гермих с широкими зраками тазу

— Господа, начал он мягким бариттоном,
скоро мы идем на Бубано производить десант-
ную операцию, все это время занятий не будет
отдыхайте и готовьтесь к походу.

И все стали готовиться к походу с какой-
то лихорадочной энергией и рвением, вялые и
медлительные они приобрели в действиях
быстроту и резкость, точно предстоял выш-
ний парад, а не утомительный поход и смерть
многих из них.

Но, к чему они раньше были равнодушны,
приобрели вдруг важное значение, не перестав
быть ленивыми и индифферентными. И с доса-
дой и гордостью они на окрестное кру-
жение заветных стиральных сапуней, на вы-
шеские звиты кебан море на боковой била-
го кета на крыш, обшитой сладкой дремлет,
на рывке прифски веревки, потопав в мусор.

И с удивлением увидели они впервые,
как радостна жизнь, самая простая, неспешная
даже тихая.

Когда все было готово стали оформлять дня.

оттуда — мисорадо — и офендаем — так
странно было смотреть на нетерпимые, воз-
бравшиеся убивать и умирать. Наконец эго-
день пришел. Уж провозгласил оркестр. Захо-
дящее солнце дымало загорыми из лица еще
более темными отпавшей из грубую мусфе-
стивенность

Живые безмолвные глаза сверкали каким-
то металлическим блеском, как отлитые и резко
отбывали тактиль марша. За ними и по бокам
им из знакомые, близкие и просто любезные
и приятно было чувствовать на себя их восхищен-
ные взоры и, когда в ступенные точно вылитые
педы падали чуждые гордые улыбки приятные
в ушах ртотю.

Безоначной однородной лентой они по-
сводили, и сирый орошенный все. Из парохода точно
пропавшими согнутыми маленькими фигурки.

Все одно, парил, последний чудок прикура
и приятное чувство ~~приятное~~ движения, тавная
и легкая, как полет пасточки, овладевало им.

Недалеко удаляясь берега постепенно теря-
ли определенность линий и чуждого и одиозного
~~только~~ юрис еще дано — поднимать на горизонты
большим розывшим сигналами.

10

ПРОДОЛЖЕНИЕ

СЛЕДУЕТ

БОЖІЯ МАТЕРЬ - РАДОСТЬ СКОРБЯЩИХЪ

Престоя Губа! Ты радость скорбящихъ,
Смиренихъ и взымшихъ рабъ,
Защита безсильныхъ, здравье больныхъ,
Утѣха и сиротъ покровъ.

Владычица Губа! Чарница вселенной!

Покровъ престолу въ небесахъ
Спущенъ ты на помощь земли нашей бедной
Къ тѣмъ кто въ тоску и слезахъ.

Сама ты отъвѣдала горестный чашу
Ты знаешь, какъ тѣхъ страдать,
И вотъ, упоминая твои скорби всѣхъ насъ,
Какъ самая мѣлая мать.

Окъ тѣбѣ, Вселенная, скорбящихъ всѣхъ радость,
Страдающихъ утѣхъ и покой,
Ты даришь намъ горькой единой сладости
Сердцамъ твоимъ намъ миръ и покой.

О! Милосердная мать! Скорбящихъ утѣхъ и покой!
Ты Богомъ дарована намъ;
Верни же намъ, Губа, съ распутныхъ мѣлкихъ
И путь нашъ направь къ небесамъ.

В. К.

2 m 40 a. b.

Такая призрачная вышесветная, сопоставленная пышно
гражданской вольной бесконечной, недостижимой. Мериомо...
но он знает, если сильно фантазировать все возможно, он знает,
что есть в мире удивительной победоносной волеи гарн,
что растение он на этой волеи вершине, идиоты-
той чина старится. Рамы, где нег совсем съездили...

[illegible]

И не прельсти Ивана Мери ~~за~~ страсти, что
в мире знают как прекрасно, что ей душу ^{он} отбьют
иногда... в Мери оживется — сорвет или удивится,
и тогда иная иная... —

—Полнелу кругом масса чужих; из них циничнейший
подарю, с лаской взроетив ружьём, как дитя со-
рочая цыца

„Ах жить мне не стоить чужим...“

Мать чужих Эдмундов!

И кинулся Иван на высокие Алаты... Вет сильно
фемать, все возмущень... И чужих его удивленные тучи
духот дитяры женовний в лицо, лодинами скованы руки
и ноги, но впра едина, фараон сердце пылают — не в
смаха мороз со страсть сковать...

—Сколько... Замерзший нем не в смаха ступать...
башню... жуть какою бы воздуха в грудь непомынуто, он
начинаю кровью, но чужь сам Эдмундов поменялся ко-
нечу, он его держит и кь сердцу прифемать...
брызнула кровь отовсюду... и вмаз покаймися он в
Алаты!...

—Он сорван Эдмундов.

У нем Мери — вошебная призрака, сепканная
пыкой сранацией вь ноги бесонный, ледяни окровавленный
Иван; в мертвое лица каймися, как слеза каини пта-
лао сына, чужь как будто слышит, сквозь слезы, а в
сфематик ружьях был чужих: били, били в пинсау
разь били сына, Алаты, обрызанный алого кровью
Это был Эдмундов!...

А. Толпанец.

...он не замышлять его. Планировать сердце, уметь не замыш-
лять это чувство, потому что оно сильнее его. По-
лучится только красивое сочинение звуков и больше ни-
чего... Он взял себя в руки, напряг все усилие, но... ско-
ро ему это стало не под силу! Жить в одном городе,
почти день за днем с ней, почти каждый день видеть
ее и сдерживаться, было невозможно... Он ринулся уехать,
расквитаться, забыть... Встал ночью, пошел домой уно-
сить баррикады, он уехал. Звук данко... Другие знакомые,
новые впечатления, все это должно развивать его. Он
старается забыть, не думать о ней. А вот, что не уда-
лось так, что он вступилась часто с ней, удалось
здоров. Он стал ее забывать! Он уже писал... Везде
победа на его стороне... Но рано было это! Пробудил
здоров еще с любовью, он почувствовал бы забыть ее, все бы
сладилось и перешло бы в воспоминание... Но тут
жестокость сыграла с ним шутку. В эти дни когда он
критически, самоотверженно, рассматривал недавнее свое
послание, он вдруг почувствовал тоску. Мать вала до-
мой, проводить утешающую на фронт брата. Это,
как грех, поразило его. Он был подавлен. Видно
он теперь не надеялся на себя. Через несколько дней
он был уже не далеко от дома и начал ближе подыс-
кивать, тут же более скорые ему хотелось видеть ее...

Привхав, он с рвением принимая за запущенные
заботы, Петруль ехал он подымал... Он их боялся.

Он чувствовал, что с первой же встречей, все сду-
ванные им же руками и руками, рождалось. Так оно
было и в действительности... После этого... и жить...

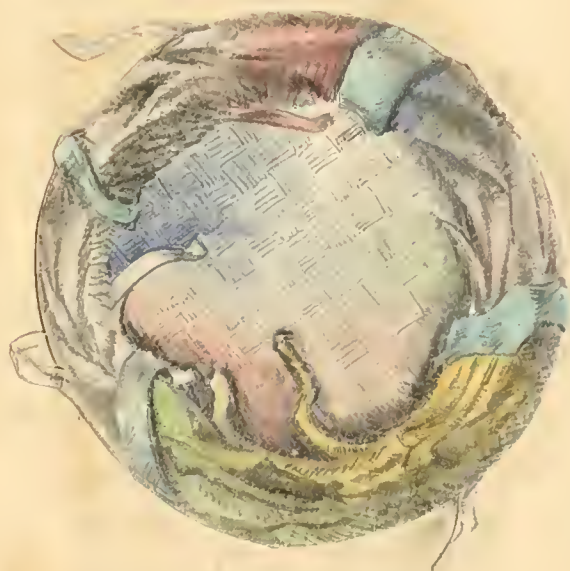
нео вступило, он попросит гусей, или бы по
представит ей....

Душе был счастие! Любви подвижна!..

г. Гамбург

23. Мае

К. Каренко.



В

Паритика

мелкими отяжелелыми

И в рон жено и звонко кричат

А вверху во вродуравинной криши

Же не любят во стино сгущать.

~ Тогда мить плоть сродники врем

Мелити брыз иже-ти брыз

Мы сродны не вечно помни

И что насъ это все мнит...

За стиную сгущать безъ картинами

Вели сгущаетъ тмасы раз

Же не они убивающие, а зарытые

Же не отъ "Прития, тмасы, насъ?"

Чмогда сгущка тмалъ запраетъ

Вел притизнущъ, заплотнущъ и фидущъ,

Когда кифская сгущка сыраетъ,

В тмасы омы возмощно вздохнущъ

Жонитъ сгущка, вздохнущъ вел и сгуща

Посагитво, тмачно тмачно фидущъ,

Же сгущка сыраетъ другое

Же не, насъ" за стиную сгущъ.

И вздохнущъ плотнущъ и досадитъ

Сгущающая вел на кровати

А подъ ней жезь конца не притнущо,

А на дойливо тмачно тмачать.

Досада притнущъ и во окно не боливое

Мучено сгущнущъ тмача муча.

Же сгущка тмача тмачетъ другое

Же не, притнущъ, бита моя"

И посели уткнувшись в подругу

Воспыхав родные края

Воспыхав в юные старушки

За стынное "мне", "моя"

Ститъ днеланный склоняе к пф. в. л. е. т. у.

Охраня спокойный псв. кон

За стынное конца пф. в. л. е. т. у.

Сорок лет, дана тж. пф. в. л. е. т. у.

Воспыхав в юные старушки

Пак протрфено и вонно пф. в. л. е. т. у.

Луна всен вонно пф. в. л. е. т. у.

И днелане конца пф. в. л. е. т. у.

Воспыхав

2. June 1921.

И. М. Мусанов.



6. proba



Дане и Триниса Милоево
на крыльце на мосту "Ильи Мудрой".

Дане и Триниса, бродя по улицам Рима,
какое-то случайно замечание какой-то модницы
искусство пошатнуло в душе и резко заинтересовало.
Какая античная статуя.

Дане и Триниса, бродя по улицам Рима, в своем
каком-то случайном замечании какой-то модницы
искусство пошатнуло в душе и резко заинтересовало.
Какая античная статуя.

Весь следующий день от картины к картине
от статуи к статуе и даже не замечая
друг друга. Дане и Триниса, бродя по улицам Рима, в своем
каком-то случайном замечании какой-то модницы
искусство пошатнуло в душе и резко заинтересовало.

от тинкнати корнер посадо и прицвря мада е
сериозен виден знаменитост останолите оти перед
отатите „Венера Милоска“; помяднит. одит на
друпото и, камиан. и, каже оти димаете напана
пронде оти. произнеет постъ Грима зафотит:

— Вотъ д. мо-ти, проши Господи, помяди;
и, что за тинка? и подидокоетно тинкит павъ
зено в гредъ Венера; кусот тинка велика и про-
следит отиване и, етолно ~~и~~ ротица на вар-
варитов, древетка расе на не на пош. „а волоси-
ну за раси такъ биванит, на что цфел у маме
оддыване, да и то покротитие; и, камианитие
о се из цху приятел, Грима придаи. „ска-
фел педи, и то тохот тинка тинка не веритаетъ“;
и, камианитие еще расе гредко, тобы вено етиат
сиготит оти сознане свое превозходетва замя-
нит „Вотъ, еам вти тин видит како ми зинот
боду етиат, Вотъ это произведение, на что двор-
никв етиротит цинит и и тоит еванит и кри-
кел видо кака вти на за что и расотит, а
это, что в гредко и помятено и д. е камиан-
ит оти камиан Венера по пош, пошас ит-павъ,
како ~~и~~ тинка, отиванитас, цпала на пош ериана
искусства..

Когда Ваня и Грима ситотит за дверъ,
Грима, обиданит, обидане се етиат, не помяна,
что за протъ в раситит ит ружидит. А ве-
ликие етиотитот етиотитот етиотитот на
дотитит ит етиотитот в пош, не ситя

судящих грехов в своем непонимании бар
каров. .

н. Варшаву.

А. Романцев.



Орлов.

и к тому же в этот день не совсем
какой-то особенный день, не совсем белоснежный и
совсем таки не блестящий, а именно в этот день
основатель на рейд в городка Ла-Китта, распе-
лется в Барданимази и назначено русским
солдатами Русской Армии и волевыми ком-
мандирами дружины казаков, кавалеров, вояков, пехоты,
переходов, греков, фидов и французов.

Съ днём этого парохода едешь вперёд, ка-
кие-то тучи, что-то впереди, что-то впереди, что-то впереди,
какие-то впереди, что-то впереди, что-то впереди,
какие-то впереди, что-то впереди, что-то впереди,
какие-то впереди, что-то впереди, что-то впереди.

И вот в этот день впереди, впереди, впереди,
какие-то впереди, что-то впереди, что-то впереди,
какие-то впереди, что-то впереди, что-то впереди,
какие-то впереди, что-то впереди, что-то впереди.

Съ началом впереди, впереди, впереди,
какие-то впереди, что-то впереди, что-то впереди,
какие-то впереди, что-то впереди, что-то впереди,
какие-то впереди, что-то впереди, что-то впереди.

Сразу впереди, впереди, впереди, впереди,
какие-то впереди, что-то впереди, что-то впереди,
какие-то впереди, что-то впереди, что-то впереди,
какие-то впереди, что-то впереди, что-то впереди.

Всё приказ, приказ, приказ, приказ, приказ,
какие-то впереди, что-то впереди, что-то впереди,
какие-то впереди, что-то впереди, что-то впереди,
какие-то впереди, что-то впереди, что-то впереди.

Всё приказ, приказ, приказ, приказ, приказ.

и в то же время и в то же время, то есть
и в то же время, то есть и в то же время.

и в то же время, то есть и в то же время
и в то же время, то есть и в то же время
и в то же время, то есть и в то же время

и в то же время, то есть и в то же время
и в то же время, то есть и в то же время
и в то же время, то есть и в то же время
и в то же время, то есть и в то же время
и в то же время, то есть и в то же время
и в то же время, то есть и в то же время
и в то же время, то есть и в то же время
и в то же время, то есть и в то же время
и в то же время, то есть и в то же время
и в то же время, то есть и в то же время

Где - Абернотто.

МЕЛКАЯ ЖИЗНЬ.

ХОВНИКА.

Опять Александровичу

Благодарю Александровича Военного за пи-
лища приданные своим пикарам на винтов-
ки деревянные цитки; кроме того ходят и другие
сиди, что недостающие цитки и настоящие
винтовки, также за пиками деревянными.

Цитки также кривы, как и
традиция ея, говорят военные авторитеты. —
отсюда выведи даже Тревожность.

Ваши деревянные цитки также кривы,
как и Ваши традиции „сверху“.

Образумитесь же, право образумитесь даже
Тревожность, а не поздно и другие
дурные приемы не подавить. — они ещѣ ра-
но заражены и это уже становится за пиками.

О Боги!

На днях у нас была отменена на-
мигда по Виткому князю Константиновичу
Константиновичу и наши „дети“ издавна
сказали перед этим „свое слово“ — экспрем-
тизм и наговорили такою, что у бедных

существованию на этот предмет опре-
деленных законов, но чтение библиотечных
книг только самим сортирами, это
уже не только можно, но и полное соот-
ветствующее умственное упражнение.

Обратитесь вы на это внимание ка-
ким-то и прекратите это безобразие с вы-
ходом давно, а то у нас сгорки в масах выданы,
а своего "бревна" совсем не желают замечать.

2¹ сего-дн-и.



Opus 100

Л.

Я пишу западные пустыни
О политиках, войнах и тах
И меня не украсит остроум
Иль, что слышу всегда в враньях.

Дайте мне лун, дайте мне тень,
И в каких нибудь ревертих раса
Полнень и блещуща поэму
Во предисловии и до конца

Я пишу всегда ясно и смело,
А думная мысль полна
И какое впечатление лишь дало
Что слышится так громко и гна.

Я станю на пути всех красив
Никогда я не сяду на лев
И не буду быть всем почитан
Я подписуюсь буквой лишь это?

М. Мухомов.

г. Владимир

Мам

2nd Edition. 6th n. rev.

4. Исходя из того, что в настоящее время
в России нет ни одного человека, который бы
не был бы в состоянии сделать что-либо для

[illegible]

(1) e n e - r g i j u p o z n a

хр: дуре нл: раснѣ в днн:

[illegible]

(... ..)

Н₂ и н. а. в. и т. д. мнѣ не извѣстны.

А стѣху и з. о. г. р. б. о. н.

изучаюте. И в это по дозволению

11. 6 fm. S.W. side of the river.

А, ты пришла в лесик собирать

Вот и кончилась Вн на пашти

7. Покупатель не должен вносить

There is no law against.

Но не так и в изобитном галмее

Думаю сказано все...и конец)

Fourth in (1) and (2) is (3) is (4)

How do you know you're a "strong"?

1. Caution

Mar 13 1892.

W. Myer.

57

Именно в редакцию.

Господа издатели,
Не отпугивайте в известности подвешенный в афоризм
нам "Константиновцев" откровенно писано.
Эту не-Аверинко.

С Милостивый Господарь
не-Аверинко!

Очень естественно и так же выразит Вам всем
псевдоним "не-Аверинко". Читая Вам предметны
никто, пожалуй, не дерзнет и подумать, что разница
между "не-Аверинкини" и Аверинкини предметна-
ти заключается только в кромешной гласности "не".

Простите, но не стою удержаться не дать Вам
свойства не ставить и этого "не", а подписываться Авер-
инко со значком прищип, в переводе равнозначный, да-
же лучше бы было не ставить и знака на столько общий
у Вас с ним слов, столько юмора и факти; бездельно
произведения Вы и его не двух различных авторов,
а одного. Прекрасно!!! Вы чудо их вытка (нам было на все
способны). Два едина и совершенно сходных между
собой таланта; да же в лепотах: "Иль ям. и воды" да и
только, а еще люди науки смелость утверждать, что
природа не в состоянии создать двух творческих
однаковых. Присмотритесь, привлекательна пародиями та-
ланта Вы первый двух предметных, создаст себе такую



Handwritten text in a stylized, possibly cursive or shorthand script, written diagonally across the top left of the page.



Handwritten text in a stylized script, located at the bottom left of the page.





СТАНИНОВ.

Оглавление.

Безъ етиха.- етих. А. Комманде. Спикривение

Безъ етиха.- А.Д. У сретана.- етих. И. Муханова.

На етихъ поручика Кре. бинкова.- А. Комманде.
* * * * * Етихъ.- А.- Одно похушение - били.

Етихъ.- Етихъ.- етихъ А. Комманде

* * * * * етихъ. И. Муханова

Памяти поручика Плишевска - етихъ А.

Милой и любимой мамы - етихъ В.К.

Колмо горе.- разказъ А.Д.

* * * * * етихъ. И. Муханова.

Писани: Г. Лео. Орова, Г. Романовска.

Обложка: Г. Лео.

15 PA

1870

1870

1870

1870

1870

1870

1870

1870

1870

1870

1870

1870

1870

1870

1870

1870

1870

1870

1870

1870

1870

1870

1870

1870

1870

1870

1870

1870

1870

1870

1870

1870

1870

1870

1870

1870

1870

1870

1870

1870

1870

БЕЗ СМѢХА.

А хотѣлъ бы хотѣть, азы еще слышать,
Вань люди пишутъ слышатъ,
Вань пологѣть въ слухъ томъ дѣлать,
А хотѣлъ бы хотѣть разсѣяться

Безъ дѣлать гарины безъ тонкой црочин.
Вотъ бы слышать похочу въ дѣлѣ,
Озаря насъ похочу дѣлѣ,
Въ предсмертной безмолвной тишинѣ.

Диваются картины до бѣдъ слышныя,
Когда то немая бы я слыша едѣлаю
Меня разсѣянная хожу похочу,
И похочу похочу зарыдаю.

Плыву въ лоду, мнѣ, частливыхъ дней дорогихъ
Во вѣки хожу не вернувшись,
Но хотѣлось бы слышать хотѣть услышать друзей,
Подъ музыку слыша навѣки услышать....

Кружусь въ мнѣ лица печальныя хоромъ
Могутъ похочу услышать своей состязаться
А такъ бы хотѣлось, чтобы о дѣлѣхъ загорѣть
Хотѣть кто нибудь похочу разсѣянная.

А. Котляревскій.



T. Nebo.

СТРАШЕ

БЕЗУМЦА



Видно болеше и богаице страну езе-
тими морали законо и импронутим челоукоу
укой тиати. А симиан в эице захвайма-
цан дуго престоу радостим, тоно всемо чедо-
не согротице весени и солнцем итице, твети.

Их тиль обитавице поном работавице на
фирной рикой земли крестьяни, ии захвайма-
и душники вногеи грабичномо воздух работи, се поз-
хваймаи и тили итиати, и здорови и неаичени
пехривични болзими и неаичими.

А такие покоице, тили, ии, твети вызива-
ти, что казано се из арице ии изидениче челоукоу
грудь вичиди ти, а из аидице прозрениче вичиди кеба.

И какки старому непичанице микаротице при-
дичае к ним микки в неаичи и отичи, тили.
То сарфени микки на водю, тили в эице микки
мичени звуки националици тиети.

А видни их ии тили бичице деревуци эице
спонце и забичи, обиченице всемо тилице поричице ари-
тице обичице обичи, тоно изидениче причичице дути,
сичичице еи ричице фичичице еице еице поричице
етице и тилице.

Зрелища и наименее ценные зрелища являются
иногда и на воображении и на... сдвиги,
иногда и на... еще долго в... иней
и изданных... иной... там
и... обороты, ... и змеи
и... и...

В... в... раде... сверка-
... на... и... контраст
и... и... и... и...
и... и... и... и...
и... и... и... и...

И... и... и... и...
и... и... и... и...
и... и... и... и...
и... и... и... и...
и... и... и... и...

И... и... и... и...
и... и... и... и...
и... и... и... и...
и... и... и... и...
и... и... и... и...

И... и... и... и...
и... и... и... и...
и... и... и... и...
и... и... и... и...
и... и... и... и...

И... и... и... и...
и... и... и... и...
и... и... и... и...
и... и... и... и...
и... и... и... и...

кре... и сожраны в позн какою то серьезную непод-
вимость.

Я видны часто доходящую до поэма любви
матери к дитям и благодарные чувства
выросшего сына к родителям, видны дружбу и взаим-
ное уважение

Я видны во, точно подметенные до к... про-
зрачную холодную фигуру и глубокие сдвинутые глаза,
острые, ледяные раздирающие человека и заставляю-
щие его испытывать мучительные ощущения стыда.

Во рту, в несчастии всегда вставало лицо его
глубокой скупости, бездн... с... тихий, вкрадчи-
вый и хитрый смех.

Я слышал, как тревожно забили колокола, и
когда их крикливая толпа врывалась в кривые малень-
кие окна хаты и в большие остекленные длинным мезином
столбом окна порога, как отбить слышались сначала
тихие дглаголющие потом все громче и громче стеновые
премандульные материей и фены.

Красное, точно стар... выдерганное вино, солнце, быстро
падающее к горизонту, вдруг остановилось, не багря-
ном... в... затию кровавыми цветными светом.

А в зрачках мать их видны я в, свавые капли,
и ч... кровавая кровь, ... в... перебивала на
красном в... кровь, и когда свершалось уд...
и человек допрашивался до сожраных из раны устной
лихой фендхости, он не понимал, что это такое.

Я видел, как... росли, ... чтобы пораз
перо... от маленького вышивочного кусочка.

Я видел в водовороте фены, закрытый чернило

Я сижу у моря, у обрыва
 И смотрю куда-то вдаль
 Море синее широко и красиво,
 На душень какая-то печаль
 Седьмизна широко в воденю
 Повеет десятка лошадей
 А вдали за синим гором
 Визно мною черненькими люди
 Много етарю пурехуа гронтана
 Буй етарюне у... день...
 На осл... у... в...
 Водет пурехуа вдали, куда-то далеко.
 Кардаши на подки...
 Подка... по волнам...
 На... подра...
 И один из них...
 Верхох...
 Без конца...
 А...
 Стабл...
 Далеко на...
 Ветер...
 А...
 Люблю...
 Стружка...
 И...
 Море...
 Море...



Упробв.

кв разказы. Упробвие
Безумца.

ПРЕДУКА К



Мы взяли на кару и перед нами зрелище
грозное, коммуну, направляясь под тонкие катарапки.

Эти гробы сосновы, на дубовой подушке лежат мо-
лодые, рано сгубленные души.

Наблизившись, ступаем под сиреневые ветви, ко-
гда улыбаются губы едва... и больно так нам было думать,
чему улыбаться они...?

За гробами бежит молодая плетень, распухшие ко-
сы, распухшие паряды, ридает то бурно, слышнее,
от, еткленные, от безумной, впитаны в неподвижное рю-
ло, и руки распухшие, и шаром, но в них напыс-
ты, что-то призрачное, по дороге: счастье - похитившее
счастье вдовы!...

А за ней, обливается слезами, крошки-сиротки,
схватившись за грудки свои, пытаются за ладони
безумной, провожая в погребу... а за...

А не было снова утешения. Мир утешаю-
щихся!.. Настала минута прощания...

Сознание на них возвратилось к безумной;
кинула в объятия, пертвеча-муса и прижимая
к холодным губам...

Ридание гробов и молнии замкнули ридания
безумной, когда утканые руки ступали в сиреневую
раздвину ступающую думу, раздвину атеиста кину!

16
Словно хохотъ свой, хохотъ зловещий раздается въ
ушахъ и дрожащимъ нѣмъ зарыдаемъ...

А надъ нами, вѣсиваясь къ широкому небу, гудитъ,
лаская другъ друга, отправиться „къ Госпады Богу
на банъ“.

А. Кортаневъ.



17.
Сентябрь, в который придется действовать против-
посаждать вояки гарантировать им и про-
тивление и кровь.

Крымские горы, покрытые дикими, почти дров-
ственными лесами, с населением исключительно
татарским, во все периоды гражданской войны, бы-
ли пристанищем всех, кто был, противником
существующего в данное время строя.

Там находились против отряды Крымской
военной полка и артиллерийского отряда безыз-
вестного капитана Орлова в период кровавого
матросского террора 1918 года; там же скрыва-
лись во время пребывания германских войск белови-
ки и отряды из Севастополя матросы.

Наконец в 1920 году против же капитан Ор-
лов, сбежавший на путь авантюры, бродячий по южной
же Крымским уездам, скрываясь со своим отрядом
от преследования войск генерала Слющева.

В последний период пребывания армии в
Крыму, уже поздней осенью, в горах оккупировать, руко-
водителем зелено-красной Армии из дезертиров и
выскакивающих из Амань беловикулов - матросов,
Макрахов, против которых там, и совершенно
безвестным, вместе с посадкой на суда эмигрантов
все войска ушли за.

И всегда в конце концов борется зеленые
те, кто бы они не были, компания неудачей и в
конце концов не сдала никаких реальных
результатов.

Служаству твою как и иностранным войскам
среди горного крымского населения, эту обязанность
быть такого рода функциями, бездумно опасаясь,
незначительную опасность с войсками, служа-
щими правительству данной страны.

А именно не только орудия и укрепления,
но и крепости, которые имеют место в разном
степени враждебной стирания и ввиду заботливе-
ности среди народа и от опасности.

Служаству войскам или засадам не имеют место
для крымского партизанского движения.

Именно сама по себе чрезвычайно сла-
бая и неэффективная партизанская деятельность в Крыму.
недостатки для войны горы, низкие заброшенные в
горах горы, среди самих партизанских для
Крымских, какими будут разбойники и
контрабандисты.

Мы все же живем уже, как покинутые
Крым, и обязанности, при которых мы
составляем Крым со всеми... теперь из-
менилось, нужно сказать правду: такой отряд
будет бороться под страхом справедливой
возмездия всего Крыма, которые будут безмы-
сли, что либо поджечь с нашей жизнью и не-
повиновением повстанцам.

А тогда и такой отряд феллахов за-
тасать не удастся очень много, из которых
можно будет считать действительный выбор
людей, ринувшихся на все, которые не устроятся

жизнь, полная опасностей и неопределенностей
самого разнообразного свойства.

Дай Бог, если исполнится это неопред-
еленное, а именно под собой зыбкое
тепное основание.

Меда ехотый за дню организации отря-
да и с Богомъ впередъ.

г. Галиполь.

Л.

2 Июня 1921 года



Г. Лебо.

В

В Иван мать а она акати

Где нить гора, нить юдей

Где рубить они злотыи снами

Во вынныи цорей во мнныи ху дни

Где нить востра, где нить в кна

Нить востройной и мины.

Где нить сказанаи свята

Без повнотен и рной тмы.

Где нить солнца злотого

Где нить хоса, нить

Где не знають, нить тмак

Сказка с аеи и мнныи.

Где с мнныи свята рез

Знать нивидимый по мн

Чтось знае зенныи слезы,

Чтось ридити дозвучныи вкы.

Мать где тнныи с мнныи

Знать нивидимый по мн

Чтось знае зенныи слезы,

Чтось ридити дозвучныи вкы.

г. 20. 1916

Где 1, 2, 3.

М. Мухомов.

ВАННО ПОКУШЕНИЕ

БЫЛА



познакомная ей не в конце 1917 года, в Крыму. Перевернуть 25^ю с табачи не удалось дойти еще до Крыма, где все общественные организации лидируют особым образом антибольшевистской власти — Совет Народных Представителей.

Севастопольск активно еще не давал себя чувствовать, там матросы постепенно, но верно под влиянием неукротимой антиции большевиков из перенесенных сторонников социаль-революционеров превратились в заветных коммунистов.

Таким превращением оспаривание не-то необходимо и страшно.

Во Севастополе около Совета Народных Представителей и единственной организованной военной части Крымского конного полка, считаясь сформированным офицерским отрядом. Запасались оружием, патронами, сформировались широкие планы обороны Крыма от большевистской опасности с севера.

И вот на одном секретном заседании военной организации, а впервые увидели Франсуа Конлан, принадлежавший к боевой организации с-р.

Высокая, сильная женщина с большими глазами, в которых светилось какая-то особая решимость на все, она сразу обратила

на сѣхъ вниманіе вѣсѣхъ, ни и вѣсѣхъ въ первомъ
разѣ.

Теплого позже я ближе познакомился с ней и
узнать ее краткую биографию.

Был убит в детстве 16-ти летняя девочка
в 1904 году покушение на киевского городского голову,
во время которого взорвался домик она опитна
мало, вследствие чего была временно потеря зрения,
затем приговоренный к суду, она была все же
дана с перитонитом, которая вударен была за-
мечена оном сиперной.

Содержалась она в камере, в которой
находилась в одной камере с Ефимовской.

Tam pomin el sygnic monogne rogu, tam onc
exor r m oc ta, qm lmo el fenshon.

1917^м годъ принеся ей радостному вступъ о вос-
хъ аженъ и требованъ жизни

Земь была тогда уже 29 лет. Баторра окончи-
ла и по подорвала ее здоровье по думов она пошла
дальше от одной т.е. ко надежде увидеть Россию
свободной и обновленной.

А отсюда мадамъ революціонная евангелистка,
и все это право въ ея руках, въ царств
есть пережить революціоннаго протекціонизма, законъ
и все въ ея руках, въ ея руках, въ ея руках.

«Я видела это: ~~я сказала~~ ^{рассказывала} ~~я сказала~~ она мне, что эту женщину, которую твои родители, от-
давая свою дочь и все свои имения, звали не
испанскими рыцарями звали все, что было

дорого и много. Но забыть нам и надо все равно не см-
нать, я должна отнестись так, кто не знает, рязно
все то, что было моей жизнью.

И странно было слышать в глубокие гер-
ны газа, которые были наполнены почти безудельным
этим ненависти соединенной с тоской.

Быстро налетел и встал криком большевика,
сопровождаемый невиданным зловещим, распрона-
гандирован и матросов: вернувшись почти в море,
бросил в толпы, распространил на глазах всей
сены. Все это было давно, но даже теперь странно и
как то не хочется еще найти это

Я встретилась с Радой Камаром месяцами ре-
шею мысль уже в Москве, опять на секретном засе-
дании боевой организации, поставившей своей целью
совершение покушения на Ленина и Троцкого.

Сдавшему, таинственным образом объявлено
таким покушением удачно записанным стариком-
старовицким С., видный политик, дворянин москов-
ской группы с-р.

Весь внимательно слушал. И, тогда вставая
был затравлен.

После плана покушения перешли к вопросу о
выборе его исполнителей.

Радя быстро поднялась со своего места и ска-
зала так просто:

- Это я.

Что было потом, как то не помню. И никто
из нас не стал ей ~~быть~~ возражать, были очень ясны,
что это с ее стороны не жертва, а дело мужественное

обязанности немцев Фаня скрыла о своих
намерениях. Фаня часто выекала руку в карман и я,
замечая это, писал, что ей надо прошептать нечто
сдержанное, научить читать пометки для всех Фаней.
Я сам как будто выекала в ~~карман~~^{своей} руку холод-
ное прикосновение дула револьвера, рефлективно в кар-
мане Фаня Катмань.

Раздавшиеся аплодисменты возвратили меня
к действительности. Ленин ~~тихо~~^{спокойно} вышел в
трибуну. И вот в этот момент раздаются
выстрелы, сразу посвящая нас в собрание
толку.

Ленин закачался и упал. Латинки не распе-
релись броситься к высокой черной феемуну,
которая держала в руках наган; я видела
только, как первый подвыставший латинка, ми-
роко позмакнувшись ударил Фаню по лицу.

Далше я никак не видела, потому что
мне пришлось самому подумать о том, что-
бы скрыться.

О поведении покушения читатель знает.

На следующее утро - вводит латинка рас-
стрелянную фаню в бумажный мешок.

Л.



7. 1880.

СТРЕЗГОВ-

БРЯТ.

 Влице прованс пестяние шум в разбитие
 в стынть око. В ройть царствовала тинина;
 под койкати домашня, спокойные линии играли;
 Ломови лежал на кровати и в сонной раз-
~~на~~ перепитывал внутренний Уставь.

В ройть без шума вошел Мешников, поше
 коорудеенный Уставель и, присевши на кровать
 Ломова, пустился в приятельский разговор, но ког-
 да он замечил, что у Ломова поше в руках
 уставль, какой-то червячек повелнулся в душе Меш-
 никова

— Эй! Батя спросит вы улит в равное все знать
 не будете; я брат, пока уловил, много пош не доспаив,
 но зато, поше скажет, знаю его до митайных подро-
 жостей; да, скажете мне: кому рапертуеть...

— Пешутайте митайный передил Ломов, ска-
 жите мне сколько вшит пошотная винтовка, а?

— Пешотная, пошдите 8¼.

— Ха, ха, закрываете батника, 10¾. ха! ха!

— Как, разв 10¾, улит Мешников, куда,
 да, да я знаюе емьмал... ни так, а все токи по-
 лу рапертуеть дефурный по ройть, ест войдет рой-
 ный командир и дефурный офицер вливает?

Ломовский, сидевший рядом, селам удивленное
 лице и возмущенное, как это так, вливает?!...

нао командировъ.

— Ну, что вы ждете? Спросите у нас себе

— Ахъ, какой же вы право невыдержанный протест! —
 где жъ это, и лоповъ паче паче въ ушахъ
 передъ самимъ носомъ Николая Александровича „Ге-
 дунинъ“ изъ мѣстной школы работничей всему роту
 кому командиръ и въ присутствіи дежурнаго офицера

— Ну, да это что-же это къ чему не относится —
 а первому же же дежурному офицеру.

— Почему же не ротному?

— А почему же не дежурному?

— А вотъ прочтите вамъ это, тогда и увидите
 „Миндичу въ присутствіи старшего караула“.

— Ну, ну, ну что, удивились?!

— Вечеръ? Дежурному то офицеру же рапортирует-
 ся въ присутствіи ротного?

— Ну, а первому же же полковнику?

Поручику!... Полковнику!... Поручику!... Полковнику!...

— Миле! — кричалъ на всю роту Мурка. —

— Красноручику, ха! ха! ха!...

Полковнику!... Поручику!... Полковнику!... Красноручику!...

— Схватили жъ васъ, подымайте въ штабъ.

Кому? Кому?

— Конечно же ротному, соматане Штабъ

— Да где же, где же батальонъ Мелинкова — въ шта-
 бѣ ли же это сказано?

— Товарищ, голову надо мыть, батальонъ штабъ по
 походу пошелъ откуда-то, въ штабъ кто-то кель-
 ло сказано, Дежурному офицеру, поручику.

...и, присоединиться к... и пар-
ти... в уже... конечно, поручку, еще бы, как
же?..

Меншиков и Меню... за голову,
под... по... крива... есть...
- Полковнику! Поручнику!.. Полковнику!.. Поручнику!..

- Видно, я знаю - про... Меню,
если... в... то... а
... тогда...!

Меншиков... в... и...
... по... к...
... и... и...

... по... и...
... Полковнику...
... не...!

В... и... на...
и... не...
... Полковнику!...
...!

А в... в...
... Полковнику!.. Поручнику!
Полковнику!.. Поручнику!..

В... на...
... не...
Поручнику...
... в...
... поручнику!..

... в...
... Полковнику!..

Внезапно к нему Ломов засмат ея постыдную
апошню и, подымаю, вѣтрахнувъ пріятеля, и констан-
тировавъ епертъ все же не выдержавъ, наклонился
надъ жоломъ и крикнулъ. — Полковнику!

Перекрестившись, поцѣловавъ пертвеца и потяну къ
двери, но еще разъ обернувшись, поглянувъ орудафку, пересту-
павъ съ ноги на ногу и обращаясь не то къ пертвецу,
не то къ медичтскому персеману убедительно кинулъ

— Полковнику, пертвецу, пей, пейте же, наконецъ,
полковнику!!...

А Колчанецу.



В грядущем кинется одно желание
 Увидеть вновь родную страну
 Спокойно и без приключений страданий
 Увидеть снова русский вечер...

То, нелюбимая поля и незнакомая селенья
 Зеленые сады, едущие леса
 Увидеть вновь Восстание возрождение
 И слышать близкий голос
 Жить в полях, в знакомых до степей
 В пущах в рощах подберезовая дуб
 И видеть, как ^{ависоном} ~~она~~ полетит
 Летит она крича поспешный клич.

Жить с миром в тихие помыслы
 И отдыхать и пить и думать
 Забыть о прошлом о кровавой памяти
 И жить в одноименных летней.
 Увидеть вновь феодальную жизнь,
 В саду старинный барский дом
 И в тишине склепника жизни.
 Надгробиями призрачными призраком.
 Желаниями, любви, родины,
 Тенью о любви, тенью соловья
 И видеть, как вдали, окраску золотую
 Мечется в красной зыбкой вечерней заре.

И махались в туманы, скрывая свои крылья
 Любили весь мир, природу, небеса
 И желтовали, что все это им грешно,
 Что пред лицом рожденья им земля..

а. Гаврилов
 Июнь 1941

М. Мухомов



Д. Романовский

ИЗВЕЩАНИЕ ПОДПОРУЧНИКА ПРИМОРСКОГО

27^{го} Июня в Красов и на восточном бере-
гове Греста №4. состоялся съезд членов на-
блюдательного совета подпоручника Денис-
Баранов. Членов
своего полка Юрия Пилиповича, и были магнит
непосредственно-юнкер 3^{ей} роты Александровича Воен-
ного училища.

Въ извѣстность делу юнкера Пилиповича посто-
янно делались любовию и уваженіемъ, не только в отноше-
нии естествонаучнаго курса, но и в отношении магнит-
наго курса.

Числомъ военнаго училища, въ извѣстность и въ
извѣстность одѣланности арестанта одинаково равно, по то-
му такъ же со вѣдомъ берега быть и извѣстность точно
исполненію долга, и извѣстность и извѣстность не извѣст-
ность извѣстность которая часто выпадают на извѣстность
въ извѣстность и извѣстность

Транспортируемый въ Галицию въ извѣстность, подпоруч-
никъ Пилиповичъ забываетъ извѣстность, который извѣстность
подпоручникъ и безъ того слабый его извѣстность.

И извѣстность въ Севастополь стала бы извѣстность
и извѣстность извѣстность. 13^{го} июля, съ извѣстность извѣ-
стность извѣстность и извѣстность извѣстность извѣстность
въ Галицию.

28^{го} Июня въ Красовъ берега состоялся похороны
подпоручника Пилиповича

Въ извѣстность извѣстность извѣстность похороны извѣстность

всех его в вину - артиллерия по выстрелу, по
создавался повардеевскому батальону, артиллерия
и юнкера Зенитной Констанции Военного
министра

На похороны вызывалось каменное здание
указанием не было. Безвременно умерли среди
всех создателей.

Для отпугивания военных похорон бы и парадным
получила Вардеевского батальона и ввоза юнкеров?

2. Заметно.

1.



Домей ево прихотъ убоиленнымъ енавои
 Гибкого мана расибуна,
 Иубиуна ена на черъ кровавено
 Мем мкев регина енава.

22/7 201
 С. Яков

С. Яков. В. К.



С. Яков. В. К.

[illegible]

Поля эвентуар ивово-пайновое ельника на ю-
го-запад, и юго-восточных склонах с расчлененными водо-
отводами. Луга заставлены его особенно легко в июле в
вечерие (вспугивают) праздника.

Блеснущие чистые помы с юной суровой
и той... ах, как это расставленные... они напо-
мнят мне прищипки на рыбой узорах... это...
и даже... привычки к утомлению...
механическому... тупиком... части...
...на... адос... весело, свободная...
...на... состояние.

Желая своей жизнью болельца поглотить стир-
ки расов, стараясь уловить незаметно все движение и
то, что они, будучи одинокими или группами на-
ло, или, не ведая нас, тихо живем, застаивает его
смысл, а так постепенно поднимает все явление, по-
том же, в. постепенно таинственный ^{и странный} ~~тихий~~ из-
менения. И он уже занес ногу на правую
периодическую, но не так, что он не
сидит, а так, что он не сидит.

Вот и тогда не ели са ра популации в но

Итак, если в процессе работы выявлены нарушения

мать направленной археологической творческой
ности, которая доминирует и формирует квартиру.

И разглядывая точно протаргившиеся пре-
-етные комнаты, они не узнавали их, и они открыва-
-ли ему новые интересные и незабываемые главы по-
-добностей.

Въ той са мѣ жареной сѣбакѣ, которую онъ
 каждый день вынулъ, нутой никогда не интересовалъ
 ни его ни цыкъ, въ пѣе замѣтилъ онъ заднюю гирибу
 приподнятый хвостикъ, и етъ этого сѣбака казалась
 теперь живая и когда бѣже дѣло и приставлено смот-
 рѣть на нее, ему казалось, что онъ видитъ только кающій
 тоникъ въ пофети.

Слышит звуки спдаются въ ишаь ея частые и
неловные звонки и на ксфедь из них ^{то}колы ибтатъ
и спотыкае, не принеаи ли еще егип.

И когда приходила мать, чтобы поговорить с заученными и заучиваемыми своими крупными пухлыми ма-
зками в ее извощенное лицо, говорила ей полные великого
и важного для нее слова:

— Манюшка, скажи же, когда принесутъ еду.

- Экономическое разделение труда и обмен ко лнм.

Сказана і'се, што скоро. Вон заняты, а мы пагодзімы ес
своі емоці.

И в равнодушии к нему, которую ему, бо-
ль, гордыни принять, он ухаживает что-то отис-
ка, он себя, а также жалькое пока в него страни-
но как себя.

Приходит и уходит отец, а еще все не дыно, и
объявлять этот день казань Коль нехорошо. ррр

За столом сидело несколько чужих и знакомых
мужей и, как всегда чужим, Коля тискал к ним
выраженные чувства, и их вопросы казались ему чужды-
ми и скучными.

Потом Коля узнал, что все внимание его напе-
чатл и гнушил по-прежнему, и это было расхо-
ждением и хотилось казаться им, что они отбавля-
ют, что хотя он еще маленький, но уже много понима-
ет и знает.

Хрустели на зубах противившиеся сладкой мо-
лкой сладостью корфки и, чувствуя, что скоро на-
до пожелать спать, он иль был болен ил и гасилим
матками, точно фанат приближить иль пожелать.

Пожали нам, и Коля, сдвигая отцы иль, как
узна его мать, в ее сопровождении пошел в дит-
скую.

Когда оть раздала, ильила мать, и Коля,
ставь на ковши на мягкую поверхность кровати,
повторял за ней старанные и непонятные слова мо-
литвы.

Презана красная лампадка и бросала здравис-
кую тень на серьезное и спокойное лицо Хруста.

Коля стоял в его глаза и ему казалось, что Он
внимательно слушает его молитву, и притом в-
неоспоримое в его сознании чувство блажен-
но-произносимых слов наполняло его приятным
волнением.

Потом оть лег на холодную кровать наскоро
иной воды простыню и сдвиг за свисанием
тонких и длинных пальцев матери, изображаю-

и пралился ее витавая нарядная куртка.

И близко витавая над ним опять удаляясь все дальше и дальше, илицею, как казалось Коль, дышало строгим и недвояким....

Апрель пришла латя и холодное нисеное рикенование ее рики обрвали кривки без выгнаний сны Коль.

- Вставай скорей. + нели уже рипотомы в еку.

Коль медленно и нехотя оулся и рипелся с матерью в вестинку.

Блеснула середянники и запотали нитками еко, и большая звезда, прикрывленная кверху, и, евернала ренным и скучным блеском.

И маленькая подвышенные нитки казали Коль интересными и некасивыми, и таясь и галаны озою, вышедти против его вали урели, в, цонее до удивления матерн.

- Что ты? Развн тебе не нравится елка?

- Ничто, ничто, нравится.

- В чем же дело?

- Ангела хочется. Ничто, не обманывай меня, я все вижу, все знаю, Ангела не было.

И крики елезы бьются из глаз, и гасно оури ело маленькое круженное в вло.

И чуткое ренное материнское сердце понимало горю сына, и злиные его пальцы нисе и медленно сколотили по негнать золотистым нудрам Коль.

г. Витавая

А.А.

1. 17. Яюя 1921.

с Цензурою
не
допущено.

THE HILL AND RIVER

N5





Ихний береговъ черныя гати
Зари.

Ихъ хаткахъ на чинахъ сверкаютъ
Огни.

Ихъ снѣгомъ и инеемъ
Зимы.

Ихъ снѣгомъ блаженствомъ
Зимы.

Ихъ сады твои раскинуты
Сорочью.

И вѣснѣхъ твоихъ березы
Зелены.

Ихъ черныя гати твои
И уны.

Ихъ таинство о счастии
Зимы.

Ав. Мухомовъ.

Ихъ таинство 1921.

Июль 22.

2. No 20.



Пыльные волны набиты на острых, непрерывных тысячах дырок, скали, разбивали ступенчатый фронтаном, пыльная толпа взмыленная тина пухляк и дрочага на воду.

Пашекин не взял по циклопичку в перст, распушающуюся пехотой и медленности поставленом болше пухлякские слюды. Микяеву было скучно и, выкурив уже несколько папирос, он снова начал скручивать пофелитовыми кончиками, пачкево ровную тонкую папиросу.

Принудительный зыканом тина вдам парусная лодка, припоравливаясь к ветру и плывя всего советом не туда, куда нужно. Микяев вытаскивался воя надуться билие полонизма и поручился от прищедман пехоты, стили откуда сравнения этой лодки, плывущей по ветру, со своей френкой, сугайшим сугубительном фактыво и эпизодов, что воля его была не пришло.

Жаленный ильменей стилие обрывался к морю берег, и его черная широкая пухлякские тирецины, точно сабельные удары на человеческом тилие, винули ему, какое-то фуктывое неприятное рветиво.

И когда он увидял доверчиво раскинутое на пески френское тилие, он обрадовался, что есть случай отвлечь внимание от неприятных рветив и лива.

Строгие черты ее лица были хороши и в

правильности, ровности и ответственности линий
и цвета вышивалась какая-то бесстрастность антич-
ного изваяния. Монкая и короткая египетская юбка,
загорно и кокетливо вышитая кривую, ударяла не
себя, приподнималась платком и позволяла видеть
постепенно расширяющиеся овертанные ноги.

Округленность плеч, свирепость кофты и чистота
границающая ее наивность, взора сверкающего мажор
заставляла Мундуса предполагать в ней движущуюся

«Возможно ли это здесь?» — думал он, и
грозные угмившие листья тщетно старались
зайтирать по прекрасное и чистое цветное, ка-
кое выжмала ему незнаколка.

И с тех пор он стал ежедневно прихо-
дить на это место, сначала как будто по при-
хоти, но потом все более и более удовлетворяясь вла-
стностью незнакомой феицины.

И феицины плетая, грозная она, обнаружен-
вать интересные содерзательные детали, точно в
темную спиральную колорку его души вошли лучи
напавшегося дня и сдвинули красноту, что
раньше казалось безразличным, серым.

И не было в этом новом и странном вы-
сшем мире похожего на любовь с ее познанием и
ревностью или даже просто эрических фенаний
сапца.

И когда ему говорили о миссии и падении
русского народа, он таинственно улыбался и ду-
мал, что народ который имеет таких фен-
ных доминирующих.

И подобно художнику, без конца модулирующая по-
разившей его картиной и идущая к ней, чтобы в
свой раз убедиться в богатстве ее красок и пер-
спективы, ежедневно ходит от высокой каменной
пропади и пдаки, когда покажется из санатории
ее легкая и гибкая фигура.

Когда она расстелала черное пыльное одеяло
и пофотала, Мимельв долго и внимательно смотрит
на нее, сидит за мановливой тирой кофею, перебера-
ющими песком пальцами ручки и пестрыми цвет-
ными вышивками полузакрытыми и...

А когда зовут звонком, и она уходит, на голую
некрасивую берегу упирается как-то особенно пусто, и
маленькие сидят ее пох на песок печально и грустно в
длинных своих раскидывающихся остроконечиях.

Раз он примет, дальше напряженными муш-
кетными орудиями, выдвигаясь в выходные по
звонку спеша безвзвешенные толпы. Болонских, вдруг ему
стало ясно, что ее уже нет здесь. И дошли и тл-
етный камень, под который она всегда лежала,
топчется и строго полагать, и большее уверен-
но очерченное солнце бросает на нее ~~белые~~ по-
следние пыльные лучи.

Подает к половине полуманной ограды сто-
рожа, похвывая на Мимельва, ~~нерешительно~~ сжам-
кнув forehead, что „посторонним здесь нельзя,
что на этой стороне здесь и вывешены дощечки,
и пилки - короткими грязными пальцами в до-
щечку писанки кривыми и флюидными по-
дами.

На ярком дне он опять пришел и опять
туда, где она жила, было пусто.

И Миняев стал искать ее, ходить у нее —
он гулял по городу, толкаясь в толпе, в толпе
людей, толпе толпы, и с каждым
проходящим днем в нем усиливалась уве-
ренность, что он ее найдет. Проходили неде-
ли, месяцы, а уверенность эта жила и росла
с непонятной силой необъяснимой скоростью...

Беззвучные серебряные точки — звезды пере-
мелькали, ~~горели~~ мерещились для глаза свиром,
и покаянная неподвижность ветра, и тишина
лаживала все предметы темными неглыми
крепостями. Беззвучная толпа домов, тесно
сбившихся в мушкетерскую гарию, и про-
порциональности крив, с забытыми досками
и кривыми, с черными мушкетерскими
мушкетерами, заставляли Миняева что-то бояться.

А когда он проходил по безлюдной затих-
шей улице мимо фонарей, нехорошо привиден-
ных над вывесками лавок, чувствовался на
нем их жесткий и неподвижный свет;
и это было еще страшнее, чем идти одному
по толпой неосвещенной улице.

Было поздно и надо было возвращаться домой.

А в основательных тесных и кривых улицах,
переставших жить так же переулков,
развивалось впечатление, и Миняев боялся извести-
ть себя, и Миняев, возвращаясь совершенно неопре-

-дании к отправлению пункта.

И когда забывалось бесчисленное количество мыслей выйти из децентричного круга, когда пришла уверенность, что все выходит для ее сознания неестественным движением закрытия и забытия так же тихо, как квадратные черные окна уличных домов, пришел и объявил себя позитивный Илья. Два застывший оксигенированный уфас.

Охваченный сублимным страхом он ступает, падает на твердую постоу уличную, и вездущу преграждает путь пористый, сирый и рыхлый камень. Он бросается в сторону, бифаль назад, вперед и вездущу ветривает властную твердость старого порока камня. И когда ослепленный безразличным объектом, утомленный безрезультатной попыткой найти дорогу домой он собирался спать, откуда-то пришло странное чувство и сознание, что он не один.

И разливши на темном фоне точно прилежную к естественной человеческой фигуре, он подошел к ней, и спит так же же странное чувство подсказало ему, что перед ним фениция.

Вурные стремительные таме внезапно происшедших желаний покал материала и уличную для порыва, и поднимаясь ласковой мягкой властью естественной руки, одхватывая ее руку и выкашивая ее куда-то, во паникующую притомившуюся темноту уличную, он шел покорно и смирно, чувствуя во этом подчиненное что-то приятное и легкое.

короткая жесткая шкура по пшеничной фенекен
цели вполз в устье и засыпал пшеницу в черной
пшеницы неосуществление.

Директор разговаривал с ретивым
генералом пшеницы, пшеницы упрямой суеверной
лице, и пшеница пшеницы для пшеницы пшеницы
ночь засыпала - пшеница пшеницы пшеницы пшеницы

98, 18 | Июнь 1921.
в. Заминин

ACL:



В. Келер



J. Webb.

Зафлота отъ недвижнаго мира
Взошла луна освѣтивъ тебѣ
Во тѣлѣ твоѣ въ обѣщанъхъ зѣбра
А мура съ камчатомъ ступитъ черезъ

Тѣмъ прыгъ сверканъ срединнымъ еривкомъ
Тѣмъ ель снапа счастливымъ сладкимъ снамъ
Во обѣщанъхъ грѣхъ подъ луны перелетѣмъ
Метѣмъ въ тѣмъ извѣстномъ счастіи снамъ.

Среди знатныхъ твоихъ усобицъ етъ
Бюджетъ долговъ уставный муравей
Во кустахъ цвѣтовъ бездѣльному вѣнчѣ
Десяти тысячъ разныя ерѣи.

А въ тѣлѣ задремаго сада
Престарелъ дѣтокъ разсказывалъ друзьямъ
О жизни тѣхъ, какъ страдали ага
И въ тѣхъ тѣхъ тѣхъ дѣлахъ.

Василий тѣмъ, тѣмъ, тѣмъ камчатъ
Во вѣкѣ цвѣтѣхъ, во вѣкѣ природы
Многа карна сказочнаго тѣмъ
Подъ свѣтомъ звѣздъ черниковаго свода.

Валентинъ 1921.

Сонъ.

В. Мухомовъ.



Они поднимались над водой, и летели за горизонт.

Ярко вспыхнула вечерняя заря.

Рыбьяя вода взошла у западного берега, заперла камнями и хвостом сквозь ко-
поть калену мела чистая лазурь и чистой
воды.

Западный берег, у которого был ильмен-зем-
ля на западе вода непроницаемая ко-
ровато и так не гармонировала она с вы-
сокой землей берега, покрытой сеном и пологом
и, всего, как не гармонировала этой восторжен-
ной природой с полой эстетикой в ру-
сле на берегу, призывающее к старому
восточному и восточному духу.

Президенты, члены и члены, перемещаясь
стимулируют в чужих зари блестящих

воды, обрешенная высокими камнями,
такая красивая, чистая.

Приближается Сибирь, птицы и птицы
летят на юг, высоко высоко над водой. По-
ловой мостик и восточная сторона и
мостик берега и восточная сторона.

Восточная сторона и восточная сторона. Я

кровью. В грудной клетке подавленным вздохом
вздыхаю я на этой вихревой призрачной
лунной поверхности. И мне стало до боли очевидно,
что не могу я устоять, как эти птицы к
теплой морю. А большой груди так нуж-
но, так необходимо, это теплое свитное
море под солнцем наплывшим фарфоровым...

Взрыв бросившись к воде, доверчивая и
ней уверена надежда, когда нежном и раз-
судком ~~разрешая~~ вздохом реальности жизни.

Ночь покрывающая черной завесой землю и
только где-то в небесной выси, крика и
гула своей массой несутся перелетные птицы,
а мы мы окутаны черным облаком и только
там далеко в ночь душат гудит, крика не-
сетесь к теплой воде.

Внезапно улетают тихо и спокойно
мне упав на поверхность воды запертая болотом.

Взвешиваясь против волн и при-
сущено руки забирая и рывке, в экстазе на-
чала прищипывая - вытискивая раздался и дро-
н, уже подошла и замерла одна птица, на
темной лазурной воде, а другая словно безыс-
пытная в хлопаях крыльев поднимаясь в небе-
сную высь....

И только когда я подошел к дому
вспомнила, что ждет меня свитное ста-
рое в ласках любимой жены. И вот!
Вот! И вот! И вот! И вот! И вот!

И вот! И вот! И вот! И вот! И вот!

испенная кровью, грустно, грустно, казаясь,
говорит она. В этом неслыханном казении
о рано заурядной жизни, а как знать,
быть может другая действительная на ней
любовь, признана о светлом счастье в
ласках любимой подружки...

Прощай, подружка! Вечер сядет, унесет
я на юг. И не так, как ты грудишь от
безделья, как тоска ты и ты пою думу,
беленую.

Улыбка скажи, нежно, нежно, сплю,
мне, а безделья и нежное...

Начало мая, весна разнается и на севере
да и юге, и юге, и юге, и юге.

И так, грустно, грустно, грустно, что
не могу, унесется я в любимую мою край!

Сей, как знать, быть может, утка, по-
терившая подружку, мать, далеко, далеко,
далеко на юге, грустно, грустно, грустно,
счастье в ласках любимой жизни...

Сию веселую, грустную, грустную.

А на юге, зоря, грустна и на севере
счастливая, грустная, грустная, грустная,
грустная, грустная, грустная, грустная,
грустная, грустная, грустная, грустная,
грустная, грустная, грустная, грустная,
грустная, грустная, грустная, грустная...

В густых лиственных горах Бринчан подорожен скрывается эти эти преследования правительственных войск, еще недавно приставные и задержанные ветераны добровольческой дивизии и хотя эти все привели к смерти, а не задержанные были, в период окончательного краха Гоминьдана.

Теперь их печальное существование было достигнуто истерично пытаясь изменить. И подчас-только оно сформировалось сердце иль безысходности их страдан, между двух крайностей, поворотов.

Их руководителем были капитаны О. задержанный сменой славы и войны уважен в кортасе и первый период гражданской войны.

Экспансивный политический по природе диктатор капитан О. открыто возмущался всеми болезненными явлениями, которыми страдали нации и в особенности китайские учреждения. Но не искусственный хитроумный политический авантюрист, доблестный и недалекий, капитан О. легковерно поддавался уверкам политических преходящих и превращал все, темноту картриатное движение в общее-политическое, в основном подталкивая к

Стоял в то время во главе крымской
группы генерал С. сдвинув вперед, решительно
подавить авантюристическую попытку, и войс-
копере капитан В. с непременным успехом, лично
ему преданным и верным.

Помыслы обыкновенный преступников и бандитов
принуждены криваться по диким уздам крым-
ских гор. И с тоской он испытывает на своей
плечи ружья, весь испуганный занятием. — нашив-
ка — знаков противной крови и простой эта-
жевый крест — стивет безжизненной мифологии,
привлеченной в спиральной национальный король.

Он стоял на высокой скале, непосредственно
поднимающейся над узенькой горной дорогой,
ведущей из тихой долины известной долины
конец К-В. монастыря.

По дороге тихое и тихий ряд повозок
с людьми, посланными поймать его и пре-
дать в руки правосудия.

Полно два человека, только одно попри-
казание — думать ему — и спокойно идущая.
колена повозок превратились в напавших на-
строения мою.

Но разве так уже виноваты эти лю-
ди, с которыми еще так недавно не раз-
ходив в дождь, отлив крови, отлив жизни.

А если оставить их спокойно пройти, а-
вднем два нужно изменить место своей стоянки

Безжизненные полководцы показали красивое

Не лучше ли пожениться с собой и уйти
сразу развешать и где себе и где врагов твоего
ли заступанный узел. Но. О. поженится, много
на осталась изданащая жена с двумя детьми, без-
помощная бедная только и и детьми и
лишь о самодостатке сразу поженится в ее из-
мученном позу

Он быстро победил к концу сборах своих
немногочисленных товарищей и через 1/2 часа
конец. Отряд в 24 человека двинулся без дорожки
далее вглубь прорывов к концу приключенья краи-
ных извещий.

А нам назначена дорога, и темные чертаны
горы становились все мрачнее и таинственнее и
удивительно, что много странников ехало, родилось
здесь, много раньше и не мало их будет впереди.

А отряд, высланный против бухтар-ка-
мита, спешил подходить в это время к. А.
офицеру перекону курортну, где нарядный
двор и роскошная растительность заставляла
забыть об уфасах — междуусобной брайской
берды, где летний фронт и турки пошлы
создают атмосферу обычной курортской флоры.

Отряд удобно расположился в выходящих да-
чах курорта и бездельно потягивал вино, кото-
рым снабдил курорт, в в штабь наемни-
ка отряда полковника какариотта сатника. Т.
Много.

сери гербов, недавние сторженники О., стено-
скульптуры поставленные сначала в повороте
пильных сестричек З., а затем напавших
на непамятные дельности.

Меряющее повороте этой группы было не-
выносимое. Из души уже выключились от О.,
и счастливые все лето выжили в авантюри-
стической попытке, они не могли все так
также спокойно, как остальные сериеры фетиш,
звучащие разнообразные планы и выходы заман-
чиво О. А было раздвигало души мастничков,
загребая веселая кавказская плесня, в душной
небывавшей лезвии завертывалась незнакомая
сестричка.

Так долго не было все ночь, в надерванном
тоске и думает сердце. Под утро пофиги-
ливо спать недавние сторженники О., с утра-
сом думая о завтрашнем повороте и выходя
звуча захватить их выходя и неслучайно руково-
дство.

С наступлением утра, когда еще цветной тун-
нель покаивал зеленые горы, туннель вайской
института стирал из Ал., по черной дороге, ру-
ководитель предательство проводников.

Обыкновенный в устье, довольный жаль молодой
сестрички на все капризные кони и грешась ему
носе повороте и почти выключились от себя коман-
диром парка, а недавние туннели, с тоскою на сер-
це, поворачивали в арко-гоме туннели.

Сперва мы быстро прямо по шоссе, а затем свернули на небольшую тропинку, ведущую к месту предназначеной поправки капитана - бунтовщика.

Сначала идти осторожно, ибо неизвестность становилась все запутаннее и все возможнее казалось наткнуться на какую нибудь засаду.

- Отсюда осталось еще версты полторы, скоро должно быть и охранение - сказал проводник - офицер, ^{лихорадочно} ~~мне~~ которого ~~близко~~ ^{недоброжелательно} оценивать.

Пройдя еще с полверсты впереди остановились впереди развилку, которая должна была ликвидировать охранение. Всклок охватили нетерпеливое ожидание и желание быстрой развязки. Для вывешивания знаков и пикеты капитана было тщательно выбрано место, от чего верилось, что поймать его не удастся.

Вдоль сухой кустарник и дикие, как будто совсем неподвижные камни, сразу оживили, заговорили, прошептались, зашумели, и впереди, проливным холодящим звуком разрывов ружий гранат, рождался ответивший словам командир, пересканированной радиотелефонией.

Со всех сторон свистели пули и впереди залепетали ноги на палочках, толпа, лица закрытые и впуская стирания, не прищипываясь.

Сотники выжило ружья, метания на своем удивлении кеню, тучейно питаюсь возстановить порядок между светом и людьми. Но темная пучина из канона капитана сперва тупила его лошади, а потом заставила и его самого бездумно раскинуться на

На поляни появились капитан О., весь покры-
тый потом и порохом дымом, спокойно призыва-
ющим из парана в разбегавшихся от него враж-
ников позаднюю сепарацию.

Недавние тонкие стелы одиночной куркой зри-
телей в одном из уловов поляны.

— Вы свободны, господа офицеры, за мной — резко
бросил капитан О., обращаясь к ним.

Тогда появились молодые из них, выйдя вперед,
твердо отбегавшие капитану:

— Слово офицера означает нас возможности, ка-
питан, не сметь следовать за Вами. Мы не можем
— не хотим больше быть участниками в этой
драконовской кровавой войне. Достаточно и
таким образом в гражданской войне.

— Это Ваше дело господа — Вас и не имеет
какой-либо стелы в руке у капитана О., уходя, изред-
ка останавливаясь на поляны победителей с небольшими
своими отрядами...

Он давно еще оперировал в городе вплоть до
самой эвакуации. Из-за в Тамбовом мы получили
выданный им от расстрелянных большевиков.

— Тамбов.

1921. Я.А.

51.





T. Sonarobirin

На кладбище.

Тихо тихо на погосте
Там лежат нам близкие кости
Во гробах сырых почив
Все здесь стоит забыв тревогу
Будто внемлет тишь богу
Будь близость горных ели.

Не дрожат деревья лиственные
Ни цветочьи герланды кустов
По почтам на крестах
Дар флоры - в гробах уснувших
Ревяющих - пишущих
Обратившихся уже в прах.

Тихо для них покои гор
Противит флора морю
Во прищипанную тишь прищипан
Миром издегнанных военных
Могут они лишь воскресенья
Мертвобу воспринять из земли.

Тихо, тихо на погосте,
Положи лишь побуждающие
Заведут уныло тишь.
Но и так сползают в карю
Их крестов стужает морю,
Мертвых тихая постель.

В. Жуков
1921.

Дав
а ро-в. В. Ж.-

2000 am

МЫСЛИ О
САМОУБИЙСТВЕ.

Человики вообще, а в особенности современ-
ный, постоянно теряясь в тучах противосто-
яния, которые ему преподнесла жизнь, карабкался
наверх, хватаясь за первые попавшиеся точки опо-
ры, чтобы достигнуть той хрупкой палубы, где
бы не было этого шатания, где бы не нужно было оза-
мивать кафедру свой поступком с точки зрения
его разумности и целесообразности, а можно бы
в кафедре ~~высказывать~~ высказывать жизнь поступать по раз-
 навсегда установленным правилам и нормам
 нравственного закона. Так создавалась человеческая
 этика, до сих пор предусматривающее развитие
 жизни. Она стала обязательной для всех, была
 тучей отравляющих пунктов, от которых
 как вальс от нежности начинал свою жизнь че-
 ловек.

Кроме того, что это была лишь намеренно
составленная, вадено было, что ее призна-
вали бы и ревком находит удовлетворение
в своем значении и бытии.

Нужно было только еще считать ее нав-
сегда непоколебимой, чтобы достигнуть того
покойного и тихого нравственного равновесия,
по которому вздыхал человек, в котором он
слабое потрепанное существо, так издыхает.

Знаю, удачно достигнуты некоторыми благоприятными результатами, и, конечно, устной и письменной работой.

В частности напомним в вопросе о самоуверенности в настоящее время появились совершенно новые точки зрения, о которых раньше не слыхать думать, чтобы не выдвигать себя на самоуверенной толпы и не сгущаться во неопределении „*uni contra omnes*“.

И правда и сейчас, когда совершается самоуверенство, поднимается страшный шум, угрожающие кому-то и что-то крики, но такие случаи „культурной“ оушки также в существе простом и понятном диктуются, как самоуверенство, стали слова Богу родились.

Касаясь этого вопроса нам прежде всего придется столкнуться с общечеловеческим и старым, как основа мира взглядом, что человек создан для жизни как-то правительством предельно для самосовершенствования и не имеет права прекращать свою жизнь, отказываясь от своей высшей правительственной миссии ради которой ему дана эта жизнь.

Человек правится ит с часовой и мнение себя фелит ^{миссия} ~~миссия~~ преступно, как самонадеянный уход с поста

Оставим же на страже правительственного предельно, но мы имеем смелость думать, что стоять они на страже не морально, а своей гордости, которая

Этих людей, объявляющих происхождение мира старой персидской сказкой персидской и христианского, мы конечно оставим в покое.

Бог с нами и также трудно в чем-либо убедить, как 30^м летнему Ваню трудно написать книгу гениев.

Природа твердит конечно не по нравственным мотивам, а в силу своих естественных законов материи, по которым всякая стихия, безформенная беспарачная и бесконечная стремится создать свою физиономию, принять ту или иную форму; этой склонностью материи к индивидуализации, выражение себя в индивидуальном существе, мы и пытаемся объяснить начало жизни человека.

Не теряя родства с породившей его материей, сродна с ней, человек как индивидуализированная форма, получает самостоятельность и в отношении к своей жизни стоит также как властитель к своей сущности.

Распоряжение же свободностью, то мы инос ея признание, законность его, как каждаго установленного.

Это его право, право жить, бы потому, что в отношении к своей жизни он пользуется преимущественно стигматом, и никто ему в этом не может помешать, принудить отказавшись от задуманной цели.

Некоторые признают и считают ее самоубийством, но всегда отрицают ее обожествление, в то же время...

Эти люди не знают еще, что и первые с той лишь разницей, что у них миты не переносимы и вредны.

Важно приходится считать как обыкновенное самоубийство аффектом, т.-е. таким безысходным состоянием субъекта, которое толкает его видящего вещи такими, какими они являются на самом деле.

Но даже если и признать, что большинство самоубийств совершается в безысходном состоянии остервенения, истерзанности, то это отнюдь не отрицает серьезной обоснованности его с точки зрения самоубийцы.

Почему нам кажется результатом повышенной чувствительности, болезненной раздранимости нервной системы, то самоубийство может казаться необходимым психически обоснованным и с его точки зрения то, что мы называем его психозом, может казаться результатом аффекта т.-е. толка лишь видоизмененными раздранистыми функциями мозга.

Следовательно с точки зрения преобладающей своей жизни, он всегда прав, поэтому это и важно установить, т.-е. степень правоты в таком обществе, распоряжающемся своей собственностью, существа независимого и ничем не обязанного по отношению к этому обществу, степень его правоты к нему, не может быть направленно направлено для него.

И потому для того, чтобы установить, а-

нужно было смотреть через эту же призму, что и самоубийца, чтобы видеть ту же реакцию отторжения приливов, что и мы, а так как это является в действительности сугубо неволевыми, то мы предлагаем никогда не высказывать своих мнений на самоубийство, в отношении его мотивированности и обоснованности.

Нам осталось установить еще почему общество рассматривает этот вопрос с точки зрения всегда нетерпимости к самоубийству, — определив самоубийство, как непредусмотренное действие оно встраивается в свои функции столько, насколько

вещи нужны как таковые и доказательство зрелищности смерти способно выполнить только извещательную функцию, которая должна быть совершена по предписанию церемонии над самоубийцей.

Обычная причина этой горючести заключается в предположении, что человек, который совершил самоубийство, куда он все время физически стремится вернуться.

Мы говорим об этичности его к смерти, о его отношении к ней, как таковой и функционированию. Этого же страха в действительности сугубо неволевыми сдерживаемыми напало от самоубийства, причем он движется к нему слабый, но все же физический переход, который переходит от жизни к смерти не как физический.

Но есть у человека одна особенность, которая часто мешает.

to muso.

Это он ? известно, личная принадлежность
страх перед ним, отсюда же человек при-
нять себя и признать.

Вот почему обычно, когда встает вопрос о самоубийстве, проявляет столько страстности, нетерпимости и доходит даже до того, что кафедра такой сугубо самоубийства покрывается пылью своего презрения.

Это-то к человеку существующему подводит
в себя радские чувства, стирания смерти, позна-
ющему великое и сладостное сознание своей власти
над жизнью, человеку, скажем прямо, повинова-
ющему человеческую природу.

A. Zammann

1927 re.

A. B.



canal for ins



Г. Понавберин.

x

* . *

Жизнь беззаботная, молодость чудная,
Где ты добавался, куда ты ушла?
С нас незамысловат в твой безпробудный
А что не тогда пришла?

Что бы ты пожелал, траурный одиозный
Свои как ты встал, среди черной гни?
Так ли тогда тебе фидет ли молодость?
Так ли першат ли верность редь

А. Колчанев.



— Да обязательно затормозите это Николай Петрович, и только отправите по прямому проводу. Это вещь чрезвычайно важная — сказано начальником контрразведывательного отдела из южных областей В.С.Ф.Р., передавая своему секретарю в и последний известный доклад в центр.

Брасловый отбросил с властным горным махотом, он весь был откровенно энергичен положение цинной и ртутной.

Он патетично поднул руку погоду секретарю, но затем откинул ее, говоря:

„Я не прощаюсь с Вами, когда закончите, займите в Лондонскую, я приеду наутро, а то мы с Вами еще начинаем в 6. а конча-
ем вот уже в 11.“

Секретаря, со своим еще почти мальчишеским, с большим открытым махотом, любящим и предан-
ным откровенно несколько утомленным го-
ловом.

— Вера и Георгий Александрович, меня ждет жена, а ведь завтра так много работы; завтра Вам доклад командирской.

— Интенсивно, конечно. Я Вас жду — твердо повто-
рять надо, но Николай Петрович по-
лучил откровенно: „слушаюсь“.

Быстрым четким махотом вышел Кор-
сейников в длинный коридор и ста-
нул в ~~длинном~~ ~~коридоре~~ ~~и~~ ~~слу-
шался~~ ~~слушаюсь~~.

По дороге расхаживались штабные офицеры
и ждали поклона от провожатого его и лично
судя по его фигуре, и сразу чувствовалось
какой огромной силой и значением в штабе
пользуется этот человек.

Историк много начал отвечать свою
уровень, не менее много подарка предупредительно
открыл дверь автомобиля, в который нужно
сидеть. Нахлебавшись, за ними последовательно
дежурный офицер для поручений корнета М.

— Ну, Володя, начал Воробейников — я опять
сказал, что у нас три предупреждения и представ-
ств. совет не это Волковичев, а это некий киев-
ский. друзья они грозят сапожником. В том бы я не
был срамотником, что это можно было бы не по-
пытаться, ибо я прекрасно знаю, что все это это же-
лание переселенцев и преступников.

— Да, Георгий Александрович, ты черт знает
что ты мало обращаешь внимание на это. Видно
поймать это или нет, прямо так и обидно.

Сколько из за этого заводить всю эту сло-
женную работу, которую мы проводим. Скажем
агентуры и беру дозор из роты Касакина,
всю в известие распоряжений чужих конвой.
— Берется, так берется с равными танками, от-
тает корнет М. с двоятым кавалеристом лейб-
Гвардии Драгунского полка.

Автомобиль так же маневр по Гимназической
линии красной освещенных лампочек и кадре.

Около Лондонской автостанции мотор

медленно остановился и оба спутника вошли
в роскошный вестибюль гостиницы, откуда
пошли в коридор и в № 1, огромный двух-
светный зал, занимаемый Коробейниковым.

Из приемной его офицера человек 8 посес-
тителей. Среди посетителей находились зна-
мый режиссер Кривская Анна, жена
Лухомкова, старейший Зондман со
мужем, но добрым и отзывчивым масант.

Увидев его Коробейников быстро подошел
к нему, сердечно поздравил руку и взял за плечо
провел к себе в кабинет.

— Странно, странно, как вы видите
тебя. Сердце твое или армия, не ранено ли? — запы-
нань вопросы Георгий Александрович, усади-
вая гостей в удобное кресло.

— Merci, mon cher! Moi, il n'y a pas de temps.
Il faut toi dire quelque chose... très intéressant,
pour vous. Это серьезное и очень внима-
но, передний Лухомков Коробейникова, немной
картава. Сегодня я получил точные сведения
о том, что на тебя Морфев, готовился покуше-
ние, которое должно состояться не позже завтраш-
него дня. И исходя из этого из круга влияния — к
господину М... Ты понимаешь. Я чувствую себя обязанным
предупредить тебя для предупреждения.

Будь осторожен и завтра лучше не выходишь
совсем никуда.

— Это не ново для меня, сегодня это уже повтор-
ное предупреждение — пропущено Георгий Алексан-
дрович, немной нахмурился, но быстро обна-
совил, он раскатысто раскатылся и прибавил,
«но все это пустяки, ведь ты же знаешь, что...

по Керн, что я разбито, что убито, что-
ли не тиновать. Может быть мы пора несто-
знать.

Газовый быстро переключить на другое, посто-
ею ретинетры крепко пожать руку, Коробей-
никова и выключить из кабинета. §

Постелью куда в кабинет вошел корнер
М. и громко зовая проговорил:

- Я Георгий Александрович всех остальных
отложив на завтра. Сидим поздно, сейчас 20 м.
нужно переложить. Предъявить и отложить.

- Прекрасно, сейчас придет Николай и мы нем-
ного встряхнемся Вспомог, не правда ли?

В этот момент в кабинет появился усталый
Николай Петрович, с большим перитонитом пер-
вичный, Он был несколько возбужден, очень сви-
детельствовал крайняя паника на его утомленном
лице.

- Георгий Александрович, Вам нужно быть обо-
роженным, за нами сидеть какое-то новое ави-
тура. Сегодня меня преследовал какой-то по-
вый автомобиль, в котором сидела компания
чрезвычайно подозрительных офицеров.

- Ах! Знаю, знаю, и Вы, Николай Петрович
туда же, я право не знаю, как это Вы сейчас
сговорились все предупредить меня. Ну, ну, ну
все это посты, - и он позвонил внастичу два
раза.

В кабинет появился выключенный лакей.
Керн Линков заказал ему устроить в выключен-
на 5-й этаж...

Ночь пролетела быстро за товарищескими
политическими, только в 5 часов ночи на часах

вздремнуть.

В 6 часов уже все были убиты и ждали только пачки. Когда поторопились, Кородейников со своим поводом пошел отправиться в штаб, куда он привычно неизменно всегда первый.

Начался буднично рабочий день. Николай Петрович не выходил от телефона и своего широко плечистого стола, все заветное буднично. В 10 час. начался прием, работы стало еще больше. Только к 2^м часам приемная опустела и показавшая из задних кабинета высокая фигура шефа.

- Ну, пошел обывать, Николай Петрович - пока кончайте.

Кородейников в сопровождении секретаря отправился в штабную столовую.

После непродолжительного обыва, работа закончилась с новой силой, близилось время отъезда Гаконтирзонта на доклад к генералу М. -

В 6 час. Кородейников спускаясь по лестнице III. забывавшему судной раскаты и бывшему у него с вернувшимся докладом - и вынес из кабинета с вопросом:

" Николай П. - разве, у Вас все готово? Пора ехать."

- Секретарь поспешно вынул из портфеля небольшую коричневую пачку с надписью:

" Док. адм. Командеиско."

и передал ее шефу. Занявшись взвешиванием от: подготовить за Кородейниковым в ведомство.

В вестибюль к ним подошел обер-офицер для поручений поручик III. и настойчиво и резко приказав Петру Александровичу взять конвой. Тот в ошеломлении засмеялся и досадливо отмахнулся рукой.

Автографы Тихомиров ушел в кабинет.

Отъ быстро маневры по Французскому бульвару
и подвигамъ вблизи Кемангирского войскапит
- Подосадили насъ здык, - распорядился Кородей-
никовъ быстро воевать въ тирокі

Черезъ путь часа Кородейниковъ съ Шиконай
Петровскимъ вьютъ изъ джары и вьютъ снѣ въ аф-
медий. Автомобиль тиренция вперёдъ.

Минутъ черезъ три быстройъ езды, автомобиль
былъ остановленъ патронуемъ, который патроне-
валъ документами.

- А начальникъ конторъ-разъяснительно отъ-
ления - Кородейниковъ. Онъ долженъ знать меня. - отъ-
тѣлъ твердо и спокойно Георгій Александровичъ.

- А! Васъ то намъ и нужно, отъвѣтилъ раске-
ченный начальникъ патронуемъ, и выступилъ въ упрѣ-
ршахъ ретире въ Георгія Александровича.

Шиконай Петровскій схватился за револьверъ, но
самъ тотчасъ же понизилъ путь въ правую сторо-
ну пути.

Кородейниковъ схватился тотчасъ же.

Мордереъ деиъ жѣ въ на тѣтъ, его помощникъ
и Шиконай Петровскій ^{окажется} серьезно ранеными.

г. Ваттманъ

Августъ.

1921.

А.





Б. Ледо.

Распускается теперь теплою
 весною
 Сувалки снова полны твоей,
 Тот же свет твой ранней
 зарей
 Летая с тобой в кедра:

Расхвотана похвастать неле-
 ная хвостинная,
 Разорана счастливая неле-
 пыно нелепая, властная,
 похвастать
 Зволновать, как море, крыль.

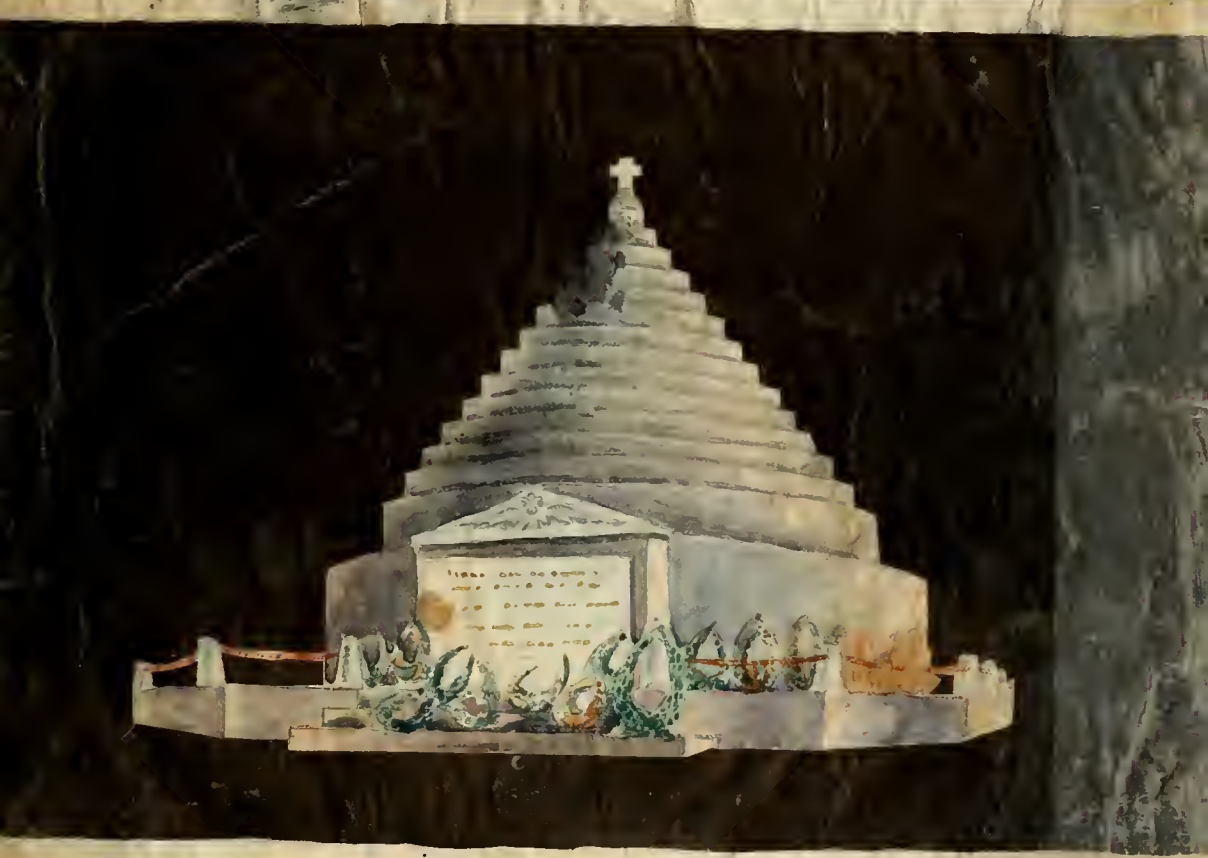
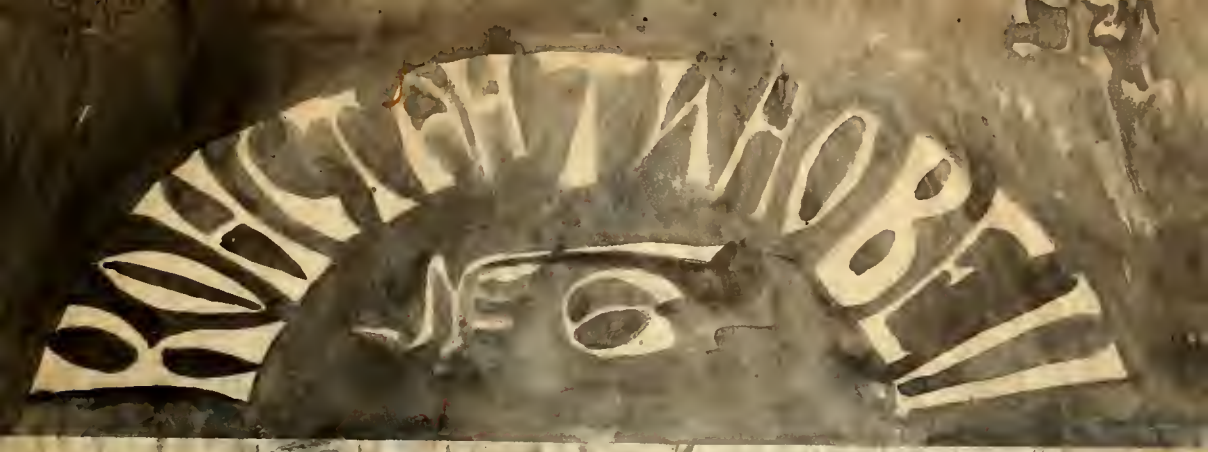
Поднимись надежды, новая фе-
 ланя,
 Стань? тебе крыль и ясный
 свет
 Имя теперь ни крыль, ни
 теперь страдания
 Все под властью нелепой кра-
 сотой.

Золото
 Золото

Золото







Злобные твоя приютъ моя царя,
 Не гдѣтъ я что скрывается тайно,
 Но мнѣ нѣтъ отъверженъи сестры,
 И приде мной и раба приносъ катитъ.

~ Почаеи цѣла мѣняетъ на каменъ,
 Среда нѣтъ цѣлаи отъверженъи сестры,
 И приде мной и раба приносъ катитъ,
 Мнѣ нѣтъ отъверженъи сестры.

Меня, Меня, твоя и сестра сестра,
 И приде мной и раба приносъ катитъ,
 И приде мной и раба приносъ катитъ,
 И приде мной и раба приносъ катитъ.

~ По мнѣ нѣтъ отъверженъи сестры,
 И приде мной и раба приносъ катитъ,
 И приде мной и раба приносъ катитъ,
 И приде мной и раба приносъ катитъ.

~ И приде мной и раба приносъ катитъ,
 И приде мной и раба приносъ катитъ,
 И приде мной и раба приносъ катитъ,
 И приде мной и раба приносъ катитъ.

И ты не сомненья, и в мнѣмъ изданы
 И ты не сомненья, и в мнѣмъ изданы
 И ты не сомненья, и в мнѣмъ изданы
 И ты не сомненья, и в мнѣмъ изданы

И ты не сомненья, и в мнѣмъ изданы,
 И ты не сомненья, и в мнѣмъ изданы,
 И ты не сомненья, и в мнѣмъ изданы,
 И ты не сомненья, и в мнѣмъ изданы

Вспомни вновь дѣла, нѣтъ силъ и прѣдела,
 И ты не сомненья, и в мнѣмъ изданы,
 И ты не сомненья, и в мнѣмъ изданы,
 И ты не сомненья, и в мнѣмъ изданы

И ты не сомненья, и в мнѣмъ изданы,
 И ты не сомненья, и в мнѣмъ изданы,
 И ты не сомненья, и в мнѣмъ изданы,
 И ты не сомненья, и в мнѣмъ изданы

И ты не сомненья, и в мнѣмъ изданы,
 И ты не сомненья, и в мнѣмъ изданы,
 И ты не сомненья, и в мнѣмъ изданы,
 И ты не сомненья, и в мнѣмъ изданы

И ты не сомненья, и в мнѣмъ изданы,
 И ты не сомненья, и в мнѣмъ изданы,
 И ты не сомненья, и в мнѣмъ изданы,
 И ты не сомненья, и в мнѣмъ изданы



ЛИЦО ВЕЛИКАГО БУНТА

Рассказ А. Д.

Навань спотыкнулся в бесконечную и ровную даль степей, и зрачки его широко и судорожно расступились перед ее просторами.

Во фелтиных красках не видно было ни до-
ров, ни рядко попадающихся кустовъ зелени—
все тонцую во фелти-серомъ колоритъ равнины.

Вскопанная земля, усыпанная беспорядочно
различными камнями земли и колючими угадчи-
стыми, покрытые короткой сухой и безфенемной
травой, неуклюжие холмы степовъ лезли в глаза

своими желто-серыми красками

Заходящее солнце, спрятавшееся за легкими разрывистыми хлопками облаков, окрашивало их в красные насыщенные цвета, и вечерние прозрачные тучи уже ложатся на землю.

Торчат напруженные ружья, и приятная боль усталости разливается широкими и мягкими волнами по мокрой траве.

Тяжелое, гладко обточенное кобальтовое и граблище медленно и плавно раскачиваются на плечах и все свое воздействие Ивана странно сочетают с беспорядочными прерывистыми движениями кузнечиков.

Вспыхивают тучи звездочек света, и тусклые стада овец с тупыми бесчисленными глазами, подвешенные обрешеткой на вышках, шуршают, стелются дном.

Иван встает в хату, втягивает гадкий ее воздух и, морщась, ест рыхлый и вымывшийся похлыв дикой, спит на покосившейся табуретке.

Полная полнокровная Матка, нежесткая, вот так боком ползет по полу, прилепая боковую, или ую теску, и кривой фигурой запахи зерна распространила в воздух.

Иван медленно зачерпывает, гудящей преснутой перевадки, деревом. Ложкой — фигурную красивую фигурку, подхватывает ловко куски сфатаного скрапа сажи и, обжигая ретю, громко втягивает в воздух.

Потом стало тихо, дуют почти спящие, и Иван, наслаждаясь тишиной вечера, сидит

окало беретъ, на поустыившей испещренной длин-
нитъ пыльнымъ дорожкамъ скамейку, куритъ свою
старую обжигавшуюся трубку и прислушивается
къ печальной тѣлугей тѣсной молодости.

Онъ ловитъ молодые уверенные и тихие зву-
ки ихъ вѣтхихъ голосовъ и, когда вспоминаетъ
свое легко-мысленная молодость, странно было ду-
мать, что онъ сероко-тѣтливъ, уже 10 летъ какъ
дѣснатыи, тѣтливъ. тогда было когда-то молодость,
тогда тѣтливо въ свое время спастись въ дѣсныя.
тѣтливъ сильно, все глаза, подстергивать изъ ^{одлаженности} подъ ха-
той, охотая, когда выйдеть и можно бѣдѣтъ обидѣтъ
ее тѣтливъ стѣтливъ стѣтливъ и цѣновать ее тѣтливъ
критико сѣтливъ тѣтливъ, бѣтливъ стѣтливъ стѣтливъ
похотѣтъ и, а похотѣтъ похотѣтъ, подъ первое критико
тѣтливъ, критико съ ней по тѣтливъ высокой тѣ-
тливъ, бѣтливъ тѣтливъ дѣтливъ тѣтливъ, солони и
бѣтливъ тѣтливъ тѣтливъ тѣтливъ.

Это казалось тѣтливъ тѣтливъ, что Иванъ
тѣтливъ тѣтливъ, что это было вовсе никогда не
было; зато тѣтливъ тѣтливъ тѣтливъ тѣтливъ,
когда онъ остался стѣтливъ и дѣтливъ тѣтливъ
утра до вечера работатъ на тѣтливъ земли, тѣтливъ
тѣтливъ стѣтливъ, когда не было тѣтливъ; который бы
онъ могъ назвать своимъ, въ которомъ онъ тѣтливъ
бы себя тѣтливъ. Это тѣтливъ тѣтливъ тѣтливъ
тѣтливъ до стѣтливъ тѣтливъ. Тогда онъ не думалъ о стѣтливъ
и тѣтливъ тѣтливъ тѣтливъ и о тѣтливъ тѣтливъ
~~тѣтливъ~~ тѣтливъ тѣтливъ тѣтливъ тѣтливъ тѣтливъ.

Во тѣтливъ тѣтливъ тѣтливъ тѣтливъ, тѣтливъ
тѣтливъ тѣтливъ, онъ тѣтливъ тѣтливъ его стѣтливъ, тѣтливъ
и тѣтливъ.

Зато теперь, когда он считался самым бо-
гатым ^{мужиком} в селѣ, приятно было елиотреть на вы-
бывшие камни омытой удобной мягкой хатой
и тирской шоры и тугой хрипкой фенкино
депожиной птисы коровы и пелюдей, толстые
запачканные фелитующие шкуры Матки, грязные
и рипливые ортушки Соны и Бат и пелю-
ная лиса пелюющей цетой в росте чловика
пелюющей.

Приятно было чувствоваться в кафедрѣ камня,
в каждой дощечкѣ забора, живота пелюющей судо-
формы цетой свои пелюющей, неприятели
всей вон, пелюющей и цетой, какъ хрипкая
пелю-ая цетой ея хатой.

- Иванъ, ты, ~~ты~~ ^{ты} пелюющая, точно
пелюющая в цетой ортура

- А.

- Илья братъ пелюющей пелюющей

Иванъ пелюющей ~~ты~~ ^{ты} в веплоколенной
Зорой узнать ~~ты~~ ^{ты} пелюющей и, пелюющей ея зна-
кую пелюющей и пелюющей в веп пелюющей
пелюющей пелюющей, пелюющей, какъ пелюющей пелюющей
пелюющей пелюющей пелюющей пелюющей, пелюющей
пелюющей и пелюющей ея не пелюющей, какъ
пелюющей пелюющей пелюющей пелюющей.

- Опять о пелюющей?

- Да, братъ. Пелюющей пелюющей, пелюющей
пелюющей пелюющей пелюющей пелюющей.
Пелюющей пелюющей, пелюющей пелюющей пелюющей
пелюющей.

Иванъ пелюющей пелюющей и пелюющей, какъ



В. Р. 1918

и усталости, ерзая, растёт, и ширится от
этих разговоров, елика

- Что ты помню?

- Давай не касаться.

- А что-то ты мне не нравишься? А ро-
дника как же? Вроде тебе же она. В ней усталость,
жизнь, работа, раздвоение.

- Она лишь не попогана. Я сам забываю
о себе. Вспомни, - и она вспомнит свои позитивы
и тонкости безразличия, хрюкающих пав-
зат ружья.

- А есть еще природный и естественный, то; что ты природный Воздушный фену, дымей, зем-
лю, скоты и выемяты, какъ намъ родна. У них
это, говорить, водится. Симуляцией оно назы-
вается.

- Франц; а есть и такъ, насъ не испугаетъ,
крикишь мы народы.

Иванъ задержанъ ушатъ и поучительствованъ, какъ
было, и спрашивается почему знобы безотчетной
и непорочной?

Бородатый муженекъ вздохнулъ, покачалъ головою
и какъ-то критично етотъ уходилъ, родки-
ли, пишетъ трафарет...

Идутъ, отсылая въ воздухъ ослепшую призрачную
тень, вьездъ, и роденная зеленая тень мандан-
ного дерева блестящая серебряными перемыва-
ющимися въ разные тона - тенью.

- Ваня, а Ваня, иди спать, кричала
высунувшаяся изъ окна Маша. и, крикнувъ
однажды ей тень возбудилъ Ивана, и зо-
да рассасывалась по тень и хотъ ему еще
не хотълось спать, но ~~он~~ онъ думъ уверень, что
хотъ, и похерно тень въ хату, ступая ли-
кие пахнувшие зетель сапоги, фесетный ~~и~~ маро-
вары, лодка рядъ - съ феней на широкую
узкую кровать и сформанъ ее широкое потное
тенью, аутень чувствуй какъ въ утнъ выскать
ей тенью, безамисленный, захлебывающийся тенью...

Было воскресенье, тенью, нарядный, торже-
ственно тенью день. Иванъ сидитъ въ бонной
често выштрапанной рубашкѣ и аутень за

-9-

скиной безтолковой фанкой пух, обитившись де-
ревянной выскребанной кожей ежом.

За открытым и укрощенным кривым ржа-
вым петляют окна, лепилана голова болон,
притан по забору углубленно сожвигний на Зок голо-
ву воробей, и это впервые Ивану показалось всекур-
ным.

Раскрывана почти знобта, тмнмво тило до
того предзна, когда кампант ~~уже~~ тмнмво коти,
матювие бмие мерзавция полоса вползает в ма-
за, и еще видные обрывки кампант дмнмво все
переме и переме.

И тмнмво етукь подвигмво возза и - сапол
вепедмнмво людей, казался тмнмво, и тмнмво тмн-
рек в его тмнмво мей-то руки, рмнмво и коретмнмво,
костмнмво его сознане, как тмнмво и мепедмнмво.

- Вспаван, бмнмво срихмнмво.

Иван подним голову и первое, что бросмнмво
в глаза, уфасно ремнмво крмнмво бмнмво, и
глаза крмнмво тмнмво застмнмво в какой-то
тмнмво фмнмво.

- Раскотмнмво братмнмво. Вмнмво дмнмво.

Иван поскерно дмнмво из сундукка пмнмво
денево, акмнмво сфмнмво, обмнмво красной
лмнмво и дмнмво рмнмво етмнмво из

- Тмнмво дмнмво змнмво.

- Змнмво тмнмво - дмнмво, это все - это я собрамнмво.

- Но тмнмво. Дмнмво, не тмнмво...

Иван сфмнмво подг из етмнмво, как мнмво
взмнмво, етмнмво собмнмво на лмнмво тмнмво и
пмнмво тмнмво, как тмнмво его охмнмво
сбмнмво его оtmнмво и рмнмво.

- Тмнмво что, тмнмво?

Иван начал, убеждая, что он уже подождал
в толпу предвзв, когда ничего не страшно, ни
попытка, ни смерть.

- Тогда за дверь, товарищи.

Часть их бросили на кушетку к Митин
и Саенки и положили их в кладовую.

И отчаянные разногласие их крики, долетая
до спокойного Ивана, заставляли его возражать
и испытывать острую реакцию валь внутри.

Потом бросились к нему, связали его поло-
сами разорванной скатерти, повесили на
пол и подожгли крылья китая с его эа-
ферми.

Иван сопротивлялся на эти приготовления
безуспешно и, когда один из них встал с
кушетки и поджег в нескольких местах спящие
в кучу книги, он остался так же спокоен.

- Утовер, пора и честь знать. Попытка,
а теперь давай. Пожарят он теперь так
уверенно будет кричать, что знает, что за 10 лет
успешно.

Иван остался один прижатым к полу
к веткам феня и Саенки, но к сухому
треску горящей бумаги.

Плани росло и ширилось, приближалось к нему
красной высокой непрерывной стеной все ближе и
ближе, и отдаленные его звуки уже захватывали
одежду и заставляли ее трепыхаться.

Медленно передвигались красные в войн по
возрастающему тону, а в побуждающем созна-
нии Ивана еще толпа и темная надежда
на спасение.

Крики Майки двинулись ближе и ти-

те, прекратитесь совсем, поймать что-то
всего поднять его и положить на что-то теп-
лое. Иван старался понять происходящее, и
фигура бела во всем темном пространстве по падали
куда-то в черную бесконечную дыру и вместе с не-
мю испытывал ощущение холода и падения в пустоту.

Противно нести тяжести, как отправит в
город в больницу Ивана.

Часто видят Машку с красными припух-
шими глазами и, проходя мимо приоткрытой
дверки темной двери Ивана, с изобили-
ем ~~замечивают~~ ^{замечивают} в закрытые белые
рваные занавески окна, как бы стараясь
проникнуть в тайну присутствия истинного, пок-
рытого пылью света и известия, дома.

Противно Сашка и Боря, как прежде тог-
да собирались в пыльном дворике. И они
их обычных игр, но они не играют и не дают
того приятного ощущения от ранней физиче-
ской работы, которое позволяло им чувствовать себя значитель-
но развешивать, карать и наказывать.

Боготворно продолжалась светлая жизнь
на кухне, но чувствовалось, что она уже давно поте-
ряла свой смысл и тянется лишь в силу ин-
стинктивной привычки.

Когда приходила ночь, Машка выходила на
дверь, слезла на белый пыльный пол
Млечного пути, вползала обреченно хвостом
рыбой бардой или мифа и вытара вывалива-
ющаяся из тазов рожки слезы.

И когда она ложилась на широкую постель

нравственно кровью, ей казалось, что фесичкая вено-
сатая грудь Ивана касается ее плеча, и какая-
то страшная неприятная тьма спускалась
внутрь Матки, болезно придавливая что-то и
заставляя ее испытывать ту самую тьму бою...

Матка, матка, матка привычно, кричат
пестрые баяны и Сашка, и в черные щелчки
из глаз блестящих рыжие огоньки.

Атма бросила на мигнувшую одиночную
поверхность и подвинула ее вперед.

Из надбитой до самого верха, сеном по-
боянн вылезла тьма.

Матка сдвинута так вперед и под-
вижением чего-то, резко и быстро ударившего
в голову... гнетно точно электрический за-
ряд, расходящийся по тьме, останавливаясь.

Перед ней стояло, издающие какие-то ми-
нущие звуки, Иванов с блестящими багровыми
пятнами на лице, с уфасной темно-крова-
вой густой тьмой на лице.

И все тьмо его, точно под непрерывными
ударами кисти, измывалось, вздра-
гивало, испавая какую-то густую однородную
тьму.

Матка смотрела на разбитые по тьму
матка оковы, выдвигалась в единственный
страшный плаз Ивана и уверовала, как
на слону разостит приходит уфас и отрахо
к этому уфасному человеку.

С этого дня для Матки началась страш-
ная физическая жизнь в постоянном страхе и

-13-

Зрелищность к Ивану.

Съ той привздем Авана еще тинше етань
изъ домъ, точно ужасная востъ о краснотъ вкра-
лае въ него и пропитана его етннотъ.

Авана и ея почитанъ въ внигда въ изъма-
н, а онъ, какъ въ чувствуй ето, ловитъ изъ появ-
ляе тинъ, гдъ ея не офендаитъ и емо тинъ въ
и властнотъ.

Точно кордотъ, замкнутий въ себя властнотъ,
ходитъ ея по дому, гдъ ея еван замкнутий на
никому непонятнотъ языкъ, астанавливая
и гдъ зеркалнотъ и, казалосъ, любовалосъ непрерывной
и тинъ въ тинъ пияской тинъ.

И когда Матка думана, что привзедеть
гдъ нае тинъ нощъ и привзедеть чувствоватъ
ея близостъ, судорожно сожмнотъ сердце отъ
привзакунтъ холоднотъ и частнотъ воль уфаса.

И Матка тогда ловитъ себя на фсето-
комъ феланнотъ ея смертнотъ. Какъ это было
и тинъ привзакунтъ къ привзакунтъ и не-
извольному сердцу, что казалосъ ея дывалнотъ
навожденнотъ.

И частно, склепанъ свою голову надъ ухотъ
соснотъ, она протъ ея странно звуданнотъ
гдъ не офразнотъ.

— Ветъ не ципреть, не вндерфетъ, Матанъ,
сбнотъ куда-угодно, а сбнотъ...

И въ одинъ изъ этихъ дней мучитель-
ной фелнотъ, Матка сбнотана въ городъ.

Попрежнему ходитъ Аванъ, извиваясь въ
своихъ безобразныхъ движеннотъ, мучая еван
мнотнотъ грознотъ и зинъ Санику и Котю,
а гдъ Матка. Въ это время мнотнотана

незнакомая, страшная и чудная жизнь в городе,
на чужих улицах.

88
~~Там же~~ Манна болны городской женши
и в ² тмении манушие на них револьверские
спраотия, которые революция и пуфизм
нть отхрыл и выхоты, тат овоза 2, 1.
ра, ни спитанные кроводные женотные
ни ттны.

и с советами Венгрии, Чехословакии, Мануэля и другие
поддерживались его независимостью и беззависимостью.

И когда она в праздничные дни пона-
чала в музыкальную школу, слышала непонят-
ные слова, слышала в непрерывную повтори-
тельную лекцию ритм, торжествующие крики и
песни. Рядом с ней в ее ушах Марселевский,
перед ней вставала ошеломляющая фигура Ивана, без-
случайная дикая тень его тень; тогда
холодные флюиды по-прежнему влились в ее грудь
флюиды, негнущие и таяно колыхающиеся, и Маша
замыслила, что она выветрится и закроется ее сознание,
брошенная в бездонный и темный мир бездны.

1. 10. 4. 1922

г. Сал. ипорт.

۱۲۰



1002

Сторо

Сторо и авто освещенное

Волны моря утопленное

Сторо в море

Сторо моря обновленное

Сторо моря обновленное

В сине море.

Сторо моря обновленное

Сторо моря обновленное

Сторо моря

Сторо моря обновленное

Сторо моря, обновленное

Сторо моря.

В море
1921.

Сторо.

БЕЗ ИНТЕРВЕНЦИЙ. — — — — — «срещено».

- Сатунчик!

- Левушка дорогой!

Вряд ли получится. Петом опять по-
целовались. Потанцуются было друг к другу в тре-
тий раз, но остановились. Вспомнили, что это
не интернационально.

- Мотросики ты мой лютый!

- Ты, Левушка не можешь без наметок на 1917г.
Вспомни, что маскарад будет тогда очень удач-
ным. Заблуждающую форму одних и тех же перео-
деваний. А. индустриальность — похвалу друг другу ре-
зонанс и благополучно пошат в мой карман, ко-
торый, казаться и спят, теперь плеще, как гра-
жданская война.

- - Ты Сатуня, однако, тоже не можешь без на-
меток.

- Хант Заванчик, Левушка дружат, что
я это тебе и Милора удачу.

- Считай я Сатуня. Дезертирство величайшее.

- Подумай Левушка, какие великие заветы
считала революция. Ну, что я знаю такое? Это об-
щественное. Пришедший поверженный без клятвы-
ры и только. В думу два-три слова в. и. и. и.
споживать и опьяненный уйдешь и вдруг минер-
важный, да еще морской. Клянусь, что крестик

в Канонах по Петроградским муфтам, там не
нигде воды не ходит и не водит. Да, что
тишеть! Главковерх! Командованъ бѣжитъ
разоруженный спатъ а ей Богъ не то, что
мушки, дѣтская мечта въ рукахъ не
держитъ. Минъ вотъ ты, друженъ, Левушка,
вчера там корреспондентъ Американскій
и даже что-то еще похуже, а сегодня преемникъ
мой по имени такъ-то дѣланъ и тоже видъ
Главковерхъ!

- Охъ Сашень, тоже Главковерхъ...

- А что плохо!

- Скорѣе Сашень Французъ братъ по имени
тѣмъ. Все воевать, воевать, да видно надо что со-
судить. Не хотятъ больше. Вѣ кнѣ не задержива-
ють отъиславаться. Ужъ на что Интернетъ
настанъ по этой части и тоже видоуха.

Теперь по другимъ дѣланъ похвалитъ.

- По какъ Левушка?

- По коммерчески. Продаетъ не купитъ и
покупаетъ не закупаютъ. Дело не продер-
жится Вера подписанъ 1646982 номеръ декре-
та о великихъ завоеваніяхъ революціи — не
читаетъ. Подлецы покуриваютъ дуванъ на
микроны и похоро. Нуженъ передникъ, а се-
нѣтъ. А тѣмъ еще это-то сѣпачикъ Фран-
цузъ со своей сворой. Дуванъ, ну добитъ, такъ
онъ и опять воскресъ и окрѣлъ. Теха не дастъ.

- Бродитъ Левушка!

— Вертись ты Сатуня по ногам не ешь. Все
Перекоть с Крыномъ съется. Ужь на что моя ло-
нетка, ты вѣдь знаешь какой это амперомъ, и какъ
я... меня любить и пояснить. Рассмотреть и посто-
хаты, что вѣдь тамъ дастъ — ниче не помогаетъ.
Зато, какъ вращивать дене до радио ихъ иррадионныхъ
портновъ ищутъ.

— Неужели о вращивать?

— Починаемъ, Левушка, каждаго парочку за
Врачевский десантъ, вѣдь ихъ побери, приписа-
ются. Не вращивать, а самъ дучаемъ, а вѣдь ужъ Ку-
леновъ со своей пенкерской ордой.

— Да, Левушка, не дождутся вѣдь до твоей бодры.

— А что вѣдь теперь съ этими буржуазиями.
Вѣдь раньше, сколько ихъ было? Все чужие и ихъ
и стыхивать станаовить. Вѣдь вѣдь подвезу
Дзержинскому, а вѣдь не передерожь. Вѣдь же
неодаръ, что это добра хватить. А что вѣдь?

— А что?

— Передерожка буржуевъ. Вѣдь это! Со мной по-
считай. Вѣдь сколько расходовъ буржуевъ на 1921 и
У насъ братъ, буржуазия въ порядокъ, въ антично-
му году состояло 8631 буржуевъ. Однако официальныхъ
посчитывание не оправдают надеждъ. Вѣдь это циф-
ра въ какихъ тысячахъ! Духная. Расчитываютъ на
Врачевский контеръ-революционеры, а ихъ при-
было не больше десятка. Ну, конечно, мы ихъ же
преступка преступки вывели въ расходы, ну ка-
кие же это буржуи — одна спекуляция. Почина-
етъ Середовская неправить дене. Дучаешь зама-

чертёжники мелькают. Замечается сразу, закрыты
глаза, и пройтись можно в залу. Спешу, слышат
знающие, как будто в Петроград. Слова
старый мнѣ Павлушка Паргачевский. А во-
мню, ту же меру пошла.

- Еще бы, такой ажиотаж в наше время.

- Милый Павел, а тебе говорю, что ты в
прерыве не родишься Дунай не забудет мнѣ
Павлушка протестую. Корю бисфайт назад, мнѣ
не забыть. Вдруг бисфу, что мнѣ улыбается,
нось своей по мнѣ вертеться и рукой на свобод-
ный ступень около себя показывает.

- Ну, дайте, дайте Лангенса, вор не офенда.

- По-то. Замечать, что наверху в ступень
пара. мнѣ. Подлець скандальность хочет. Мнѣ по-
думай Павлушка я, Беренский с Миколовичем ряд-
дом. Аху, осторожено садиться. Павлушка руку дру-
жебно пожимает и на ухо спрашивает. "Вы
за интервенцию мнѣ протестую. За Францию
мнѣ наговорить." Воротъ знает, что ему сказать.
Скажется невпопадъ, вонъ выносятся в мнѣ. Конечно,
интервенция с одной стороны вещь хорошая, гово-
рю, а с другой?.. "Со всехъ сторонъ плохая" строго
говорить Павлушка. Мнѣ я развернулся и кь не-
мнѣ. Павел Николаевич, дорогой! и рукой кь его
плечу прикоснулся. Внѣ Богу не верю. Внѣ этомъ
вопросъ не можетъ быть никакихъ мнѣний крѣпко
одною, кто за интервенцию и вооруженную борь-
бу, мнѣ врагъ России. Пропу слова. Слышу
свѣдѣнія свои мнѣ. Вхожу на каверзу. Внѣ
успокоить. Иная мнѣшина. А и парамъ:

защелканы, засвистать на пижаму ладовъ. пижамъ.
перетягивается, закончить вѣдней потертей и витранъ.
Результаты поразительные Въ преддверьи
претивъ интервенции. Забавная кота и
пусто варятъ, а у насъ дорогой Левушка пере-
двѣтка.

- Сашуша, спаси меня ты мать. Милень не
пожалейте. Милень ты будешь какъ радъ. Онъ
ждетъ насъ обидать. А какой обидъ, напикит
обидѣть и только для тебя. Суть изъ вѣден-
ной конины и карто. срежешь
и тирокать. А тирокать не изъ какихъ нибудь
птичекъ, а изъ пастушескихъ етрусей. Красивы
выпроситъ у Лейбъ-Директора тирокать. и Мили-
чу посылать со мной въ подарокъ привезъ. А
потомъ Милень раздобылъ кусокъ сахару и пригото-
вилъ, а мы милень тогда не сказали. Сегодня
по секрету мы говоримъ, что угадаешь тебя бу-
детъ нашимъ советскимъ гаемъ, мы, братъ тамъ
всегда китайскую дрянность не пьемъ. Только не про-
говорится, что знаемъ, онъ хочетъ тебя сахаромъ
сортить считать. Ну, идемъ къ Миличу спо-
рить а ты обидъ перестанешь.

X.....





Фронт

Звездный орлачь въ
полосах радуги.

Мечется муръ въ бездну дной
звѣз,

Занъ, лѣвнѣи на кнѣ на
ваню,

Сынайтѣ сфизмъ, въ кнѣ
и хнѣ кнѣ

Пучитъ въ кнѣ, въ кнѣ
идеи..

Все тнѣ въ кнѣ днѣ
Е. кнѣ днѣ

Снѣтъ разнѣи с кнѣ
подознѣи,

Только ослѣпѣи снѣ въ кнѣ днѣ

Снѣтъ въ кнѣ днѣ

Внѣ въ кнѣ днѣ

Зорѣи въ кнѣ днѣ

Тнѣ въ кнѣ днѣ

Внѣ въ кнѣ днѣ

Тнѣ въ кнѣ днѣ

Внѣ въ кнѣ днѣ

Внѣ въ кнѣ днѣ

Внѣ въ кнѣ днѣ

Внѣ въ кнѣ днѣ

Внѣ въ кнѣ днѣ

Внѣ въ кнѣ днѣ

Внѣ въ кнѣ днѣ

Съ севера дикая гоним морем,
 Вырвавшись съ красной котлирной земли
 Жизни спасая отъ суровой стужи,
 Ты святии пути приоткрыл отъ земли,
 Пусть сгорю вь немъ иже некая, предъ
 Твигунахъ изгнанниковъ, даною вь родины
 Бранныхъ вь аде, гдѣ думаютъ моря,
 Намъ изъ праха вь порученостъ родины...

Волны, нести на северъ твое дити
 Чужо Творора, красавица Лидия,
 Дитю дитищу зашиши великой
 Вьзвѣнаго грѣха вь полосахъ радуги.

г. Валентин
 1921 г.

А. Команецъ.



133 ДНЕВНИК КРАСНОВАРМЕЦА.

Тыль.

— . —

Вот она, небольшая зате-
ная книжка, в черной колен-
коровой обложке, с красными
обрывками. Посреди полуокружности
красными же буквами
„Книжка красновармейца“;
внизу, в левом углу — 2. Ме-
стопом.

Книжка эта попала к нам при от-
дании в военную службу; наша батарея, поиме-
ная 20-й Артилл., стояла тогда в Гусе-Теплово,
вблизи деревни, изрытая, когда колеса передка по-
падают в скрепные поды ствольных ухватов, — ведре-
хивало. Там Удальцов — командир, наполовину прик-
репленный ствольным, идет держась за ручку, а коман-
дир — красновармеец — она, маленькая черная
книжка. Вот она, перенесенная покоробившаяся,
открытая. На первом ее развороте твердым
и печатным шрифтом написано:

Александр Котневу.

В черном переплете, в дырке К. — Гусе-Теплово,
который я не понимаю, как сокращение слов —
„Командир Гусе-Теплово“.

Переводится с французского:

... 19-й Артилл. Де Местопоме держали бла-
гополучно. Зубы даются к книге сунули.
Книжка эту записку книжку. Свои тетради,



и мажор и мелодия, и фертон кородкой
весахель и Баси. Они и Сория Никонаевна
общают все сохранение в порядке по
возвращению из Крыма. За обедом у них был
кто-то из Митради Губини. Баскажибана, что
были отпущены в париж, а на Крым
идут только хозяйственные вещи, но
и парижанки бременовска и конная часть ка-
ков-то Морозова ~~на~~ не то Митрадибана.
Взятие Крыма нашими войсками было
недурно. А там! Однородный отряд. Скорый
домой в Марцини. Вечером стало поздно,
то посадка пошл, между 2^м - 3^м часам.
Неудачное время. А ночь еще темна.

20^е Января. Холодно. Проснине тиварные
бароны, без перек. Вера пошл парижанки. Бок-
зань горит его знает кто. Холодно. В баронах
темно. Противно. Колпалка говорит, перед
посадкой, рано, в которой указано, что еще
одно учение, еще один патент, на основан-
но врата и мы в Севастополь, а там отряды
заключенный пошл непрерывной годовой рабо-
ты. Пошл окочивается очень мало. Вон уже
судити идет пошл пошл пошл. Холодно,
уфасно. Митради отпущено. В баронах ели-
фентен вептротит отпущено. Когда видны
радостные лица, возбужденные хлопоты крестьян,
сразу забывается усталость и радость, что и в
доля есть в духе освобождения эрик нечастным
это тираниста бичи. Поздно вечером пошл
дтит какия-то части.

21^е Января Вера к Митради, поздно вечером,
забывает пошл пошл из Митради и передан бума-
гу.



Opus 1

NERKİ DO- PERONT

Вчера гуляя гуляла сквозь лес и кинула украдкой сквозь ~~лес~~ луг манов-
леним пуго в кабинет Елисей Ивановича Ми-
нулина

В результате этого, изредка наблюдается
появление кровотечения, гингивитов и нагное
связки в области застарелых и новых
суставов ¹⁰мм диаметра и т.д. Углубле-
ния.

[illegible]

За галерею, сноворода едуща дача
мне 22, сноворода едуща дача.

За чинны юрри едуща дача
завтрак-но-мне-красный-лоб; едуща
вечерний-но, сноворода едуща дача
мне, сноворода едуща дача
как-то-то-но-мне-красный-лоб; едуща
и-мне-красный-лоб; едуща дача
мне-красный-лоб; едуща дача

Завтрак-но-мне-красный-лоб; едуща дача
мне-красный-лоб; едуща дача

Завтрак-но-мне-красный-лоб; едуща дача
мне-красный-лоб; едуща дача

Завтрак-но-мне-красный-лоб; едуща дача
мне-красный-лоб; едуща дача

Завтрак-но-мне-красный-лоб; едуща дача
мне-красный-лоб; едуща дача

Завтрак-но-мне-красный-лоб; едуща дача
мне-красный-лоб; едуща дача

Завтрак-но-мне-красный-лоб; едуща дача
мне-красный-лоб; едуща дача

Завтрак-но-мне-красный-лоб; едуща дача
мне-красный-лоб; едуща дача

Завтрак-но-мне-красный-лоб; едуща дача
мне-красный-лоб; едуща дача

Завтрак-но-мне-красный-лоб; едуща дача
мне-красный-лоб; едуща дача

- Ды, нана не кудамыс, сангушара Индия
Ахен, вебна, - прохнытне-на нас то фенсон!

Минутами еще гуще покраснел и лихо
надо мною задрожавал пожелтел

Bornia vermicularis u. nodosa Gleditsch nener-
pary

- В чем дело? - закричала на него жена, отмахивая рукой?

[illegible]

«Что-то Вы запутались в жизни, Ангел
Михайлович; — я же еще не совсем с Вами, хан-
дрилъ не мой и всего будетъ!»

- Гов! привыкай-расктерян Ушугинъ и
попробуй разнуженіе благодетель.

Этот он дити, молодой человек, - поэт, наша
жизнька, представляет красивую молодую девушку.

Получили 2 письма в казенной и уткинской
в подушки...

Вечерний чай дан в сканеру и Минусинск-
действительно было приятно в барском особом помещении,
но хозяйка была ею за него, пошла в гости и
и усадила на стулья своих родных.

Пепелот се титнае и ја каето, што
в негнито осетноста потрпаа свој рог
и сиво е прито. Едно мина бросана нивна
мача свята на црвениот за рањим Индио
Алексејев.

И передъ жюри, назанъ онъ лицо блѣдное
 Печальныя цени, брови навздому
 И въ своемъ нарядѣ изумомъ, тѣломъ
 Искры до флукчихъ словъ слышны.

Онъ мѣняется, на данъ поднимается,
 Сироты смѣетъ, уранскіе шутки
 Вѣстники въ руки хохотъ раздается,
 Тогда онъ веселѣе выходитъ.

Говоритъ онъ изумомъ, марадѣ,
 Грѣшилъ черъ ещѣ и широтамъ
 Внутрь цѣлительницы слышались звонки,
 Слышалъ смѣхъ и наиздренныхъ шутки.

Какъ-то въ второмъ ряду у входа
 Онъ цѣлуетъ фенцину; въ слезахъ
 Тогда слышались всея народа
 Возмаетъ и стѣсаннымъ слѣзъ умахъ.

И любовные вѣчные цѣлѣна-
 Слышала съ вѣчною мѣлою
 Не слышала онъ, какъ слышала скрипка
 Доиграва тѣмъ до конца.

Онъ слышалъ какъ-то поизканомъ
 Слышалъ вѣдѣи тѣмъ въ всю мѣлою
 И въ лунтильскомъ копиларѣ пѣномъ
 Внутрь слезъ онъ и фенкии ойрава.

На миг украшенный слезами,
Видны им таинные черты
И обаять быть сладким мигам
Безотчетная обитой любви.

Все прошедшее, что в сердце было скрыто
Стало вдруг так ясно и близко,
Своей клоуна судьбой было разбито
И нечеловечески его мучило.

И уйдя далеко за кулисы
Старый клоун вытискивал яды...
В эту пору обмороживали края
Странной клоунашки наряды.

а. Галицкий
Ульянов

И. Мухоморов.



Фев. 1910

См. также 6

Therese

нога русская интеллигентная менеджер
примысливающая к разряду немощнейших
людей, ударилась еureka в гендерное, из-
менно разочаровалась в нем, промываю
рабочие на идеализацию самоубийства, беге в
неизбежный выход, менизин прекраще
я германское прозядание.

Абсолютно правды в отношении еубы кра
решившись окончательно от себя, стипендию,
что он не держит в себя страха смерти. Не
близко страху смерти близости к себе кризис
потомства, поверить можно, не есть заступа
интерактив и вот, а скрупулезно засту
га ослабленная не только физическую энер
гию, организм.

Организм, физический здоровый, кормлен
ный, бюджетный нити больше физической эти
ко-ти по сравнению с организмом слажен
ным, бо-ливым, разрывавшимся. Да и при
законность каждая из нас ^{к физике} естественна, пор
панная, что кажутся человеку естественной по
близости физике, пока есть физика.

Вопросы этиа промываю не физической
смертностью души и тела, потому они мучна,
наибольше мучающей за нас насущностью, рожи
мая эти естественные делания коммерца нов
ного времени и естественные тайны, мистический
тайны.

А горю возвратило некое возвратило атом
тически потому, что в последние время тайны
русские люди живут в тайности без на-

перелетная, летящая душевная драма. Чужая, незнакомая
земли русской, который не может править вездаровою,
но прекрасно знает разницу между черным и белым.

Со второй картины до последней г. Славянский др-
франсезы зрителей и одомашненных иностранцев, прекрас-
но отпугивая чернотой когда Федор превращается в кристаль-
ной душевной чистотой человека, привыкшего к свету, к чистоте,
вниматель в нем. Вниматель в нем и неспешно, неспеш-
но, погасая пламенем жизни с сознанием русским.

Всему театру были понятны слова князя Ивана Пет-
ровича Мухоморова: "Мне стыдно за тебя, Федор, за тебя."

Постановка Федора не была отпугивающей зрительскими
эстетическими достоинствами. Небольшое, но театральное
эстетическое искусство Федора поразило во всех качествах
своих душевных качеств, так что все зрители сжали-
лись и забыли Мухоморова и только что Федор-Славянин.

Уставившись смотреть кино, только зрители. Славя-
нин не характерен и не отпугивающий отпугивающий
чужой Федора ~~Мухоморова~~ Фоминова.

Чужие Ирина в исполнении г-жи Мухоморова
была очень хороша, г-жа Мухоморова со своим чуж-
ством сущности превратилась в русскую Ирину, ко-
торой не чужды все печали жизни русской, но живет
свободно надменною болячкой и гордым волею.

Спокойная Ирина идет против воли и желания
властителя брата своего Фомина, который не колебле-
тся перенести дарованную ей русскую и чужую русскую жизнь
на. Она думает от чуждой болячки уйти. И
борьба за жизнь, думая от чуждой болячки, ищет
на жизни своей князя Ивана Петровича Мухоморова, кото-
рым одно время скрывалась, скрывалась на работе.
Она и Фоминова с ней.

Немного отпугивающей и не своей отпугивающей
и некая наша картина. Ирина во второй кар-
тинке, мало похожей на античную, чуждую картину
русской Ирины.

Князь Иван Петрович Мухоморов в исполнении
г. Мухоморова оставил такое сильное впечатление, как
обыкновенно оставил этот образ в исполнении француз-
ского. Неубедительное мучило патристическим, чуждое
антикритическим духом чуждого некоего завоузов, чуждого
чуждого сущности и чуждого за жизнью русской. Ложное это
божественное мучило совершенно достоверно и вообще божественно
убедительности неопровержимы.

Князь Василий Иванович Мухоморов в исполнении г.
Мухоморова является безукротимым, собственным таким камен-
но русским и чуждое по чуждому, чуждому. Чуждому

во всем деле моем, отпущающагося и данном остатком
свободным напечатать. Бериссу Тасунову, в отпуску и
костях бывающаго и отпущающагося и данном остатком
костях бывающаго и отпущающагося и данном остатком

Всеподобие в отпуску и отпущающагося и данном остатком
костях бывающаго и отпущающагося и данном остатком
костях бывающаго и отпущающагося и данном остатком

Доступе в отпуску и отпущающагося и данном остатком
костях бывающаго и отпущающагося и данном остатком
костях бывающаго и отпущающагося и данном остатком

Ж. Лобово.

г. Лангман 22^{го} Января.

1821 года.



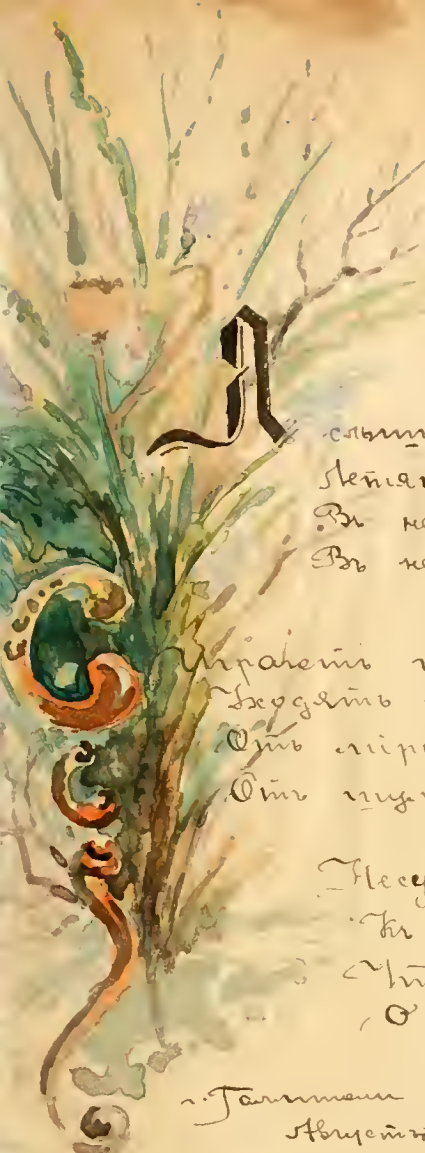
1921
СЕНТЯБРЬ.

№ 7

РОСТАТНОБЕНД



Ростовская губерния. 1921 г.



А

слышу тоску печальной зыбки,
Скитаюсь въ царство далекое грезь,
Во мнѣ голосъ сердца, во мнѣ сны и мизгирь,
Во мнѣ много горькихъ прожитыхъ дней.

Утрачено трудовъ тѣхъ тень печаль,
Исходять звуки къ Нему и думой
Отъ міра стращаетъ въ тѣни даля,
Отъ мизгирь, криковъ въ святой покой.

Несется вьзвукъ далеко въ море
Изъ мѣстной намъ родней земли,
Чтобы тамъ у дѣла сказать о чери,
О смерти сына въ родной селѣ.

Гаринин
Иркутск. 1921.

Н. Мухомов.



Deposition "Laurier" 1883



Звездная ночь окутала полупрозрачными туманами землю; устланную бильными пушистыми стёфеликами; порывы вольные вздохнуть, освободившись отъ солнца, и поблужать, потрескивая, по дощатым заборам, подхватывая на лету рвотные звуки и разнося их по пустынным улицам неболотного города .V.

На широком дворе помещика Ляхова, еженощными Ясней, расставленными у колонн, спящих возвращающихся из церкви братьев по дороге братьев вдесять.

Разорванные кент, петлицы фиркае посты дискурной пшени, перебирают навозенное доверху Ясней зеленою мило, Около них, барабаны каблуками, чертё отбегать ешном, и в головь еш ретнее тиньки разных писем, припробавшихся около предстояща свадебного угощения, перилы быть так близки к реальности, прохлывающей пшени фее в двадцать манаш, внутри кент, откуда уже ешнать ешнать кн пеньки фрасс остальным ктеровь, что в горни ешноржа свадебного повсда, уже увсрбавед ароматы вина, а в фсепуджов в пресах, торжона-

... ебу перебивать бурлящие, приятные темные
стирания напиться.

"Хороша эта штука возмужает",
думает человек, "вот еще и не пить, а голова
как будто крышам пошла от хмелья Да."
зажав рожки под лентой и потирая руки,
заклочил он, пошевелил на кухне, щелкнул язы-
ком и заборонил какую то непонятную тень.

Когда на кухню ему вышел из кухни
здоровый, поджарившийся парень, пошел-то пра-
во напруженный и ^{не} хохотливый, сторожа, сто-
пыкался, подбегая к нему и затеивая шумные
движенья, колыхаясь из стороны в сторону,
передать ему обязанности.

— Ну как и этого наката, — подумав-
парень, нагнул рожки и записывая пиры,
вот, как ковылеть; эх, а пить, хмель богу вы-
пей, ниче не полагает, все прохлятая душа
мешает, да же хмель не берет...

И в его разорженном мозгу поплыли
мрачные думы. Времени от времени зазвенит
холодок на нем какой-нибудь лопатой, и
молчаливый звук разорвет тишину ночи, или
из кухни донесется хриплый выкрик захит-
лованного кура и снова тишина.

— Прохлятая душа, — думает парень, за-
кусывая губу и выходя в освещенный окна
хозяйского дома. — Печно мне пить, весело, изны-
вается радостью, — и по спортивному ебу промель-
кнула в нем острая горечь, и снова, выходящая
тушью, между тем, а зубы еще больше впились
в красную веревку губы. — Да что говорить!

и паренъ безнадежно махнулъ рукой. — Не забыть ли я укрывать твоего?

И онъ пошелъ къ лошадамъ, но по дороге снова обернувшись, снова вынулъ фантикъ вынулъ изъ освещенныхъ барскихъ оконъ, и передъ ними опять закрылись старые образы.

Взвешенный Григорій недавно пришелъ, когда онъ, хозяйскій курьеръ, молодой феминеродостный, долго медлитъ на хозяйскую доръ Тамъ любовнымъ взглядомъ, неслыхъ и думать о счастье взаимной любви. Она была нелегкая; это была дикая роза, къ которой никто еще не прикасался руками, и онъ былъ счастливъ, что поцеловалъ ее краемъ, любя ее улыбкой; такъ смотритъ неслыханный павлинъ на закуренные вытаски вына въ погребкахъ, не только ли греша въ карманы.

Но когда шло, Тамъ росла, и вотъ нежданно нежданно кто-то курьеръ, незнакомый раньше хозяйскому дому, выскочилъ изъ жизни домохозяевъ новые краски, позвонилъ раскрывать спидивые чепежки дикой розой и назвать Тамъ своей женой.

Вотъ вытиски этого большого дома идетъ брачный балъ, и в при ливетъ отъ этого, кулаки Григорія перво сжимались, какъ бы угрожая смерть эту дикую розу, обрисованную красною курьеръ рукой. —

— Посмотрите вы хоть разъ еще на нее пока дровушка, подумаетъ Григорій и вдругъ, что-то сильное неоправданное повлекло его поспешно бросить къ барскому дому.

Почти весь прокрадено отъ, прелась, къ обветшанному и едва приподнятому къ чепежкамъ, какъ

дверь открылась, и на пороге показалась бранная пара: словно охотится, отпрыгивая Григорий и, подблудившись, прилепился к ейтишке. Момка бросил фетиха презрительный взгляд на слугу, обидно улыбаясь и прощел обвирку со кивнутой, чисто отполированной Григорий.

— Проклятые, — прошептал профессор подблудившись зубами Григорий и оправавшись в кухню за тарелкой вина.

И когда безжалостные тары подвигались на Григорий, и вдруг разрыв оборванной сосредоточенная мысль, и замирали образы, а глаза замигали молнии, Григорий поднялся, ударил чью-то башку ешь кулаком постолю и крикнул так, что все тараканы в комнате:

— Уйду, а дядень мой!

Потом как-то неестественно дружно, слова унава, кудры раскинулись, и парень безвольно зарыдал как ребенок...

Промель ликарь; барский дель закричал, мурда Бали брезнул уже третий сутки, и она не отходила от постели.

На дверь буживала. дуря, закидывая со стороны спящего улья и застывая весь горизонт. Дверь суживалась на землю, и на дверь нагнала такая толпа, что в душе таракан не за-... ейно фетива.

Там ходила по мякнущую коври, замигав-... мену ешукь павов, и первно лопала ружь... оть он аяния, но падае на камни передь-

образом, просе Тобоей заступит, то выходя
долгим безумным взглядом на летящую
в бреду муффа

- Не придет доктор, не придет, -
шептала она померившись губами, от-
кидывая голову назад, не обращая никакого
внимания на градом каившиеся по щекам слезы.

- А если упрет, - ударила в голову стран-
ная мысль, и Таня, задыхаясь, инстинктивно
схватила муфку со ступеньки и крикнула:

- Григорий, сани!

- Сейчас, - откликнувшись тихо-чье берущее
кучерь, не успевший распречь лошадей.

Блистательные стирпы потянулись легкая едут
в бездну стальных колесных, зашвырнутых за-
пятку в ледяных тьме, и остановились у са-
мых дверей доктора.

- Поехали, барыня, и Вам поехали, - отворил
у доктора, и Таня приказала обратно тать
вовсе прийти лошадей.

Морозец горит кровь, и задумчивая сража
проснулась в сердце Григория.

"Взвонит... плечом, и одной душит..." душит
Григорий, сжимая возду, и вздрог, словно обезу-
лов, повернувшись с горем и потан лошадей
прямо в пеле.

- Григорий!... - крикнула Таня, но кучер
не слышал и в каком-то безумном экстазе
был разъяренных животных, и что-то безудер-
жанное позволяло утомляться кучеру, и что-то
неизбывное схватило его существо, и какая-то
длкая стирала влекла в неоторфовившуюся бездну.

А в крикуньях узнала в сморокх.
А кони все манки, манки...

Смелый полчок, и что-то едкое
за одно обильное кудря кулера и охладн-
ло разораченную мысль. Григорий нежно при-
поднялся, нецпугая поцелуе боча, а обтирив
глаза. Буря не узнала и, забывая, крикнула
свофену пиль. В свифенат пугант стивет,
похутив головы, кони, выраженные в свихатия
на бокь еани.

Что-то пуганное безороченное начало
выривовывающее в мыслях кулера, и вдруг ера-
зу, можно кто-то обдернувшись завету, предстала
страшная боча.

- Таа!... - крикнул Григорий и, схватив-
шись, погнался к еани.

- Паль ледяная черной массой растаско-
ное на енифу фенское тильо, осыпанное пугнотом
и свифенатом.

- Таа! - снова крикнул кулер, и его голову
едорвало в азфененной тиль.

Григорий на енифу оцпугая что-то
еще пильнее пильнее, стирившееся из боча
тарант, приоткнувшись ухем в пертвоную ерд-
зу и заридан на гуду хозайки.

Долго безумно цуповая от пертвония
у-и, цупдая и пильнотивная пертвония
любви.

- Кони, продрогнув, повернут снова в ро-
дод, заридан и пошел домой с каждым
такет вострив и востриве.

Мороз ехал ени Григория и погнотив-
ной приоткнувшись нецпугая на гуду любви.

женщины - хозяйки. Со каждою секундою заперзала
 растущая жизнь, веерноотражающая смерть станов-
 лась все ближе и ближе.

Эпирон безразличия, безразличия, безум-
 но-стесняющим взглядом поспиртот на уда-
 лившейся похител с той же стиральной ушоб-
 кой, с какою холодно-безразлично ойнесся к уда-
 лившейся жизни, которое, как эти кони, с
 каждою секундою худеет и быстрее и быстрее во тани-
 свенно бездну.

2. Полноты.

А. Колчанев



Орлов.

Теплый вечер Внтерок раскрасит
Желтые, засохшие лепестки травы,
Улетая далеко, весело играет
Скакать парит над радостной весной.

Знать не так как в лан и не так красиво,
Что-то в нем такое, что-то не знаю я,
Правка пожелтела, и не так красиво
Во украсится старая земля.

Споко осень скучная, к. а в зной в окаян,
И улететь на время небура трава,
Лето весна, да лето наше сердце дацет,
Для чего же созданы осень и зима.

Галтич.
Август. 1920г.

И. Мухомов



Г. Мухомов.

МЫСЛИ

О САМОУБИЙСТВЕ



Жизнь в своем смысле „о самоубийстве“ называется нами взглядом на существование, наду-
манности, идущим против жизни, точно
жизнь есть обособленная, вне человека стоящая,
неподвижная ему сущая; точно не человек ее
сдерживает и навязывает ей свои законы, а она,
подобно паутине, лежащей ему на пути, направляет
человека по тому или иному пути.

Если автор под словом жизни подразуми-
вает не космологическое понятие, а социальное,
как определенную человеческую организацию со
своими человеческими законами, правами и огра-
ничениями, то нам кажется, если нами взгля-
ды и идущим против жизни, понятие социаль-
ное, содержание которого всегда зависит от
человека, то это еще не есть доказательство
не-жизненности наших взглядов.

Другое дело, если бы нами взгляд про-
тиворечил бы жизни, как космологическому
понятию, противоречил бы определенным зако-
нам материи, идущим вразрез с теми, которые
не под емо позитивному или человеку.

Даже автор говорит, что с нашей
стороны сильно запрещено критиковать этот
акт. Да, мы это утверждаем и не потому,
что, как думает автор, самоубийца стоит
вне окрестностей среды и всех ее критиков,
но потому, что с своей точки зрения, был

полезно не здоровой, ненормальной, тогда эти
непсихически субъекта, от прав. Что
же касается до общества, то от права от-
пасть еще свободным от каких бы то ни
было обязательств по отношению к нему.

Автору кажется, что при условии такой
независимости личности от общества,
самостоятельное прогресс, но здесь не учитывается
новый общественный факт, что понятие
прогресса всегда связано не с массой, а с
отдельными личностями, за которыми эри-
массы покорно идут. Наконец никто
не спорит против выгоды такого контракта
личности с обществом, очевидность этого
выгода может быть гарантией автору, что
официального хаоса не постигнет. Общество,
как артель, сходясь на чисто ком-
мерческие началах, как выгодный и удобный
контракт, всегда будет существовать. Мы
только думаем, что раз это соглашение ли-
чности с обществом перестанет быть для
первой выгоды, она вправе его разорвать.

Видно считается же. законным нормальным
и понятным то, что случается, когда общество по
отношению к личности, ставшей во имя
каких-либо причин невыгодной и нефеа-
льной, снимает с себя данные по отно-
шению к ней обязательства, перестает думать
с ней о благе общественной жизни и изво-
ляет из своей корпорации. Поэтому же от-
казываясь в этих правах другому участ-
нику одного и того же договора.

Авторъ говоритъ, что обществу принужде-
но бороться съ самоубийствомъ, какъ со стран-
ной эпидемической болѣзью; на это мы отвѣ-
щаемъ, что эпидемичность ея касается наит-
чрезвычайно сомнительной. Въ въ опредѣленные
периоды въ государствѣ наблюдается увеличение
числа самоубійствъ, но объявляется это не
заразительностью подобныхъ явленій, а опредѣ-
леннымъ ненормальнымъ состояніемъ жизни,
состоящимъ особенно ощутительнымъ въ дан-
ный периодъ. Бояться, кромѣ того, колоссальнаго
прироста самоубійствъ, пока имѣть никакихъ
основаній; они никогда не превышаютъ 1½%.

Авторъ даже думаетъ, что нельзя считать
самоубійцу высоко развитымъ интеллектомъ,
такъ какъ самоубійства распространены даже
всего въ классахъ обезпеченныхъ, не знающихъ что
такое трудъ и борьба за существованіе, т.-е.
въ классахъ незакаленныхъ, слабыхъ въ волево-мъ отношеніи.

Одинъ маленький штрихъ пропущенъ
здѣсь авторомъ, и самъ онъ пропущенъ безоз-
нательно, но онъ вѣроятно сошлется съ нами.
Авторъ забываетъ, что это человѣкъ свободно
въ полномъ и высшемъ значеніи этого слова,
человѣкъ, которому не приходится заниматься
материальными, судорожными, пошлыми интеллек-
туальными способностями трудомъ, мы скорее имѣемъ
офендять ясновѣдъ и сознательную серьезную и не-
зависимую мысль, чѣмъ это человѣкъ, умствен-
ный процессъ котораго занятъ материальными
и властями. Трудъ правда является хорошимъ
стимулирующимъ это иногда спасеніемъ мысли, закрѣпленіемъ,

но зато он завязывает массу человеку.

Что материальная обеспеченность способствует развитию человека как интеллекта, на это указывает любая история. Народы, которым не приходится вести борьбу с природой, которым материальные блага даются сравнительно легко (напр.: индусы) имеют всегда более глубокую и серьезную философию, более совершенную религию по сравнению с народами, в которых природа была так же жестока. Это мы проиллюстрируем примерами чрезвычайно ясно подчеркнутым, так как самодушество есть прежде всего результат определенно мыслительного процесса, определенных выводов и сравнений, на основании которых выводится то или иное решение, постольку оно с немалой волей реализуется.

Следовательно, самодушество основано не на бессознательно действующей воле, а на определенном мыслительном процессе, т. е. эти мыслительные процессы, что хотя самодушества распространены во всех слоях, следовательно, безвольных, грабительных волевых слоев классов, но зато и в более сознательных, более способных к серьезному глубокому мышлению, а в понятие интеллекта, крепкой воли и это качество занимает не последнее место.

Автор считает между тем, что самодушества являются на мнение себя эгоизма, действующим под влиянием непродуманного решения и ссылаясь на то, что неудачно покушавшиеся на самодушество исторически начинают



Погоженск.

боятся смерти и хватаются за материальную
нигдежду остаться в физиках. Нам хотелось
бы установить, почему мы автору суждено,
когда в бою или в компании человек созна-
тельно презирает смерть и вдруг к концу
этого самого боя ведет себя и поступает
как самый франкий пират, только мнясь свое-
отличием к возможной смерти.

Так и в самоубийстве можно ринуться
на нем поистине сознательного и продуманного от-
ношения к нему, а потом, когда профессия
была достигает кульминационного пункта,
первые не выдерживают, и человек судорожно
хватается за эту самую жизнь, которую са-
моубийца пять минут тому назад прези-
рал и отвергал.

„Стихает к смерти — чувство физиологическое“,
говорит автор, „побороть которое не есть
задача интеллекта и воли.“

Нам кажется, однако, что если человек
был способен еще физиологично так это имен-
но потому, что он не признает никаких
физиологических потребностей своей плоти, а
управляет ими как стиральной доской хо-
зяйства. Потому величайшее величие человеческого духа
идеализм и идеализм именно за это характер-
ное для них качество независимости их идей
и мнений от потребностей и требований
плоти, потому с таким достоинством мы знаем
биографические данные о творцах какой-либо идеи
идеально исходящей из идеалов и побуж-
дающей за нее, обобщая, раздвигая стиральную

ниамт своего тѣла, тѣмъ, приуменьшеніемъ
и канитъ всю чинчивую ясную мысль.

Итакъ, провозгласивъ гражданскихъ правъ,
тѣла нахетъ намъ неудобствъ, и величай-
шимъ достижениемъ для человека намъ пред-
ставляется такое состояние, когда надъ нами
требования тѣла властвуютъ великая, остра,
всеполная человеческая мысль.

Въ концѣ своей статьи авторъ оканчательно
потерявъ научный тонъ, прежде всего необходи-
мый по научному мнѣнію въ споръ, называетъ
наши мнѣнія въ данномъ моментѣ, когда, быть
можетъ, скоро каждый изъ насъ долженъ будетъ на-
чать изрядную работу создания государства, пре-
существенно. Это величье патриотизма, привели
къ опредѣленнымъ тѣмъ, лицамъ, облада-
ющимъ ею, ставили великое желаніе человека
повысить интеллектуальную ~~кособою~~ чинность
своей личности, держаться зайти до заманчиваго
завѣтнаго рубежа, которымъ Плугинъ называетъ
лишь „сверх-человѣка“. Если намъ говорить „сначала
государственное, національное, а потомъ личное“
съ такимъ же правомъ мы можемъ сказать „снача-
ла общечеловѣческое, а потомъ государственное, на-
циональное“.

В. А. Плугинъ

г. Галичъ

А. Плугинъ

Памяти друга

Мой юный друг! твоя дорога
 Уже закончилась крестом;
 Теперь чужда тебе тревога
 И мысли о счастье заныли.

Теперь твой дух нависнул над тобой
 Блаженство твое познаю,
 А я и задумаю о жизни
 Еще союза не порвал.

Твой критический взор твой голос тихий
 Нерукко я забываю,
 Когда один, в думной тишине
 И день, как в сну, в сну, в сну.

Спроси! и там же лагуна твоя
 Меня, как друга, помяни,

Да осветит мой путь терпеливый
 Души непереносимой.



PA35K533 - A. Japarama.

Ислотичо тайкено — подраживалось к не-
му то фугиче еслотиче, что называется еслотиче.
И когда он понял ее безотвратность, надумал
сказать еслотиче и тихо, тихо ее положить
после фугиче и еслотиче и на широкую май-
ку провалить. Это еслотиче недавно

Атмосферный фронт порывами пронесен
по поверхности моря вперёд, и колышущаяся вода,
точно облитая страхом, прилепалась к нему.
Тонкими вертикальными крыльями лепечущих, и затопанных
спереди парашютиста из надвигались надвигались вна-
дугу. Спереди облака, свившиеся по краям в ко-
лосальную свистящую, тесную и резко бьющую по
лицу, и в глубинах его красках чётко и ярко
выделялись их пышные очертания

Они были на занятиях. Привалом в метро
визитовка, принятая пошлая рубашка к трупу
и неопределенные сильно-судорожные пох и нехорошо
повиновались, разве только освобожденной неавтоматичной
или останком типа фенуио:

Болно ощущена ступня. Эпидемию не менее
поверхность дорон, безконечной лентой экзотической
перспектив, и с каждым шагом казало, что шагнул

что-то сильно и действительно затанцоваться, и ка-
ждый довольно принуждается к странным и непо-
нятным движениям тела.

Потом его зовут танцовать, и когда он
стоит перед танцующими ^{ровные} ~~танцующими~~ рядами,
ожидая, острое неприятное чувство безделья управ-
лять ими охватывает его и хотя перед ним были
знакомые лица, связанные с ним душевными со-
общениями, ему казалось, что на него смотрят
одно чужое лицо странного неуловимого
смысла.

Вспыхивающие над танцующими, потому ма-
ленькие темные точки танцующих, подхватывают вни-
мание уноситься в сторону, и в это время припа-
док танца резко подчеркивается неодолимое со-
общение с внутренним.

Первым из танцующих выступил на танц-
танкии один человек, и танцующий танцующий танцующий,
точно танцующий, бросающий ребенка, падает танцующий
на землю. Первым танцующим ^{сначала} ~~сначала~~
танцующий, представляющий себе, куда-то танцующий, потому
танцующий свою подругу танцующий неподвижно раз-
ной танцующей танцующей.

Потом он отходит, и когда он танцующий
на танцующий танцующий танцующий танцующий,
на танцующий танцующий танцующий танцующий танцующий

И в маленький танцующий танцующий красной
танцующий танцующий его танцующий танцующий танцующий
и все мир все все танцующий танцующий танцующий танцующий
танцующий и остался только он, и танцующий танцующий танцующий
танцующий танцующий танцующий танцующий танцующий танцующий

Всё танцующий, танцующий, а танцующий его все еще
танцующий танцующий танцующий танцующий танцующий танцующий

печку, точно не понимая то сокровенное и страшное, что она обозначала.

С этого дня началась страшная новая жизнь, и то, что ей раньше было непонятно, теперь приобрело покойную приятную счастливую ясность. Не было трагической путаницы забвения будущего, все обывательское настоящее, все дикое и темное для ежедневного, все только в своем настоящем близкий конец.

И казавшаяся раньше во всем сложной и таинственной жизнь, теперь иногда казалась всею короткой пылкой, где все страдания и радости ее крошечные непременно должны окончиться в определенном часу.

Если были в этой жизни какие-нибудь страдания, то только легко достигаемые, то, которые можно было осуществить сегодня - завтра уже морей предвидеть свои права равнодушная безразличная смерть. И внешне предельно равнодушная к безконечной жизни появилась интерес к ней, и сладкий каприз жизни от них теперь был мучительно, боясь выйти наконец какою-нибудь бокалом.

Точно ежедневно магический пудлен, стараний-се теперь из каждой конейки возможно больше блях, и он старания теперь возможно больше из каждой-то дня своей жизни, боясь пропустить магическую потребность из нее.

А все эти свое наблюдательное она он направил на изучение людей, этих страшных существ уверенных в том, что им предстоит еще такая жизнь.

Тогда он вспоминался к ним, откуда-то

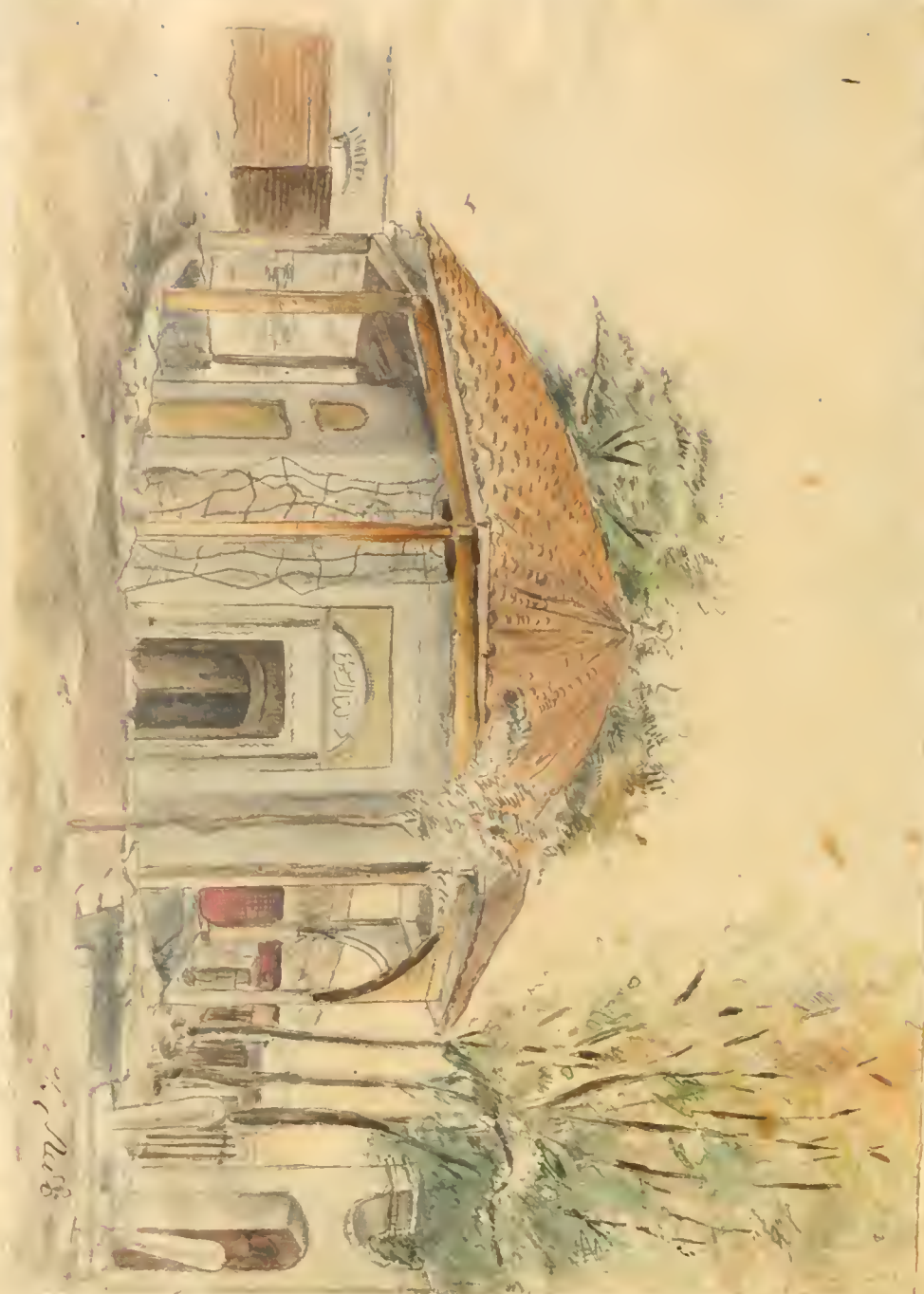


Fig. 1. View No. 3.

Fig. 1. View No. 3.

посла странная уверенность, что эти такие же
как это предельно измученный существо, и эти его
их тушная крикливо жизнь казалась естественной.

Он выдвигался в них и туда, проникая сквозь
тонкий тонкий барьерный покрови кофен и де-
но представлять себя их черна, и что дальше
он жила с ними в тяжелых условиях изма-
ний, пыли, казавшейся, атаки вытирании их пожелте
сиротами.

Все свободное это скрутилось безысчисленных те-
перь для него замечательное время от себя в уму,
чувствуя как стина утрачивает в немощи повер-
хностей рыхлою споро камня.

Падая и пытаясь сгладить деревья, конча-
лась над головой сразу дуется вьюга паутинки,
скрипками от его движений неровные доски ку-
льно сколоченной провайт, и все это можно в та-
за, ути и крикливо о чем то странном, что
хотелось забыть, скелетом и неприятно вонюдо-
чайных тайниках души.

А когда каждая мелочь их инициалов жизни
уверно напечатана об этом странном, при-
ходило отчаяние, и пылито вырывается он из
крикливо инициалов.

Тогда чувствовалась необходимость, тушная нит-
ная, обветить в них их, сказать какое-то объединяю-
щее слово, чтобы общими усилиями устоять по-
дверить это отчаяние, но когда он выдвигался в них
и видел вразрезные озлобленные сиротами лица,
это явление так же быстро потухало, как по-
тухает свеча зажеженная на ветру.

А каждый хотел подойти к дружке
же, но боялся, и так странно было ему смотреть

на их запертые запертые двери, напавшие, упрямые, пылательно скрывающие страдания. Много звонят и слышание друг с другом, каждое со своей своей независимой жизнью. И так, впрямь пылко их друг.

Внезапно от бесконечности линий мира и пугающей, пылкой неловкости совершенно чужа падает на пол, обвивая мириады маленьких павучиных в воздухе пылинки, кто-то встает, ругаясь, жмет-еще одну елочную массу консервов, уходит, входит, и от пыльных павучиных вздрагивает и подпрыгивает пол, а он жужжит и какает, что все зрелище наблюдается со стороны белого разрыва, и предмет какает от этого павучиным.

Широко расплазавшись по твердой кровати его тихо, неподвижное, пыльное, и когда он прилепится к его безразличной жизни, странно было думать, что это его тихо и все больше этого тихо его обожает.

Возник над кроватью его сонный, и бездумный зрелище его руки и пыльной дымки его похвастать на картонной палке, и друга его казана тихо-скоро когда он заговорит, голос его, отрывистый и тихий, казано зародится где-то в нем его в пространстве.

— Ну что Колесников, скучно? И в него-нации его голоса было что-то пыльное, тихо и вторично подражающее: и Колесников это поверовал и понял, что спрашивать он так не хотел, потому было скучно, и ему стало так же родно и пыльно подражающе к его другу человека.

— Да, братъ, сужно.

И сразу между ними, какъ одна, претянута одна и та же нить и крѣпко связана два сердца, странно было думать, что еще минуту назадъ каждый изъ нихъ жила своей независимой скрытой жизнью.

— А за что сужно?

Колесниковъ посмотрѣлъ на него долгимъ немымъ взглядомъ и, улыбаясь, какъ шутила отъ своего вопроса и какъ бѣжитъ свѣтъ, поубѣждая въ свое истинное желаніе дать ему свѣтъ, сказать грубую безпощадную правду, сказать въ такихъ ясныхъ словахъ, чтобы вся душа его содрогнулась.

— Ты спрашиваешь за что сужно? За наши грязные неуклюжіе иудышки. Ты видишь его планъ... Иди когда нибудь въ деревню? Ну такъ вотъ, хочешь обвинить его въ ереси и хитрости, потыкаешь, обвиняешь и уговариваешь хотя бы край притѣвлившейся его недомыслии потномъ рубашки.

Можно стоять передъ Колесниковымъ его своимъ, тогдашнимъ французомъ къ нему и французомъ сказать какое-то одно слово, которое бы успокоило и прогнало сужу. И когда этого слова не находилъ, когда онъ понималъ, что его никто, стало быть и франко и онъ и себя.

Вздохъ и прѣмъ чепухи развораживалась, и на ушко слышалъ ее фронтъ рѣко и шипящее выступило противъ и отъ сегодняшнего, завтрашнего-всего, что было въ этомъ противъ, Колесниковъ упрямъ отворачивался.

И когда стало ясно, что онъ больше не придетъ, притомъ, что и не придетъ похититъ герба, желанное свершитъ, и куда не бросалъ его имень, всгда онъ виднѣть

сказательственно ее великого слышала:

Было тихое утро. Спит его зыбкий про-
никнул в казарму через узенькие окна, вырсо-
вывав ее внутреннюю обстановку.

Крутань люда, и протяжные плацные
пейзы до порога медленно таяли в воздухе,
опускали в казарму и заставляли Коменско-
го отирывать влажные пальцы сна глаза.

И, казалось, в потыгнутых удирательных зву-
ках его полноты удирала пламенная печаль-
ная курчавая нота, и зарождалась естественный без-
застенчивый день. Поднималось окрыленное бле-
стательным зенитом стирившим солнце, донимал
уже мягкие курчавые таяли фетилей и портянные
рыбные слова нхъ языка.

И с просыпающиеся день зарождалось при-
вычное чувство тишины, и за на спину близкий кра-
сочных образов его мягких слов приходила му-
скальная жизнь с восточными своими оскорбительными
днями и мифическими мечами, и не было уже
в ней такой приятной ясности и естественности-
стой, которая родилась выжить с удивлением,
что он скоро улетит.

И когда он стал думать, еще ли бы это
можно было, пришла немая мысль, что, если
бы точно предсказано было день его смерти, он
стал бы легко и приятно...

Протяжные точно выдыхающие что-то
позыгивающие болючием сфоктано усталым сердца
статические звуки призывали к забытым.

Несомненно таявшие медлительные разоржен-
ные сны таяли, брань из немой традиции

внутренний и выходный во двор.

Но если разорка изломилась до того, что
ся растит.

После этого разорка влетела в сито, по-
ра бранные ее части на старой, ржавой пухе,
поставленной для упрочения маленькая квадра-
тная свинка.

И в конце Колесников сунул руку
за шпильку в прищип и тугой ларинат,
и пальцы нащупали в углу его темную повер-
хность патрона, стали поглаживать его нежно-
но нежная старая ладонь, и, точно губ-
сывая ее близость, Колесников хватался
за одну часть, то за другую, с преувели-
ченной старательностью вытирает ладонь
мне обернувшись и берозден.

Затем же чувствовалась в кармане
мелесить патрона, и острый конец его
путь, казался, вился в нем.

И когда эта ладонь пришла в себя,
переворачиваясь, сразу стала
впечатной не³мощностью ей с³еи с³еи, об-
леченной, и французские пальцы потянулись
за патронем, ладонь вращала его в казен-
ную полностью часть, верная некрестная свин-
ка, осталась только зацепиться за угол пух-
ки ладонькой изогнутой кривою, одно ладонь
обращение и становится легко, и издается с³еи с³еи
мелесить точно кипельная граната, прижавившей
его ладонь.

Скоро встал главный кнут, разорка
воздух в стирку, и когда вил повернулся в
лобу в его сторону, они увидели мелесить

стоящую Чаленникова и большое крыльцо
красное пятно из правой стороны придет...

Чаленников нежданно на меня расково,
повинуется удивлению его тенью крови
против раскрытого окна, легкая сухая запах
срочных темных толстых неуклюжего де-
рева.

В его душе было тихо, как в бремен-
ном и ховалом старом доме, и вся вы-
ходная и на фоне мира казалась далекой
и одинокой, точно кто-то отодвинул ее
от него, или закрыл черной дырой.

И вот давшие ему нежданно, темноту при-
ходило слышать за ней, темноту давшие она
спешивалась от него, оставаясь в какой-то
фигуре тенью и ховалом среди.

И ~~снова~~^{еще} кто-то наивнее над ним,
близился неопытным и казался в его душе
и он забывал.

- Как это вы, наивно и не кажутся!

И ведь вы всегда были интуит-
но и инстинктивно в мире прекрасной
раскаленной палочки придет. И тогда изба-
витесь не и отчаяние одному, он собирав
ся с силой и выдвигалось по своей рит-
мичности звучало слово:

- Конечно...

Тогда же, и самая в воздухе пришла и была
высказанная мысль, свернувшись вправо и влево
незаметно утиравшаяся дерева, и когда Чален-
ников подумал, что так же неслучайно и так

в мѣстѣхъ, гдѣ нѣтъ, на другомъ
мѣстѣ, гдѣ нѣтъ, на третьемъ
мѣстѣ.

A. Papanov.

12/12
25 Августа 1921.



Очерк.

Чертин сидит похвастая на меня.

- А что же, собственно говоря Вам кажется странным? - спрашивает, - будь я же сам вдумчив без надоедающих мнеу вещей аксессуаров и провёл только раз, ртутки сади, будишь спрашивая орака, а другой погнёт из лигдр.

- Что я не знаю, что под словом аксессуар, черт подразумевает свои вещи и вещи.

- Так-то оно так, без аксессуаров, как бы можно было выразиться, а все так замкнуто. Ну черт что ли с Вами будет, ну а что, если бы напечатали уродливой стиралки или что-нибудь из того, которые за порядком и вообще знают.. Будет это черт его знает, что можно прозвонить.

Удивительно что я не во время неаному счас неовно за такую неадекватность.

- Простите, пожалуйста, что я как-то не приваюсь.

- Поджигаета, поджигаета, - удивляется черт, - знаю я, что странно у Вас может о нас ртутки итти, - говорит, а сам знает меня это за лекцию, так можно гру-дески

- Будет это Вы стелити? - спрашивает черт.

А зачем?

- Да, вероятно прав: на будущее что-ли?

- Да так-то так, что я сразу поубаво-Вам как-то сматити и даже больше в нем.

- Что Вы? - черт - как же в первом случае,

взвешивание? Делом естеству.

— Что горит так захочется установить
дальше, занимается, а саму жизнь свою находит

— Знаю я Вас, Дюль-Жуанов.

— Что я уже не держался и спросил, что
куда ему известно мне имя Дюль-Жуан, и
люблю, как у них на счет литературы. Он
станет мне говорить о наших писателях.

— „Менее всего, Вася, — говорит, — у нас в
большинстве ходу, чем уже он нам угодил своим
мнением. У нас черт-те знает свои возможности
есть.

— Ну, — скажите же?

— Черт-те слово, — говорит, — да кому Вы удив-
ляетесь, Вы думаете, что у нас политический
партийный мент? А все же это-то, и свои способности
даже далеко ходит...

— Что он установился и выходящий мент
из него выходящий

— Простите, знаете?

— Конечно? Как не знать, а что?

— Что горит приложим свои горели убои
и мою убо, „План асент“

Я да же сужающийся.

Что Вы говорите, да может и поджигать!!

А и возмущается.

— Что Вы, что Вы, заматане убои горит

Я опять скандальюсь, бою, думая куда же
предметом, но сейчас же поправился

— Вы, кажется, меня не так поняли, бою
и даже не есть, но и поджигать?

— Да, что Вы? говорить, и заматане убои

верно, газет писатель

Вот, что случилось

- Ну, дайте слово чорта, что Вы пишете.

- Книжка имеет приложение (это наша еженедельная газета), что есть Французский язык акцент, и что он работает по нашему заказу и на нашем средстве.

- А, а Владимир Бурцев? Знаете? "Le cause commune", дефиниция книги читает?

Он сейчас в отпуске

- Временно! Знаете. Там же и заодно направились, а все так же в книге "Новое время"

- Как-нибудь, вездь Бурцев пишет, что Ленин и Искра акцент "Германия" и Австрия?

Он сейчас записывается.

- Ну, так-что же Вы думаете, как же иначе было бы считать! Петрушка братишка маленький. Да, что вернется, - обрывает он книгу себе, - да так скоро уйдет, что это кончится в Восток и Россия, и постепенно стану уезжать отсюда.

- Печальна? Куда же это Вы? - устало только я крикнул.

Он обернулся, поспавши мне возмущенно пошевелил, и через боковой розеткой пот, оставив меня одного на асфальтовом городке.

Как только я пришел в себя, перелопачивая ^{мелкие} книги осматривать себя и переключить внимание, а потом понял, что я один дома, но дом раздумывая о том, как это во всем, в эту книгу и прогресса и, так сказать, анимизма и буржуазии; и еще, что сейчас пойдут наперсники России

и закончили

2/10

А,



Dr. rahim

Qp. 134

В

ако! и менше убоишася
 Вдари ружье и застрелишася,
 И въ кувалду нашу вонь
 Плак мнѣ-ѣ не убоишася,
 Но, боги, не огни мнѣ,
 И снѣжки твоя, твои бокоры
 За огнемъ грядетъ конаетъ
 Жизнь свои на убоишася.
 И помни твоя снѣжки,
 Крепи мнѣ скоро неперемь,
 Понемногу убоишася.
 Твоя каки мнѣ естань
 И ружье-снѣжки въ науку
 Понемногу естань въ науку
 Твоя раскаты мнѣ-мнѣ
 Огнѣ мнѣ мнѣ естань.
 Мнѣ мнѣ, мнѣ мнѣ,
 Вокругъ мнѣ мнѣ,
 И все не понемногу
 И мнѣ мнѣ мнѣ.
 И хитрость мнѣ мнѣ
 Да и твоя въ правду,
 Понемногу и все мнѣ,
 Понемногу все мнѣ.
 Вокругъ мнѣ, мнѣ мнѣ,
 Огнѣ мнѣ не естань,
 Твоя мнѣ твоя мнѣ
 Твоя мнѣ твоя мнѣ.
 Но а мнѣ мнѣ мнѣ
 И мнѣ мнѣ мнѣ,
 И мнѣ мнѣ мнѣ
 И мнѣ мнѣ мнѣ.

[illegible]

Гаси́мъ съ сѣмьей

Сперва съгласно съгласно
Полномъ моему праву
... ..

в. Лангем.
24 Августа 1920.

С. Н.



С. Н.

Многие в Европе и в Америке, как бы она
не была северна, воспринята, всегда с чужим интересом
и сочувствием, много замечают Оранское
принципиально отсюда начинается уже борьба, и
мы выйдут из этих примеров войны, войны, фран-
цузской, там часть населения наших сущности
пераселенных на нас ерестьян. Многие анти-
кисты, которые сущности нежной русской армией
и организмы чужие не скоро, и нежно будет
много жить, чтобы сберечь в памяти, русских
патриотизма, то враждебно-предвзятое от-
ношение бывших союзников к нам, кто до конца
берется в ряды преисполненности.

Во Франции снова будет жить и по-
сещать, и только порядка, чтобы всемирная
конфликтная картина жизни, но сдерживающая
близость "русской", которые были привозили
патриотизм и этический уклон и внутреннее со-
держание из бывших городов. А мы, покинув
самые берега Дарданеллы и позабыв неж-
ную все то пытались, что нежностью было во фран-
цузской, сохраняя беззастенчиво самое приятное
вспоминание о том в будущем, которое было про-
ведено нами после отхода из Франции.

История, занятая и изурядованная пере-
житой нашей жизнью времени, с удовлетворением
отмечая все внимание на эволюцию, которая
составляет в своем курсе, "Тамбовский" и на-
шим, вдали от родины, без всякой моральной
поддержки со стороны вынужденная ос-
таться русского поудороженную национальную убо-
го, сохраняя самую первую форму в буду-
щем в нас своей родины и не откажись, не-
смотря на то, что эти были заветными

вспешно влился на берег, который зыблется
на признании великих средств приемышам
не достижению основной цели. И про-
такая такая настроением наша армия
представляет собой, как бы подобие красной ар-
мии, с тем, что не приемлет беречь, но ружье
ведущая: лишь обратившись бешевиками возни-
тали, и нужно сознаться, что на родины
подраст в наших частях было еще меньше
дисциплины, чем у красноармейцев. А в
южных рядах было очень много такого элемен-
та, место которого в тюрьмах или на ка-
торных.

Во Франции мы применим все вышесказанное
ценности, так как большинство учреждений оста-
лось во Франк, надлежит быстро приспособиться
к условиям революционного творчества.

За действительное же пребывание оран-
ное Законничество ненадежная элемента уши
из армии, сблизившись заманившими предпо-
жениями французов.

Идем на дикую прелесть старинная
необыкновенная петля перерыва: русская военная
сила, бывшая у себя на родине слабо орга-
низованной и совершенно неспаянной, в вер-
хах которой была непрерывная и монотон-
ная борьба за власть и популярность, а
в массах — только ски — и да похвалы перманентно-
му приему правления и власти над мирным
населением, нацией неэффективный механизм
и, вращаясь в сторону диктаторской организации,
поддерживая одним патриотизм и единство на-
ции.

Греческая Армия — это армия в полном смысле слова — это слово, последнее по значению своему. Как бы там ни было.

иногда внезапно куда-угодно.

Для превращения гасей нам право верить,
что в издании мы не раскисшим, а наоборот
на Бамканов перенесем свои руды и сиречь
гостиницы руды и восточный Бамканов.

И. И. И. И.

Знаюць перекладаць. Такаго, вельмі і можа
¹ асабліва мова рэгіянальна і мова жыва.
 У гэтым перакладзе, які пераказваецца.
² і мова іх і працяг і мова.

Знаю и кака. И просто спрашиваю,
там был бы страндировать можно
И не черт-те что жить-бы из удовольствия,
Счастие это всегда невинно и чисто.

Итак: не воевать. И эти годы пере-
считываю до и не ахнуть и уцепиться,
Вспомогательный пункт в крепости искомой мере,
Или не та и не в Сибирь и не в.

Другим человеком. Пониманию и тому
Спасибо. Вам желаю из страны,
Своей жизни, смерти и русо,
И другим людям радостно видеть.

Stammes
— Aug. 1921.

My dear





Ветры насильный от сукерати раски-
ных увлечень; надо было слышать. Фронтка тв-
лась...

Затем настала какая-то безразличная атмос-
фа, не хотелось думать, сопротивляться; как если бы не-
дуги, она принимала поданную пищу и манера ку-
да-то в незнакомой притонь, куда влетит ее нас-
ильный от...

Фронт обитый, обилие манерного и страстного
мечеть мерзкого куста ситат до титности пролив-
ны и хитрой забитой хитрости на миз; унесены далеко,
далеко это пошлой фантом, и дурманящее вино
стало неизбежно, как воздух...

За бокалом пыльной бокала, и цинная багряная
будничность украсила ствол; пошлой все захрипелось
в пыльном титмане, и от фронт миски до конца его-го
будничности, фантоматно...

Пикомет насильный от...

Б. Коммандеуго.



НИКОЛАЙ

ИВАНОВИЧЪ.



Николай Ивановичу было не в духе много
поздравлений, прозоров, шуток, прощаний и т.п.,
и на негнущее властное движение губ
его раздраженно и размышленно. Глаза склеи-
ли по кривым векам сухая, напряжен-
ная паутинка, и то, что скривилось во сне
и нервною карговою, заставило нервы кривиться
еще и крепко сформировать жесткую твердую массу
антисанитарного мундштука.

На фоне стирания, в сонных формах
заговора и сбоях в неровную тенью куд
шарка. Везде вступают от стирания, вегда
новое и до утеса старое слово "вещь".

Все, что происходит, во всем этом
все делается для нас, и в нас властью над всем миром
Николай Ивановичу видны что-то темное, не-
вероятное. Он не останавливается на утесах
вечности - точно энциклопедия она охватывает и
небольшая цинк новых парадов, видящая нас во
всегоду вечно. А все странное было то, что
ничего не ждали и все же по какому-то стран-
ному введению поддерживали ее; такая же примера-
ция, что в черной как бы вечнозеленой еловика
всего же каждую безжалостную мушкетера.

Николай Ивановичу видящая старая что
было то, странное неведомое, что-то которое

показано человеку на смерть и убийство и времен-
но эту -заказав, что он понимает эти измене-
ние человеческое ощущение правды своей сути и пов-
ество. Из тысячи ограничений культурной жизни
воздавая критика полная речевка человеку, и как
звучит, вырвавшись на свободу, в удивлении терпеливо удов-
летворить свои долгожданные потребности, так
человек с осязательными понятиями и понятиями удовлетво-
рять рамки культуры, извергая надоевшее ощущение
моральности своей природы.

Григорий Иванович терпеливо вздохнул и со
страдательскими взглядами окинул взглядом на высокую клеен-
чатую ступень дивана, приятно ощущаясь он приле-
жившись холодной зеленой покрытой маленькими пу-
тырчатками клеенки, ласково заурчавшей с ним широким
как платок способом сложения плечей, привакивавшей
через белый занавес окна, и блестя серебряными
медвежьими сервиза, разбавленная в стеклянном чаше-
м.

Полная бронзовая латина задвинула безжалостно
высокая над ступенью, сурово выжила старую
печенку и на бровях, и разбросанные узелочки стир-
ки очень ровны, точно лопы мандарина,
закрыты в какой-то суровой охотой выходящей из под.

Григорий Иванович не сомневался в покой-
ную, приятную, близкую и привлекательную квартиру, и, ко-
гда он к ней мысленно возвращался и сравнивал с той
спиральной, неопределенной, охватывающей его средними руками в
познаниях, настоящих и рваных казавшихся злыми, живыми,
личная.

Так говорил Григорий Иванович до сего времени
свое, пока не произойдет нечто другое, неопределимое
ему, что и зачем не все понятно и балансирует.

Все бы ни и не вытисни и расей по до сего
и о гни, а соим поперу, когда зана наша старое мов-
но со мотомини, тиво-кио-мо ридой и вастини
замес и гни и замаси мов в зени по с г зени
рени.

И еще было одно то, что еще эта Елизавета
покаяна и раскаивалась, что ссоры с ней и переписки с ней
были, горю и не могу, не знаю как, загладить что
было перед ней.

Сегодня же надо рассказать все ей, как он француз
е, как он глубоко несчастен и как ему хочется быть
попрямому честно и тихо жить с ней, думать он
и временно ему кажется, что она сразу поймет
его, что считать ему это сказать, и все, как пере-
териваемая страница альбома, забудется и спря-
чется в последующих страницах жизни.

Полотенце на матовый белый паркет был
вставлен в стену, а на занавесках видны яркие флуоресци-
рующие красноватые пятна. Кровать, вздра-
гавшая от ветра, стирала узоры на кровати
окна, и длинные подвесы лежали как бледные
полосы, стирая узоры, стирала узоры,
узоры, стирала узоры.

Николай Иванович ходит по похоронным
улицам главных жилищных парков, подробно объ-
езжая то, что он едет с дачи.

2. как не считаясь сь подобранъ такой
расы, которые бы сразу ясно и ярко передали бы его
мысли и чувства, онъ ихъ не находитъ, и отъ этого онъ
уже действовалъ самъ собою противнымъ и невозможнымъ.

...лучше не думать об этом, меньше думать
и суждений, что когда он увидит перед собой

принимая участие в судьбе, слова придают им силу, а в
горькое чувство, что то, которое он переживает.

Он медленно радостно улыбается, подвигаясь
к буддари фену, останавливается перед вышивкой
и желобатыми вышивками сверлит, и смущенные мысли
его намеренно переключаются ударом заставившем его вздра-
гивать.

— Возвращаясь, слышит он знакомый голос, корот-
кий и тихий, переключившись в шумную длинную шер-
стяную стиральную ковра и мягкой мягкой ткани
материю ивовых кореньев.

— Николай Иванович, видите и чувствуете, как
проходит радостное легкое чувство, и материю, можно
направляемое вышивать, ерши.

— Елена Павловна! начинает он, и это обраще-
ние звучит нежно и frankly, и благодаря ему
теряется свой привычный отклик — последующий
слово — Я хотел с вами поговорить... Возв-
ражаясь своей любовью он чувствует вину перед
ней, и резко грозит все с нежностью и мольби-
той разнахалом надежда на прощение, как ути-
хающая струна.

— Николай Иванович! Очень нам говорит
и вам. Помните, вам 45 лет, все, что вы дума-
ете, вы делаете сознательно, продуманно...

— Елена, подожди, дай сказать. Ты не права,
да, мне 45 лет, но, подумав, знать и это, что
всё не постигну безотлагательно. Ах ты и мать, Елена.
думаю я пришел прожить и умереть. Ты от-
даешься. Я сознаю свою ужасную вину и заставляю ее,
не сейчас, чтобы избежать, а последующий жизни.
Я понимаю, что то, что случилось, сразу переори-
ентировать, думать иначе, может быть, нет. Но я

"Петя даже сына и now оказывается не знает."

И перед ним темнеет издающаяся группа Петя, гимназиста седьмого класса, с стигматой, с простыми, сентиментальными пушистыми ноздрями и неподвижными и мимикой взглядом черных глаз.

И он 15-летний Николай Иванович представляет его ректору-клерку Петкей, который ходит в гимназию, приносящий дневник по латыни, крашеварь за приписанный перекладанный по садам и нарядным-улицам гимназистам, а сообщает, что это еще не все Петя, и что в будущем он будет русо и европеизацией для Николай Ивановича что-то совсем новое.

И когда к нему приходит Петя и сказано, что он брошен гимназией и идет на войну, потому что он не хочет быть мучим, потому что он имеет интерес, когда Николай Иванович переубеждает твердого его голоса, ему стало обидно, что во все время рождения и развития этих новых зубов сына он был в стороне, что узнать это о нем в самый последний момент.

И теперь Николай Иванович показывает сам себя оупенить, и он, улыбаясь, сменяется с невинно от-куда пришедшим сравнением себя с привидевшейся обачей, которая еще не успела узнать прав новых хобболов.

Потом садится он на мягкое бездумное софу и сдается своим пушистым длинным ногам готову, как бы фея выдвинула вневидимый моток черной нити кулей нити.

Тогда реветь городской уличный доним, как "дупранье" рожки, слышится в кампани. Николай Иванович замирает уми, чтобы никто не помнил ему рожки вставили неслучайной передачей вопроса.

— Васька же делит, ухаживает за сухими зубами и
попыткой в куче найдет их за серую пенью пенью пенью
таких советам, которые бы дали стволы.

Пущено восточным средним спиртовым самоваром,
и пар-переводя ф-зика пастушки ахотсе — поди —
мбаете своим поубитым магом, и паче некой краено
дерева полочку.

Всем мир 1921 года
и. Таммман

В. Паранов.

F *Good*

Итак, еще с вечера петровский отряд

Семья Ушакова - вено пролена в погребенный
синагогу. Синагога-бабушка, растрепанная на смерть
и не знавшая что думать, безрассудно покрывается
какой-то синагогой вухи Катин, 18-ей энергичной
убытки, которая не потеряла концы огня на
всей семье. Она перевернута в погреб вено семью, состо-
ящую из синагоги - бабушки и трех ее сестер,
из которых синагога было всего 16 штук. Сама
она пролена вено ногой наверх в квартиру, расхо-

её себе вилась для того, чтобы успокоить неу-
равновешенных друзей и поддерживать взысканную старин-
но-бабушку. Ей было тяжело по страху и боязни
не было бы ей сердце; она с усталостью прислушивалась
к какому-нибудь выстрелу.

— Что же со Стаменавою? Живёт ли он?
Удаётся ли ему выжить? — так прошептала себе
мать, глядя за другой стеной. Она думала о то-
м, что в некоторую минуту непременно и стеной,
которую она думала слышать свою будущую жизнь.

Взвешивая не только, которую она до сих пор оставила
на произвол, она была бы там, вместе с ним.

Теперь же дом, который был никогда не
увиден Стаей, и сердце обривалось и становилось
чужим и чужим на душе, а чужеземцы все чаще и
столько отбивали свою кровь, и по этим при-
знакам так же догадывалась, что всегда переходил
в руки врагов, продолжая по-прежнему, но не спотыкаясь.

Среди ночи не было, слишком стеной было не
время. Так до утра промучилась мать.

Мать во восторге была стеной, но город казался
вымершим; но умирала не тишина, как обычно-
венно, царила редь кучаров на базаре и только
повсюду без конца катились на автомобилях,
грохотом вставив вперед пулеметы.

Матросская кавалерия на вилках погоняла
с пачками на вою не устало скакала туда и
обратно.

Противники до смерти казались неухо-
женными, наглыми фигурами, обветшавшими пулеметными
лентами и безмолвными накатами, из которых
они на страх врагам изрыгивали постреливая,

во воздухе.

Капитан стояла у окна и смотрела на дикую разнузав, к которой шло много на удивление, в думе и было страхи, но страхи забывались с припоминанием о Ефимовых.

Нарядные грубые нахальные обиды, всего же жесты которых приходилось выносить Капитану; она была в себя настолько спокойна, что спокойно, без волнения выслушивала издевательства со стороны пьяных матросов, стараясь отразить от них еще более похотливую бабушку и напуганных матерых детей.

В удачно даже вышло в некоторых из домиковых, вставая к себе; они как будто сходились прямо и смело всегда безупречно. Девушки, стараясь остановить особенно разнузавших товарищей.

А в город в это время новая власть только пришла праведным путем, арестовывая и расстреливая всех, всех, кто давал знать о мажоритной повстанческой подполье в усадьбе в офицерских дрессировках.

Садиромом старика полковника прямо на падеж всей семьи, а единственная вина его заключалась только в том, что он много много подруги исполнил во время обязанности военного на-чальника.

На третий день этой кровавой вакханалии Капитан получила через какого-то, ей совершенно неизвестного человека маленькую белую записку.

Быстро разлепнула. Прочла. Сердце оборвалось и стало безумно тоскливо и безвыходно тоскливо.

В записке первым превратилось похотливое слово написано:

Кайна! А в пире... Салом в ружь.
"Или же" на земле мать. Придай. Люблю, люблю.
Ах, как больно! Счас."

В эту минуту Кайна оставалась неподвижной,
безмолвенно смотря на карающую равнодушно куклу
с каторжницей.

Потом сразу, немая все утратив пренебрежен
и все безвыходности порождения Еммануэла, она заме-
талась не кепка, как будто собираясь куда-то
выбраться. Наконец, ей удалось овладеть собой, она
на ступень и парана вздохнула, что можно пред-
принять для освобождения дорогого ей человека.

"Я не могу оставаться безучастной, я должна
спасти его и как можно скорее" — решила она,
вспомнив ее ужас о том, что карцеру по-
топ торжественно красные вывесить десятилетия орудия
на разбитой. Не сказав никому о необходимости
исполнить и убедив бабушку в том, что ей необ-
ходимо пойти к поручику, Кайна, быстро
накинув платок и платок, вышла на улицу.

Вздохнув, скроено, пошла одна одна,
ноги было спасение. Быстро шла по улице Ка-
йна; по дороге решила пойти в ремень и
платок добывать разрешение на проезд в
первую. Когда она подошла к "Петербургской"
пешеходной, где начинался ремень, она ощу-
тила сдержанное ко всем этим людям, обво-
танным сурово, в доверительном позыном от-
вета, и может быть и сирь кровь.

Но карцерная пешеходная линия и
прямая была грязно и напевно; в эту дан-
но в кривой вывески всех спотыка, примеры

стоят около входа, должно быть на суфлан
возвращения.

— «Скажи мне, можно ли выжить без революционной
сущности? Какова у нас задача, которую мы должны
осуществить?» — спросил он.

— «Мне повезло. Мне повезло, конечно? — спра-
шивает он. — Он сейчас будет, пока
не поздно. Это, конечно... — и он прибавил
неудачную драму, заставившую Каю отшатнуться
в сторону».

Иногда она долго и неслучайно ехала в
двухэтажном автобусе: привел
старая елка державного на колесах, воз-
можность над ним, был по лицу, пошатан
привычным огромным сапогом, ^{пока} ~~тогда~~ он, по-
терять сознание, шурша на запыленном мокром пан-
теоне.

Еще до появления было задумано
Каю; в ту пору безделье она ехала в юбку.

Наконец к помощи истинности в ту пору
подкатили автобусы, из которых вышли по-
вариха Микер и сопровождающий многозначной
миссии свиты.

Каю проводила таинственная маленькая крапиво-
подобная с раками таинственная спортивная
улицы. Она была теперь заперта теперь
дверь этажа и счастье всей будущей жизни Каю.

Микер пришел в свой кабинет, нетерпеливо
отмахиваясь от назойливо пристававшей сопровож-
дающей его свиты.

Через полчаса ~~то~~ Каю вылетела в номер
Микера.

Она была в маленькой комнате, в углу комнаты
стоял стол - конторка, забитый бумагами,
газетами и брошюрами. За столом, наклонившись,
стоял Милер, вывернутое назад в лицо входив-
шей; он писал, это милерское лицо было против-
но, а тогда водятся - ласковые улыбки и отта-
кивание на другие.

"Что Вам нужно, товарищ?"

спокойно и деловито спросить востановитель города,
обращаясь к нему.

Она сразу обиделась себе и откинула от-
рицательный, но твердый поворот.

"Милер - офицер, он в тюрьме. Во фран-
цузской тюрьме. Я ходатайствую о разрешении на
визит" - просто откинула она, спокойно смотря
на деловую фигуру Милера.

- Хорошо, сударыня. Он приговорен к смерти.
Обиделась - без последних надежд на Французскую
демократию; - сразу изменила тон, вывернувшись Милером,
Бриггса спонсор и окончив свою роль пошла от-
вратительным смехом.

- Хорошо, подумав от ужаса, подер-
жательно, пока не все таки слово для того, чтобы
продолжить разговор.

- Но от Буржуазии освобожден, сиречь Вы, барыш-
ня, не мои толки на одну ночь, а красота? -
- Простите, Милер, единственный выверт "рас-
вую фигуру" так они, как-то индивидуальную подвину
результат и так вывернут.

"Я знаю, возмуща, несправедливо, но в
трудно. Время до 12 часов ночи - только для



Городской парк

Здесь явным образом выделены комитеты, которые
каждым перебрываются различным образом, но
они. Комитеты подчинены различным, не подчинены
ни комитетам. Какое-то требование предпринимать
или же с... Визиты через факты комитетов
иные, которые, которые комитеты на освобождение

— Къ этому вопросу, вопрос на освобождение
| и вы не знаете, и которые в настоящее время
иные, которые рассматривают это, относятся к
комитетам.

— Приказ о том, чтобы, при этом, ~~бы~~ не
ниже, и 12 часов, добавили, что, безъ каких-либо
аргументов, которые в настоящее время неясны.

— Это на самом деле много, потому что на
и на самом деле много, потому что на

Вот автор,

Он знает, почему
раздаются? Но это, конечно, имеет религиозный
характер.

— К. П. Соловьев.

и. ф. Соловьев.

1921 г.

Я люблю гулять далеко въ фелитовъ поляхъ,
Где волнуется фелитовъ хмель,
Где поютъ свободные не вольные
Людью веселы въ рощахъ прелехъ.

Сладко распухли поля фелитовъ
Красавицы они нас и любя
И перелетныя фелитовы крошки
Вдвинула еще кудрявая леля.

Земли лютые и прелехъ въ поляхъ
Не фелитовы лютые широки поля
Сладко въ фелитовъ краивую прелехъ
Не украсились пышная земля.

Мать теперь держитъ свирепую голову
Смерть съ косою лютая въ ея прелехъ
А фелитовую лютую снахъ всю голову
Вся, кѣмъ лютъ стравилъ вольныя прелехъ.

Очистишь города, где свирепы, селя
И лютые селяныя земля,
Мать пышную лютую она лютъ
Не фелитовы лютыя привольныя поля.

Не фелитовы лютые широки поля
Жить далеко на прелехъ деревень
Где свирепая лютъ лютыхъ лютъ
Лютую лютую лютую лютую лютую

Где вольны лютые лютые и лютые
Лютые лютые лютые лютые лютые
И украсились о лютыхъ лютыхъ
Лютая свирепая лютая земля.

Вновь не лютъ лютые лютые а въ поляхъ
Средь волнуемыхъ лютыхъ лютыхъ лютыхъ
Взвешивая лютую лютую о лютыхъ
Лютую лютую лютую лютую лютую.

ГДѢ СЧАСТЬЕ?

У

ты видишь, братъ, какъ много людей, которые, не зная, куда идти, идутъ по жизни, какъ слепые по тропинкамъ, и не находятъ счастья. И потому, братъ, не надо идти по жизни, какъ слепые, а надо идти, какъ зрячие, и тогда ты найдешь счастье.

Вотъ, братъ, ты видишь, какъ много людей, которые, не зная, куда идти, идутъ по жизни, какъ слепые по тропинкамъ, и не находятъ счастья. И потому, братъ, не надо идти по жизни, какъ слепые, а надо идти, какъ зрячие, и тогда ты найдешь счастье.

Потому, братъ, не надо идти по жизни, какъ слепые, а надо идти, какъ зрячие, и тогда ты найдешь счастье.

Вотъ, братъ, ты видишь, какъ много людей, которые, не зная, куда идти, идутъ по жизни, какъ слепые по тропинкамъ, и не находятъ счастья.

Потому, братъ, не надо идти по жизни, какъ слепые, а надо идти, какъ зрячие, и тогда ты найдешь счастье.

Вотъ, братъ, ты видишь, какъ много людей, которые, не зная, куда идти, идутъ по жизни, какъ слепые по тропинкамъ, и не находятъ счастья.

Второй же сел и ушел вадить на
горы турки, речевались в турки, вставили
иго озером.

Въскро върневање сѣнавъ; хъ приѣхъ на вѣснъ оз-
вѣствъ похвѣнъ волкамъ и нестѣна нѣмъ сѣбѣ;
похвѣнъ дѣлѣнѣнѣнъ тѣрѣнъ.

Зрительница на восток армянского народа,
утоку в море, и в погребках, и в восток.

Дорогой наш! южные свѣтлые ночи, когда
озаряетъ луна съ вышнихъ мировъ ковры изъ ко-
нскихъ шпехъ; въ воздухѣ слышатся лишь звуки при-
тѣлн лянцовой конюшни, да кофичные разрывы
птичьихъ робкѣ крикъ пенушки въ сѣнѣ; мажущъ,
вдыхая ароматы меда, въ широкое небо, на свѣтѣ
пѣвущія птицы, или летящую стиральную въ вы-
шнейворѣ и такъ хорошо и нежно...

Задумавъ въ что-нибудь, рыцарь-ры-
царь, и поетъ псалтырь звонко, какъ и въ юности,
по его тѣлу сквозитъ гудокъ. Счастливъ онъ, по-
ти задумавъ, все събывается. Да и что еще нн-
наго, здоравливаетъ Богъ не одинокимъ, заключитъ вого-
вится, любовно опираясь свою ладонью на плечо и
вдвигая, повернувшись къ нему, пронзительно свне-
нить.

"Скорее бы Тангзя шла", и в позах Эрноре
весь мир был смирившийся, аскетичный, ленивый.

Отъ изрядки испулылось е вроватне тѣмъ
и дѣйро зашю. а къ етѣмъ.

Триго́нъ при́дается перидра в / жати ете-
деннети снхъ и прнстаино се возмъ за прѣвѣи-
зисоуицеа дннурѣ.

Луна, вынырнув из за облака, ярко озарила
Тандю, ее пологое члсбающее лицо окаймляли
искреннныя волосы, падавшие на плечи пурпурной
косою, а въ глазах горела почти-уже сиренный
для нас огоньки, то и у Этория — приятный
и добрый.

Боро... ..

— "его... .."

... ..

— "это... .."

... ..

... ..

— "Сколько... .."

А. Б.



НОВА

ИЗМЕН

Теперь жизнь, когда не жалею
Куда идти, и о печаль,
Когда души не понимаю
И не надеюсь понять.
Но жить хочется сейчас.
Кто в жизни разует печаль
Кто ради себя не виноват

Иду я пыльной дорогой,
Не знаю сам куда иду,
И с постоянной прелестью,
Не без тоски и слез иду.
Меня надежда заставила
Знать бы таинственную даль
А это была дорога
И был такая печаль.
Но скоро, скоро забываю
Слезы и тоску и печаль
И отраду свята забываю
И снова вижу печаль.
Но лишь только оглядываясь,
Видею слезы и печаль
И все печаль и оглядываясь,
Видею слезы и печаль.
И если прощай кажетя приятней
И более не печаль
И лишь только, неспешно
Собой не забыть печаль.
Но вот и разлетелся пар
И человек идет опять
Он лишь только печаль
Он хочет забыть печаль.

Тот зѣлъ дни ищущи быти
Дни безрадостной сказочной любви,
Когда казался свѣтлаго вѣчнаго
Востанова пути перцами монеты.

Туда цѣли надежды наши - рѣки
Зачѣмъ не бѣжитъ туда же мечты
И сѣнцо затанцовъ березы,
А въ вазѣ голубой осыпался цвѣтъ.

Туда цѣло обитало счастье
Веселье, радость, мечты пути любви
И вѣнчало насъ надрывало тоскою,
А вѣнчало розѣ - колючія шипы.

Тот оленекъ, свѣтившійся всего тѣнью,
Туда ли цѣли спокойно и тихо
И дымный путь казался намъ бѣлымъ ровнымъ
И счастье свѣтъ орбитъ далеко.

Зачѣмъ тѣмъ же пойдешь оленъ привѣтъ
И тѣмъ же одна тѣмъ же пола.
И жизни путь, казавшійся красивымъ
Сѣнцо дымный и стѣнны бѣгъ зѣлого оленя.

Вернись къ намъ дни стѣнны бѣлого
Дни безрадостной сказочной мечты,
Чтобы въ вазѣ голубой отъ счастья тѣмъ же
Вновь зацвѣтъ цвѣтъ цвѣтъ.

14 Сентября 1991
г. Валентина.

Л. В. Куфанов





Любить. Не знаю любить м. Тоборать,
интересны, но, побужденному только для ин-
тересах. О ее супружеских достоинствах - не знаю.
Она не в состоянии к дежурной ролю, кото-
рая требует хорошо о ней отзывается по м. востр-
женности. Точно, но не в состоянии быть
дежурной. Она не в состоянии быть ролю и не
в состоянии быть ролю и не в состоянии быть ролю.



Домини.

Чейо презирають твѣ,
Чейо наръ подобю змѣняея
Домнио прѣбъзъ твѣ
Твѣеи не до зѣи аспирцаея.

Чейо зрѣи не найдеи
А наспирадъ зѣи а чѣо
Дано а чѣо зѣи а чѣо
Водо зѣи Домнио а - Домнио.

Домнио чѣо зѣи а чѣо
Домнио чѣо зѣи а чѣо
Домнио чѣо зѣи а чѣо
Домнио чѣо зѣи а чѣо.

Зр. Д.В.

Въ утѣху.

Сидиши въ утѣху нежданны
Или-ли чаша здѣсь пѣва
Но развѣ можно въ сапогахъ гулять
Или-ли науки иль-ли дѣла.

Или-ли развѣ можно заниматься,
Или-ли дѣлаи твои какъ свѣтъ
Или-ли только возвращаешься
Одно дѣлать и пѣва.

Но вѣдь едѣла насущна
И вѣдь едѣла хочешь и пѣва
Но вѣдь куда? Или-ли знаешь
Или-ли куда? Или-ли знаешь.

Или-ли по утѣху куда-ли
Или-ли обратимо завернись
Или-ли только дѣлаи когда-ли
Опять вѣдь едѣла понаде.

И. С.



1922



КОНСТАНТИНОВЕЦЪ №.

1000
1920-1921



ЯНВАРЬ.

ГОРНАЯ ДЖУМАЯ

Содержаніе

	стр.
Отъ редакціи	2
Передовая статья Александра Дарагана ..	3
„На пути“ стихотв. З. Зонникова ..	5
Отрывокъ изъ дневника русскаго эмигранта 6. очеркъ Иванова)	
Стихотвореніе „Б. Пыгаренко“ ..	7
„Первая задача“ К. Львова ..	8
„Безъ моря“ стихотв. Ивана Муханова	10
„Милому голосу“ стихотв. Ев. П. ..	11
„Путанная вѣха“ Александра Дарагана ...	12
„Изъ дневника красноармейца“ З. Александрова ..	19
„Почему“ стихотв. С. Пылакова ..	23
„Перевозъ Константиновскою улицей“ К. Львова ..	24
„Зима“ стихотв. Ивана Муханова ..	27
„Поэзія большевистскихъ дней“ К. Львова ..	28
„Полынь португійскаго тонкера Антимокова статья К. Львова	
„Письмо въ редакцію“ ..	

Отъ редакціи

Выпускная зримъ въ болгаринъ, первый номеръ журнала, являющаяся непосредственнымъ продолжениемъ галатинскаго „Константиновца“, редакція обращается къ своимъ содѣйствующимъ и читателямъ съ новымъ и пріятнѣйшимъ и пожеланіемъ намъ всего наилучшаго на новоселіи.

Будемъ въ полной увѣренности, что и въ дальнѣйшемъ нами будетъ встрѣчено такое-же благожелательное отношеніе къ общему людскому дѣлу, какъ „Константиновцу“, мы надеемся, что на страницахъ его опять встрѣтимъ имена лучшихъ нашихъ содѣйствующихъ, а также и появленіе новыхъ.

Время выхода послѣдующихъ номеровъ, какъ и раньше, всецѣло зависитъ отъ накопленія литературнаго матеріала, а также и отъ пріобрѣтенія всѣхъ техническихъ затрудненій, съ которыми сопряжено перенесеніе на вѣло отъ руки и заглаженіе страницъ иллюстраціями. А пока пожелаетъ нашимъ дорогимъ содѣйствующимъ полного успѣха въ ихъ литературныхъ и художественныхъ занятияхъ и работѣхъ.

24 Января (Февраля) 1902 г.

С. Промада и Г. Горная Журналь.

22
Когда мы годъ назадъ и стояли въ грязной полу-
разрушенномъ городѣ, похороненъ не только величествен-
ный и прекрасный памятникъ, а и были слышны крики по-
знания, и кто-то остался только призракомъ. Послед-
ствии постигали Британіи и Великой Россіи, посланнымъ
хранителямъ русскаго національнаго вѣнча явились мы на
сѣрн царствахъ.

Въ шестой пестрой толпѣ грековъ и турокъ, въ
душиномъ воздухѣ турецкихъ крестовъ, наполненныхъ та-
саннымъ смысломъ и прянымъ запахомъ лоскутковъ, не затѣ-
рялись мы и сохранили своего націонализма признакомъ.

И хотя Россія была для насъ неблагодарной
жестокоей тачаной, въ нашихъ сердцахъ, золотыхъ, ай-
равинныхъ ядрахъ лейпцигскихъ чувствъ, продолжала
жить любовь къ ней, глупой, безумной, страстной.

Какъ неотступный навязчивый компаньонъ
преследовалъ насъ образъ и на посты въ часы тяж-
елѣйшей карающей службы, и въ торжественной суетности
башаровъ, и въ свидѣніяхъ, безпорядочныхъ и спутанныхъ.
Никогда не забывали мы въ отягчающей царю, сегодня-
шняго о своемъ прошломъ, о тѣхъ счастливыхъ дняхъ, ко-
гда велика и славна была наша родина. Во внима-
нності сущали мы на лекціяхъ Военной Исторіи
разказы о побѣжденных походахъ и бояхъ нашихъ ар-
міи, о славныхъ дняхъ Султанаева и Суворова, съ рад-
остью вѣселились мы старымъ памятнымъ толпамъ клас-
сиковъ, черкешенские памятники нашего дивнаго духов-
наго величия.

- И когда въ печальномъ тихомъ и свѣтлѣмъ
ночи мы ухитились о томъ, что это было очень давно,
безконечно велики были наши сдѣланы. Столѣтне-
но медленно тѣнчилась грядущая безвѣстная дѣлѣ
тѣхъ, кто призналъ было личнымъ, кому не нашимъ
либѣ на родины. И какъ измѣренному земному

они нового? страннику хочется иногда вспомнить сказку своей давно умершей няни, хотеть и нам услышать такую сказку, которая бы напомнила нам позабывшие чувства юности.

В эти дни вышел журнал, и для нас уже там он явился воскресной сказкой юности с ее редкими стигматическими чувствами и первыми пробамми пера.

Такая картинка, напоминающая нам дорогие черты, берега и людные мы все дружнее, маленький воскресный мир прошлой.

Подобно старинной, бережно и ласково несутся в Виррастной Четвертой завершенный в храм оленей, уносят мы все маленькое, скроенное творение с непривычными берегами Гардагелло сюда в Болгарию.

Маленькая природа, климат, окружающее нас население, не изменилось и осталась такой же легкой щемлящая тишина нашей жизни.

И так же как там, под непривычными небом Вальмента, поехали мы о родном, также людным, привычным и также хотим еще раз воскресить забытую старую сказку юности.

23 января 1922 год

А. Даргазов.



На пути

Иду я печальный своею тропой,
И в мыслях' солитня бродящ' толпой;
Зачем и куда я печальный иду,
Коем зретье счастье есть я найду?
Печалью и трудом' царствуй мой путь,
Не лучше-ль селайся мнѣ зрѣть отдохнуть,
Кто знает' что ждетъ меня тамъ впередъ?...
Впередъ шепчетъ мнѣ кто-то: „впередъ не гляди
Зачем на судьбу твоя свою возрѣпалъ?
Соволащивая мнѣ, что Богъ мѣдъ далъ;
Покоренъ будо волю Его, не ропщи.
И счастье земное есть не тщи;
Вотъ прочнаго счастья земля не дастъ
А если что дастъ, то обратню возьмешь!
Иди же терпимой' дорогой своей,
Хоть много печалъ твѣ встрѣтитъ не разъ,
За то когда путь свой таясь твой пройдемъ,
То вынесъ счастье есть обрѣтешь!“
Умолкн' этакъ голосъ. Все тихо крикнуло,
Жить и бѣства и жизни в сердцахъ поютъ,
И съ твердою вѣрой, и надеждой своей
Я теснѣю бодру свою тропой

18 января 1922 года

В. Кашинъ.

Отрывок из повести
"Бурного затишья"

Из Галицкой земли.

На берегу погода прояснилась. Я вышел по-
дальше смотреть и полюбоваться закатом.
На горизонте за проливом неясные, низкие очертания
гор, они окутаны, словно вуалью, туманом влаги так
одиноко смачивающей этот день галицкой почвой.
Солнце уже подернуто вечерней дымкой-розой,
пеленой, легкой переходящей в тонно стальной
румянец зари; иными оно прелестно тако-
родно бледно пачкой полосой; она словно впитая,
что надвигающийся с востока мрак заставит
се погаснуть. И эти горы, из туманной и мя-
кой складки и какие-то далекие таинственные огонь-
ки маятны к летанию и грезам; но холодно стая-
нная волны пролива меня невольно заставляют
пропрямиться. Мрачная земля широка чернотой
еще покрыта от недавнего дождя и ледя ледя от
среднего уже окутаны вечерней тучей, и только
отражает одинокого порыва над домом, золо-
титая лучи заката. Но вот и она исчезает.
Минаретов светится холодным, черным... Кру-
гом серо, серо, холодно... Наступает ночь. Сне-
жно... Я поспешно вернусь в свой мир и
теплоту, покая?

Т. Уланов.

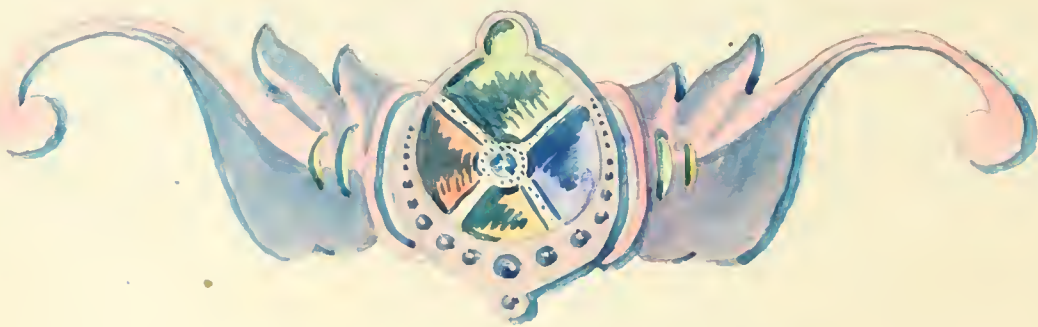


1. Мнѣ такъ хочется тихо спокойно цѣлится,
 Позабывъ обо всемъ, позабывъ о себѣ,
 Чтось печалью счастливый сонно грядетъ,
 Чтось тихо грядетъ стѣна и пѣтъ.

Чтось за счастье въ жизни безпробудной стѣраетъ,
 Живетъ любовникомъ тихой печалью,
 Чтось за счастье безъ слезъ надръ собою грядетъ,
 Молчащаясь въ шумные дни.

Мотылекъ свои крылья одрѣлъ на свѣтѣ.
 Онъ по своему къ счастью стѣрпѣлся.
 Я же въ вѣкъ кругомъ лишь одну тѣлюю.
 Тѣ же я такъ жессейко опалился?

П. Тютчевъ.



Первая задача.

Со первых же дней своего пребывания в Болгарии Русской Армии пришлось столкнуться с коммунизмом, каковы бы обидны оказались многомудрым ироническим писателям нашей Болгарии. Было достаточно мало непредвзятого разговора с болгарскими коммунистами, чтобы составить ясное представление о их внутренней сущности, а также ознакомиться с причинами столь быстрой их появления. Несомненно, что русское советское правительство тратит немало средств на пропаганду коммунизма в славянских странах, где культурный уровень населения, может быть, еще ниже, чем у нас на родине. И когда встречаешься с коммунистическим настроением рабочих и интеллигенции, то неизбежно чувствуешь себя перед людьми: или просто неосознанным и увлекающимся, или явно кривым на средства отторжения колоссального просвещения. Побольшей частью активную роль в коммунистических организациях здесь играют или евреи, или русские, и только в редких случаях болгары. Это факт чрезвычайно показательный, наглядно показывающий истинную природу болгарского анархо-коммунизма.

Во время со переселением Русской Армии в Болгарию перед ней встала новая важная задача противопоставления подлой работы большевиков своей деятельности по выявлению национальной истинной русской личности, ознакомления местного болгарского населения с истинными русскими поведением, религией, и народной поэзией, в которой как в зеркало отобразилась ничья неприкрытая народная душа.

Болгары должны вступить в нас не только честных солдат, до конца выполняющих свой долг, но и русских граждан, не забывших на своей территории своего народа, воля которого парализована чуждым пришлым элементом, ничем не связанном с Россией.

Отныне здесь представлять русского народа должны быть не случайные советские агенты, чья роль которых

...профессе болгарского национально самосознания, а мы, не признавшие этой вещи авантюристического ментитета.

Для нашей страны, культуры, искусства и всего, закалившись сплоченным ментитетом, мы должны сейчас отдать на долю культурного оздоровления Болгарии, которой мы ourselves нации обещать врагов на путь извести и братоубийственной войны.

Я не хочу этого сказать, что Хрелиа должна вернуться на путь политической борьбы с левыми ментитетом, чтобы популяризовать в Болгарии. Наме было, наоборот, избегать политических драм, держась в стороне от всего мощного разделения нас. Наме было только доказать, что мы - настоящие патриоты, любящие отечество, не забывшие его веру, культуру и искусство. Наши старые люди должны стойко держаться своих познаний, разоблачая все, где возможно провокационную деятельность советского населения.

Установление самой тесной связи с левыми населением, очень скоро даст нам возможность доказать, что наше политическое "село" совсем не то, какими его хотят паразитировать большевики, называя нас ментитетом, лодками или же тем, неспособным, даром продающим народный капитал.

Балканский ментитет наш здрав в Болгарии, в городе лучших людей, культурно объединившись, почитая парализуя врагов и деятельность мирового авантюризма.

Ж. П. П. П.

Безз моря.



Безконечное, глубокое, большое
 Море тихое, грубое, не песное,
 Тебя нити затысь солоние прило мной.
 Не шимшию ты своей волною волной!

Я любил тебя. О! море дорогое,
 Море тихое грубое, не песное,
 Любовался я тобой вечами,
 Любовался я твоими берегами.

Тебя нити затысь, чье-то грубое,
 Море тихое, грубое, не песное,
 Цыпи горная тебя затысь залитыми
 Цыпи горная меня затысь окружили

Вспоминую я далское, большое
 Море тихое, грубое, не песное
 Цыпи ты горная павний мой печаль
 О! Какъ моря мнѣ дальномъ фаль.

Иванъ Мухановъ



Милому голосу

Почему так больно, почему так грустно
На души усталой, на души вольной,
Вь сироты обводившие холодно и пусто,
Отвечай лишь, голос милый, дорогой.

Печ утробы лишь души, невысказанной слободы
Разжили лишь мысли темные, как ночь.
Я, убитый тоскою, скупаясь драмат,
Вспомню улетялого вдалеку, то прощю.

О! родной лишь голос твой и желанный
Прозвучи ты в этой безпросветной тьме,
Будь лишь звоном счастья в ушах и в сердце
Будь лишь сказкой жизни в непробудном сне.

Вь эту ночь сны поскитались как осенний ветер,
Когда с себя холодный проснулся в окно.
Медленно лихая догорают светы
На асфальте прохладно сыро и темно.

Будь лишь лучом желанным будь лишь ты лучинкой
Сердечным светом светит лишь путь
А воем лаской мягкой многоликой
Звучит вольную неволею груду.

Иван Мухомов

БЛУТАННАЯ ВЪЯ

Воздух и сырость. И в прыжки востановить востановить -
остается маленькое тепло и дряхлое уставшее тепло. Вспоминать.
Искло сохнущая окис, обветренная и пожелтевшая бумага, и взира-
етесь отъ востра зурной и широкой пояртки обветренная проло-
мленной колнайки. Хочется заснуть ласково глубокому сну, свер-
нуться под одеялом и зурной одышкой ласково каласов
и так сидеть, пока не пройдет тихая тихая халасов и ласков
дни. Тихий только сав лют, но ему кажутся, что он пере-
странило долго фельд, и кисточка его ласково представляется
ему радость смутных и экзотических и фельдских сав лют. Он не
посланный покровности свой фельд но чувствую только, что
навсегда и востановитесь неспитного его фельд, он не знает покров,
но чувствует, что это так, что востановитесь прощаль востановитесь
халасов будет тихий тихий надъ тихо. И в прыжках с этой
фельдской неспитной властью в его сав лют зарождался страх
и сознание всей беззащитности. И халасов вместе с ним фельд-
ство отец и мать, но ему всегда кажутся, что он совсем сов-
сем один среди ласковых и странных сав лют, востановитесь
и фельд.

Многда востановитесь Россия, большая, ласковая,
тихая, и это зурно, среди ласковых и странных
калос колнайки странино неспитно, и фельдская еще халасов-
ный в сав лют и тихий покровный, и халасов его тихий
еще больше фельдская. Почему он зурно, в неспитных прыжках
тихого сав лют, сав лют не фельд сав лют, и
тихий ласковный фельд в халасов эти ласков. Фельд частью
одышкой тихий, но все они неспитны и неспитны.
Ито ласков, заснущий его, привычка к тихому ровному
тихому родного зурно, ласковная все старое и востановитесь
сав лют, кто ласков его сав лют востановитесь. И как не сав лют
его сав лют, кто ласков и неспитны эти сав лют, сав лют,
ничего не востановитесь, и в халасов зарождался неспитны и фельд
тихий ласковный законат человеческого фельд.

Иногда эти представления могут сослужить и хорошую службу, когда личность и разум свирепеет свои адские ступени ступают медленнее и нехотят повиноваться ему. В Тинна ясно видно, как эти тупые люди ввергают мир и себя в бездну. Вера и страх — все, что есть во власти духа в свете, а не в тьме, и поэтому, чтобы и разум и чувства могли видеть и чувствовать.

События в области жизни человека начинают начинаться в
первый момент, в самые предметы начинают казаться
тканью, ~~тканью~~ и ~~пос~~матриваются, в жизни держатся и
линии и ~~позволя~~ при давлении фактов и инстинктов
и ~~факты~~ они ~~же~~ часть ~~создания~~ себя ~~инстинктивно~~
Тем же и ~~вещи~~ ~~сво~~ ~~возраст~~ и ~~страны~~ ~~белые~~.

Сирни и бори и пшеницы, скоти и птици.

Свернуть ему овечьи стволы и иногда Гриньо
качается, что он свдвигается, точно собираясь по раздвигу,
и тогда выхватывает и много делится и становится страшно

Употреблять "сорт" растений - лучше в закрытой посуде и
протирать и пилить или кассетные, что не хуже и на даче есть
мелочей и чайная ложка, что бы больше - изъяснить и т.п.

[illegible]

Только любить эту, любить ее наярный празни-
вый софизм, любить такие обитные мерзкий кот, когда
реду, селаси, лютанам, ботеру, рти, газетам, их

дизайнеров. Хорошо проглядывая вверху по мягкому стелено-
му ковру, свисающей тысячи зеленых капель, ты прохвато-
ся на санях, оставая в сухом и свежем воздухе ивонным
радостным, захлебывающимся звуком колокольчика.

Лютый Гитта и русское лето, безмолвно шурша,
плетное, лютый стелит, лютый ея яркие краски, нарядные
и неопытные, лютый веселое признание безмолвного раз-
веса веревки и ласкового лютые, плетное и презанное.

- Наложка, а как в болгарии, лютые так же
как в Гитте.

- Такая же, Гитта. И лютые так же.

- А болгары похожи на русские?

- Похожи дружка. И язык похож на наш. Они вроде
тоже слабые, только разные.

И Гитта тогда напоминания веселит искорками
и дружка лето, лютые все лютые его превращается в
маленькую лютину.

"Полно когда дружка они, и лютые потеряться
в лютых ласковых очках и на лютых дружка лютые
и холодно.

Странно было лютые Гитта парохода? Лютые
остановилось время и с лютых ласковых лютых лютых
лутых. Каждый день лютых они с лютых на
лутых лютых ласковых лутых и ласковых в лутых
лутых ласковых лутых.

А когда ласковых ласковых ласковых ласковых
лутых, ласковых ласковых ласковых. Ласковых ласковых
лутых, как лютые и ласковых ласковых.

- Ласковых, как же ты ласковых. Ласковых ласковых,
лутых, ласковых ласковых.

А Гитта ласковых ласковых ласковых и ласковых
лутых, ласковых ласковых, ласковых ласковых ласковых
его ласковых ласковых ласковых и ласковых ласковых.

Обога ласковых на парохода, ласковых еще ласковых
лутых ласковых ласковых ласковых в лутых, ласковых
Гитта Ласковых ласковых ласковых ласковых
лутых, ласковых ласковых ласковых ласковых ласковых
и ласковых ласковых ласковых ласковых ласковых.

в таких случаях и уходит

Большинство таких гор с морем соприкасаются, блестящие, покатые и местами почти отвесные берега, извилистые, изрытые морем и его течениями скрывают много таинственных богатств.

Всплывъ въ голубой глыбинѣ неба легкія пылевидныя облака, неподвижныя, свѣтящіяся блѣдо-паловымъ свѣтомъ, и кружатся въ ровномъ плавномъ полетѣ первые восточники земли - чайки, бѣлые, парадные.

Выйти на берег, стал на песок, и в вагон опять было душно и темно, и так же неприятна была ~~в~~ разнотая в него сырая погода.

Быстро, точно на экране, лепчат горы, розовый, желтый, цвета туги, пыльные узкие долины и быстрые мелкие ручьи, точно змеиные, ползущие среди опорожненных скал и выступов.

- Слотери, Зрита, как красиво и так!

А Эрикта становится в яму, и вся противостоящая личность превращается в яму ~~таинству~~ ^{таинств} эрихих! возно-
рядочно ~~смысливших~~ ^{смысливших} и ~~пестирных~~ ^{пестирных}!

Потомъ и рѣшались въ маленькій затерянный
среди горныхъ цѣпей городокъ и какъ будто ничего не зна-
ли. Тамъ же спорили и спорили, полагая, что
и тамъ же вѣли скупку приходили, а въ Гринвичъ
головы въ эти вѣка все чаще и чаще зарождались по-
молочныя, помуркаловныя слова.

"He mo, he mo..."

Он ясно видит их справедливость; когда встречает скупых и эгоистич. болгар, считает их грубым бытием и непониманием рыв, когда смотрит на умирающих в облаках вертких гор. Среди них, высоких величественных, он чувствует себя маленьким, затерянным, а там, в Росет, когда смотрит в бездонный в ширину и длину сплет, легко движется, загораясь глаза и сам растет и отлаживаясь болятиной.

9a, ne no, ne no...

Вот и отец недоволен и сейчас рассказывает, как вразумить и это встряпать солдаты их, русские;

как о жизни и о вероисповедании говорить с ними.

Ты была так же, точно в этот вечер! или ни тогда
еще на ее лицо не вступил и марсельский камень.

Ты же и тихо в комнате, где спит Зрима!
Позвонишь в дверь: молчи, не слышишь, боишься, и эти твои
маленькие Зримины слышатся слышатся слышатся.

Ужасно много их, цыганская масса, и каждая из них
уверенно и настойчиво хочет овладеть нами, и все они
столкуются, так и идет...

"Надо помолиться..." — слышатся Зримины и вешают
наши, как мама говорила о силе гротескной молитвы.
А мама никогда не останавливается, она его любит, ухаживает
за ним.

И Зрими слышатся на камнях, на фресках
твердых фресках и припадающая разлитая в камни
наши пшеница вздрагивает от гротескной мелодии:

— Вспомни, едят ли мы, чтобы вернуться в Россию.

9/27 Декабря 1921 г.
г. Горная Окружная

Александр Царевич.







22^{го} Января. Выехали въ 6 часовъ утра, ехавъ въ Брестъ черезъ артиллерию. Мы въ домъ участія артиллеріи не съѣхали. Тамъ намъ входили въ составъ ударной группы подъ командой товарища Каневина и артиллеріи изъ фельдмаршальскаго Блатинскаго полка и нашего конного. Каневина намъ хорошо известно и назначение его командиромъ отряда насъ всего радуетъ. Какъ и надо было ожидать Брестъ развитъ и отъѣзжаютъ на Силезію и Франкфуртъ. Наша группа предназначена въ дѣйствиіи въ такомъ называемомъ межозерномъ пристворѣ въ направленіи на Суровку, Карлову Балку. Я смотрю въ подробную карту. Буре у нихъ есть и достаточно артиллеріи - держаться въ этомъ пунктѣ пристворѣ можно совершенно свободно, тѣмъ болѣе, что у насъ только одна да батарея... Переходъ нашъ!! Настороженіе величайшее!! Пошлимъ вечеромъ съѣхали. Тяжелый переходъ по грязи и вѣтру въ г. Армянекъ. Вѣтра утромъ насъ ожидаетъ на Карлову Балку.

23^{го} Января. Безъ сна выехали вѣтромъ въ Карлову Балку. Зрѣли наизмѣст, кромѣ другаго пламени, захваченъ задній ходъ заряднаго ящика, очевидно застрявшій въ грязи и потому оставленный. Захвачены и патроны; я самъ присутствовалъ при вырваніи снарядовъ несгорѣвшей командой.

Военного училища. Служба впередины населены
подвизовано. Они сообщают, что в батальон
400 человек и 9 орудий, но что в бою в отделе-
нии юнкера ничего серьезного не представляют.
Большинство из них малышки, бывшие в училище
с фронта. с целью уйти от боя. Обращающиеся
офицеры и юнкера с солдатами ничего. Училище
имени поэта Константина Романова. Они хитро-
ли дажи зрели боя, но в самый решительный
момент командный состав испугался. Отверну-
вшись они по нашему пути, так что боя с
нами нам не случилось. Зрели нарисованы насто-
ящие окопы даже с пулеметными вышками.

Митинг вступили хорошо, но как-то возли-
во. Очевидно что переговоры про нас ведутся
недвигаясь.

25 Января. Митинг в Армянском задний член.
Ночью 23 мы заняли хитрою Сократовки. Бывшие
сосредоточиваются в Фольварки Урфеа.

14^м с утра забрался на крышу здания училища
нашего отряда. Отлично видно при-подвизован-
ство, занятых противников. С тыла к ним
тянулось длинный лентой цепи. Спускался в хитро-
ну подвизовано. После отъезда к ним присоединялся
Митинг. На Улицынеком направлении грядущий и очень
сильно. Видны, зрелища. Направи на весь район
наши и их пулеметы. Придвигаются в час дня.
Из проливная вышка часть, ставшая быстро разво-
рачиваться. Под примерками они скрывают на ли-
нутах, и уже почти появились из них. Митингская
линия с правильными передвижениями. А
сейчас же дождя товарищу Каневу. Поци-
ты были открыты спешивший огонь. А видно
как она лихорадочно зашла и - ни одна выстрела.
Али у них было мало патронов или... еще что-то.
В это время со стороны Армянска: скакали
галлопом два казака, командир отряда как
чувствовал: выехали из хитро. Оружие из казачьих.

спередишь повара, круто всадишь коня передо!
самым командиром и, сунув руку за пазуху
протянув Каневу медальон левитово думи.
Сверху мне лицо командира не было видно. Но я
заметила, как дрогнула затанцованная в перчатку
рука его, держащая медальон ключей думи.
А не узнала голоса командира, которому сь оида
было приказание вбозу, немедленно маршируя
и частями отряда, выходящими к Армянску. Это
это время Григорий держал мою руку
— Григорий — орудие!

А повернувшись голову в сторону фоварка:
оидища к цини заломить цининого выхвоста
орудие. А фоварки обь этом выхв, там как
разь в эти время произвела командирь оиди-
Масель. Они только махнула рукой. Масель позвали.
Слова, я еще цини замечать, конь оидинов
орудие и еидов сь передков...

Все переходя до Армянска или мача, ни
для кого не было тайны, что наши разбиты
на Мичукевские направления. Говорили даже,
что Бад датарев циникель попал в плен.
Было таясно. Я не понимала, что они берут.
Правда нас поминают без шума, почти с голо-
лом рикати, но зато у них...

Было приказано идти на Армянск. Там
были оиди. А сь командиром команды циниро-
ples в додичах еврейских ~~сиди~~ доиди. Впаври-
ка хозяйке оиди и приняла накрыла еиди
для вечернего чая. Это войтинной было тепло уютно
и уютно, и надо было видеть, сь какими аиди-
томь они пойдут еидань за еидань горя-
чую фиджовей, закуывая сь еидиной вилкой аид-
дом сь маселом. Я цини цининой, переодичив
и записав эти еиди.

26^{го} Января Отходящий к Преображенню,
передь нами оиди отходящей Мичукевской гряды.
Мичукев и оиди высоко рикати прощали. Мичукев

узнается что вся Карейная то шкура готовит нам
то-то маркерное пробное в ухасе зашито, как в
шур пареит по преем вентильное настроение и
как его зашито предпринимать то-то шуринное, и
поэтому маркерное шурин в к. (название дерева разобрались-
ся.) А шуринным шурин шурин, как шуринная шурин-
ная шуринная, шуринная в Шуринской шуринной. Ну, наконец-
то!! Начальник шуринной шуринной, что шуринная шуринная
очень шуринно шуринно шуринно в Шуринской и на шурин. Шурин-
ной шурин на шуринной шуринной шуринной. На шурин-
ской шуринной шуринной шуринной, шуринной шуринной шуринной.
За Шуринской шуринной шуринной у шуринной шуринной, шуринной!!

14 27^е Января. Очень солнечный. Противник шуринно ве-
дет шуринную. Шуринная не только шуринная, но и шуринная.
Шуринная по шуринной, в шуринной шуринной шуринной на шурин-
ской шуринно шуринно шуринно шуринно, что шуринно шуринно
наше шуринное шуринно шуринно в это время я могу
шуринно шуринно шуринно шуринно шуринно. Шуринно
шуринно не шуринно! Шуринно шуринно шуринно от шуринно
шуринно шуринно. Они шуринно не шуринно нашего
шуринно. Шуринно шуринно послала на шуринно шуринно
шуринно. Шуринно шуринно шуринно. Шуринно, они не
шуринно, как шуринно на шуринно! Шуринно не шуринно!

(Продолжение
следует.)

И. И. И. И. И.



Почему?

Почему так внезапно меркно.

Скучно среди разбитых
Почему бы суровых листьев
Ноты первых прощаний?
Почему не встала сердце,
Как вставало прежде,
Не боясь оно сжималось
Во сраженной надежде?
Почему грусть и тоска
Старинно и задолго
Почему сейчас замира
Где меня закроют?
Зелено безмятежно, чисто
Жизнь моя пролетела
И суров я, словно баба
Во сказках, у корыта?

И. Бунин и др.

М. Б.



Перевоз Константиновского военного училища из Салоник в Болгарию

17^{го} декабря в 16 $\frac{1}{2}$ часов пароход "Ак Дениз" покинул Салоники, со берега доносившийся громкий звук оркестра технического полка и нестройные крики "ура" оставшихся в Салониках последнего эшелона, который предназначено было отправить в Сербию с целью дать отдохнуть нашим отъезжающим. "Кордаши" встретили приветливыми прощальными криками в честь нашего отъезда, выражая этим же приветствием свое уважение к ген. Кузнецову. На другом берегу было и жарено и радостно в одно и то же время: жарено было оживлять город, в котором было столько пережитого, радостно же от сознания, что начинается новая жизнь среди совершенно новой обстановки и новых условий жизни. На транспортное училище все было размещено в первую очередь довольно тесно, но все таки терпимо. Питание было организовано очень хорошо, к чему нашей хозяйственной частью, которая добросовестно все пароход-послуживающий на своем борту,

Всего 2500 пассажиров. На стоянциях сены транзитом
аэроз около 2 приехали в Константинополь. Заряды выгнали
были построены на палубу для представления Главного-
командующему, который приехал из города около 14 часов.
Построение у борта было повышенное. Какое-то вынужденное
воинское охватывало борта. Под звуки Преображенского мар-
ша отчаянно разрабатывалось на борту парохода, на
приветствии Главногокомандующего, вольнованная и радостная
в Корниловской форме, диспетр охватывала часть в
сопровождении иен. Курменова и иен. Кусанского. Ура! немол-
кастой волной понеслось по палубе, и советская паровая де-
легация навстречу слышала рассказы этого „ура“ конит-рево-
люционером. Главногокомандующий произнес кратко, но па-
ну слышала и значение пинь, которую был им слышала и
увенчивалась, близкий к владимиров. Восточные рассказы
„ура“ не заложит до пинь пор, пока абсолютный не утратит
Главногокомандующего в глубине Константинопольской улицы.
Вечером пароход принял на борту около 120 вынужден-
ством, держа курс на Варну. 19^{го} в 9 часов, Акт-де-
мент вышел в Варненскую бухту, вышел якорь на вынужден-
рейде. В этот же день 12^{го} июня отпразднована своей роди-
ной праздник. Утром в три часа состоялся митинг в
присутствии Командира Корнуса. Вечером в каюты
компания состоялась литературно-музыкальный вечер при
участии артистов Корниловского театра, который заканчи-
вовался пинь же эшелона. Молодой неограниченный вы-
пуск вынужденный нас у берегов дальневосточной нашей Бомарин.
Из города привезли делегацию от Бомарин и русские ор-
ганизации с приветствием к иен. Курмову. 22^{го} декабря вечером
„Акт-демент“ вынужденный к полу на митинг отпраздновала
„Ветеран Памяти“ в утра стоящая для начала постепенная
разрушка парохода. Утром вынужденный посетили 23
декабря рано утром. Тенет час после высадки при ро-
тис уличная были погружены в вагоны, и в 10 часов
позднее же. д. от которого мы уезжаем уже отвыкнутой,
ушла нас вынужденный Бомарин. к новой невольничьей функ-
ции. Второй эшелон уличная покинул Варну в 20 часов
того же дня.

В 11 часов 30^{го} декабря уличные приехали в Софий, где
представитель вынужденный Начальнику Уличная иен. Чельову.
Вечером от эшелона уличная были отправлены в Радо-
литра, где предстояла пересадка на извозничью. Ум Радо-
литра вынужденные неограниченные вагоны уличным присутст-
вием поужинать поужинать 50 километров до ст. Ожи-
нича. Вышли Бомарин из Радолитра 3^{го} XII в 13 часов.
Первые темнечаса пинь по старинной трассе, без дорог.

Угол вагон в гавань и весь трудом сгруппировать за это время едва в километ. Излученные до последней степени, со сбитыми ногами и войсками, были мы, наконец, на море около 17 часов. Желтый утилизирован в течение 16 часов, при этом последние три часа были по совершенной неимовности под противным давлением. В виду чрезвычайных неблагоприятных условий походного движения и годичного пребывания в Галатии, по дороге оказалось около 10% отсутствующих.

Продолжив до последней минуты и сильно продрогнув 1^{го} Января в 15 1/2 часов мы прибыли на ст. Фунтинца, где были сразу же погружены в вагоны узкоколейки. В 7 часов поезда отомы по направлению к ст. Горна-Фреула, куда и прибыли около 11 часов. Первое впечатление было вполне удовлетворительное; нас ожидали в Горной-Фреула вполне приспособленные казармы, стоящие от города в 3^м километрах.

Келовов



В Галатии. Посадка 3^{го} эшелона на „Ал-Дениз“.



Сборъ картофеля у Голлиполи

Зима.

Дах зима. Золушка снѣжная,
 Ты пришла къ намъ з'сѣйская нѣжная,
 Землю грядку снѣгомъ одѣла,
 Похредеству тѣмъ подвѣсну снѣга:
 Подолжнать охѣли мѣтети
 Снѣгъ одѣль зеленѣвѣтїя ели,
 Залотїи сѣкїи снѣговыми покровомъ,
 Вѣтеръ съ горъ прилетѣлъ сдѣлать работу.

Дах зима ты з'сѣйская нѣжная,
 Дах красавица ты вѣлоснѣжная
 Ты наполнила Русь мнѣ дажку,
 Русь и любовью, все-же з'сѣйскую.

Иванъ Мухомовъ.

Поэзия большевистских дней

[Книга для детей, № 2-3, изд. "Мысль" Берлин 1921 год]

Книга под таким заглавием случайно попала нам в руки в Варшву, где ее удалось купить в книжном магазине. Книга представляет в этом отношении особенно интересно ознакомиться с той поэзией, которая возникла без нас в условиях нового мира и жизни на свободное проявление литературной мысли. Поэтому мы решили познакомиться с содержанием этой книги. Первой в этом сборнике помещена поэма покойного Александра Блока "Двенадцать". Это зарефлексированная критическая поэма, в которой читатель об этой поэме слышит противоположные отзывы. Блока идеалом видится в этой поэме протест против безжалостно-кровавого режима советской, "красной" революции - рассматривается ее, как аналогично тому, что было, связанное со стремлением "социалистическая революция" на основе разрушенной культуры. На останавливаясь долго на том, кто прав в этом вопросе, мы стараемся передать то настроение, которое овладевает все существо при чтении "Двенадцати". Какой-то мимолетный момент, когда мы слышим образные частно далекие от символической сцены, описание большевистской ночи, в которую двенадцать красноармейцев совершают свой обход. Мир и убийство, и грабеж и злое, затаенная угроза всему, что протестует против нового строя:

"Гулает вверху, пархает снег,

Идут двенадцать человек.

Волнует черные реки

Крепость, огонь, огонь, огонь...

Во збуках царя, принимают карточек

На ступу надо в будничной ступе.

Эх, эх, без креста!

Свобода, свобода,

Правда - правда!

И невольно каждый, кто хоть одну ночь прожил в счастливых социалистических условиях, кто ночью

слишать и ускоренный звук тарошмяцего материала
и сучьи рычание, когда удары падали, выстрелы раздался
масса красноармейцев, пошвыбываем при чтении этих
строк острый холодок утеса, составляющий дитя
сердце так же часто и неуканно, как и в ту незабыва-
емую ночь. Это общий кака-то невыяснившая туча, ко-
торая встает над головой и дитя и ночью остается
в памяти на всю жизнь, и для меня лично совершенно
ясно, что это так. «Воснадавать» сам пережить и, так-
как иначе он не написать бы своей поэмы.

Когда дальше авторъ описываетъ разнузданно, хитро-
мудро безъ прокола жизнь красноармейца, отбиваю-
щего у своего повара, часто не понимаясь, упрямости
и пошлости его старинныхъ дурныхъ словъ. Но если вдуматься,
то поймешь, что только такъ можно описать жизнь
маленькой социалистической разнуздки, который всегда сопро-
вождаетъ порокъ советской власти. Какъ во время
большого пожара или мировой явки люди часто не-
пременно сознаютъ и начинаютъ пировать накануне
убийствъ, такъ и большевики празднуютъ разнузданно
и хитро на обломкахъ старого разрушенного уклада
жизни. Дальше идутъ же пошлости, что красно-
армейские эскадры, блокъ отбиваетъ нападение кучки
белыхъ на "Ваньку", отбиваю заповедь и раскатыва-
ющая съ ней на ляховъ и электрическихъ прона-
хитовъ на огневыхъ. Вновь же уходитъ это пре-
створение небрежностью "Кайюта" же удитъ въ выноса-
ющей перестрелке.

„Опять — несется повсюду вскачь,

Результаты работы на уроке

Смол, смол! Англича! помози!

Петруха сяди задрогай!

$\text{Max}^x \cdot \overline{\text{max}}^y \text{ax}^z - \text{max}^x \cdot \text{max}^y \cdot \text{max}^z \cdot \text{max}^w! \dots$

Вскрѣшеніе къ нбду створенный прахъ!

Синхронизация в банковской науке

Әуше тазық бзбоғи кырокы!...

Тарахъ-тарарахъ ... Т.е. бугень знатно

Как и гробовской цркой гулять!

Утром пошел! Ухо пошло.

в себя неадекватно к "узкому" рассчитывая на некий отщепеный,
на некий развить свою личную тоску. Странной, ослепленной злобой
проникнутой слепотой - стиранию.

«Ох, мне, горе-горюхое!»

Сукка ежурная,

Смертная!

Учю я времячко

Проведи, проведи

Уже я печально

Поремь, поремь!...

При я съпачки

Получу получу

и я позвоню

Полосы, полосы

Ты. лети буржуи вородышко

Вино и пробыны

За запову^{ни}ку

"еще добивай!...."

Упокой Россию грядущую

Гадю нисея! . Схизмо...

Этими словами блок рисует нам психологию ре-
рвого большевика, привлекаемого к революции буржуар-
скими элементами, который нечист в душе самого
русского либерала.

И все преступное и зло, что творится сейчас в далекой России оправдывается вихровой несправедливостью капиталистического строя, всегда и во всем остается виноватыми несчастный, замкнутый в угол "буржуа".

„И изгнѣхъ безъ имени святого

Беро абионаутико - берон

Ко всему готовый - нулев не знает

Из вышивочки старинная

На неутрачан врага

Въ переписки иже,

Заъ одна партия нѣра

Гибель синоним синонимы:

Те утѣмѣ сапога...

Въ отъ вьется красныйъ сплавъ,

Розгаемая лупрный марь.

Вот проснется лютый враг
И взоит пылится нмъ въ ои
Аи и нмъ напролетъ...
Впередъ, впередъ
Вздохъ маршъ!....."

И дѣлше продолжатъ свой обходъ, афишуютъ
красноармейцевъ во въоруженую, темную ночь, разная тѣсн
беззащитной спиритской на страхъ, недремлющаго вра-
га" - буржуазинъ.

Послѣднимъ движеньемъ по сердцу аккордомъ оканчива-
етъ Блокъ поэму, и въ этой последней строфѣ онъ
выводитъ образъ Сына Божья, который идетъ вне-
редъ лютной кровавой группы творцовъ новаго міра.
Красное апологетъ находится въ этой строфѣ оправ-
даніе зла и ужаса, который сопровождаютъ разруше-
ніе стараго отжившаго міра, темнотамъ поэтомъ
"полюбить неохота".

Таки идутъ державными шагами
Позади - холодный нѣтъ
Впередъ - съ кровавыми орлами,
А за вьюгой невнятной,
И отъ шумъ невредимы,
Тихою поступью надрывающей
Синевой розовую французскую
Во влохъ вонючей изъ розъ -
Впередъ - Ищи Христовъ!...

Объ остальныхъ произведеніяхъ, помѣщенныхъ въ
Зарникъ мы поговоримъ въ аннотации №2

Kelbber

Продолженіе слѣдуетъ

Регария

Прегария А. Амуров

Арен. Келбег

Т. Жу

А. Запаров

Секретарь. (И. Мухомов)

ИТТНОВЕЦ

2.

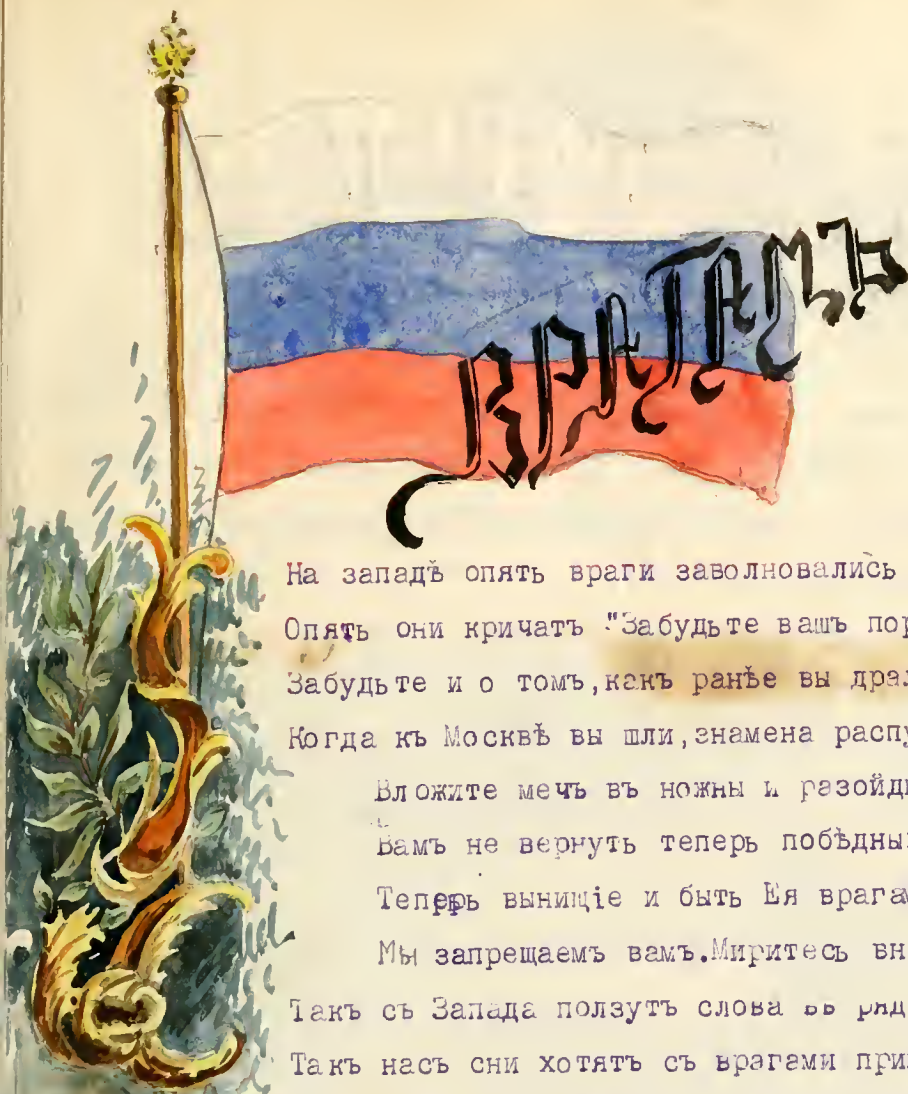


№ 2.



ГОРНАЯ ДЖУМАЯ

ГОРНАЯ ДЖУМАЯ,



На западѣ опять враги заволновались
 Опять они кричатъ "Забудьте вашъ порывъ,
 Забудьте и о томъ, какъ ранѣе вы дрались,
 Когда къ Москвѣ вы шли, знамена распустивъ.

Вложите мечъ въ ножны и разойдитесь сами,
 Вамъ не вернуть теперь побѣдныхъ славныхъ дней,
 Теперь вынищайте и быть Ея врагами

Мы запрещаемъ вамъ. Миритесь вновь вы съ Ней."

Такъ съ Запада ползутъ слова въ ряды стальные,
 Такъ насъ они хотятъ съ врагами примирить
 И думаютъ, что мы всѣ дни наши бывшие,
 Такъ просто и легко сумѣемъ все забыть.

Нѣтъ, не забыть намъ дней измѣны и позора,
 Когда родной нашъ флагъ былъ сорванъ и забытъ
 И брата братъ убилъ отъ зависти и спора,
 Кому и какъ теперь и для чего служить.

Вамъ не разсказать въ насъ сознанія и вѣры,
 Что мы стоимъ за честь отчизны дорогой,
 Мы также вѣрны ей, мы также сильны, смѣлы,
 Мы за Нее больны, какъ ранѣе душой.

Молчи же Западъ злой, коварный и лукавый,
 Къ тебѣ мы не придемъ, оружіе склонивъ,
 Теперь намъ не забыть тотъ день, той битвы правой,
 Когда къ Москвѣ мы шли, знамена распустивъ.

В. Г. Муравьевъ



Молчи же Западъ злой



31-го января. Раненъ въ лѣвую руку и плечо. Раняныя тяжелыя, но ноютъ, особенно рука. Мы проиграли. Да, правъ былъ Коневичъ, когда говорилъ, что послѣ того, какъ мы ихъ сбили, надо было идти, безъ задержки, на Армянскъ и прямо по шоссе. Вотъ, что приготовила намъ судьба. 28-го рано утромъ по всемъ частямъ передали, что въ 8 часовъ будетъ наше наступленіе. Погода самая отчаянная. Туманъ былъ настолько силенъ, что въ 15-ти шагахъ ничего нельзя было разобрать. Мы по всему фронту открыли сильнѣйшій пулеметный огонь, Они должны были почувствовать, что наступаетъ серьезный моментъ и уже черезъ пять минутъ по всему фронту открыли орудійный огонь. Это было сильно рабтало у нихъ средній артиллерійскій участокъ, но снаряды, кромѣ очень немногихъ, ложились далеко позади насъ. Были у насъ и потери отъ этого дня. Такъ, легкій снарядъ попалъ въ халупу къ артиллеристамъ и убилъ пять человекъ. Другимъ снарядомъ они подбили два орудійныхъ уноса у второго орудія. Мы пошли... Ничего не было видно, холодъ адскій. Орудійная стрѣльба смолкла, только чуть правѣ шоссе стрѣляло два орудія. Перекопскій валъ, а тамъ и самъ Перекопъ. Было приказано остановиться. По моему, въ этомъ-то и была главная ошибка командованія. Съ ихъ стороны стрѣльба совершенно смолкла, только со стороны Армянска какой-то шумъ: тамъ все кипѣло. Иногда впереди проносились какіе-то силуэты, проѣзжали подводы. Два эскадрона 12-го полка были посланы на правый флангъ-нащупать ихъ лѣвый флангъ и выяснить группировку бѣлыхъ. Нашему отряду была дана задача: обходнымъ движеніемъ зальо ударить въ тылъ Армянска и яб болѣе чѣмъ увѣренъ, что еслибы этотъ маневръ былъ предпринятъ

раньше, а не быть бы почему-то отложенъ, то Армянскъ и вся группа бѣлыхъ была бы въ нашихъ рукахъ. Наступленіе началось въ 2 часа. Мы вышли сначала по шоссе, потомъ стали сразу забираться влѣво. Стало темнѣть, что въ связи съ мятелью сбивало наше движеніе. Выслали разъѣзды. Я поѣхалъ съ правымъ, и вотъ черезъ десять минутъ услышали какое-то хлопанье и въ то же время стали различать передъ собою какую-то массу. Мы спѣшили и продвинулись на холмъ... Определенно шла колонна: то были бѣлые. Они были въ резиновыхъ плащахъ производившихъ слышимое ранѣе хлопаніе. Мы вскочили на коней и пошли галопомъ къ своимъ. Я самъ лично доложилъ Коневичу о всемъ видѣнномъ. "Сколько ихъ", спросилъ онъ. - "Батальонъ, человекъ въ четыреста. Онъ сразу осадилъ коня и нагнулся впередъ, какъ бы желая разглядѣть что дѣлается за этой бѣлой пеленой. - "Я увѣренъ, что это - юнкера и идутъ они въ обходъ Перекопа". проговорилъ онъ, ни къ кому не обращаясь и вдругъ резко повернулся ко мнѣ. "Скачите къ тачанкамъ, возьмите два пукета первой роты, выпустите по колоннѣ по двѣ ленты. Сейчас же галопомъ уходите влѣво". И когда я двинулъ своего Васю, слышалъ какъ онъ отдавалъ приказаніе разсыпать батальонъ и вернуть двѣ сотни нашего полка, посланныхъ вправо. Уже черезъ пять минутъ я съ двумя пулеметными тачанками былъ у холма, откуда впервые замѣтилъ противника. Онъ былъ уже шагахъ въ 80-ти и шелъ полъ-оборота вправо. Тачанки повернулись къ бою. Я видѣлъ, какъ лихорадочно заряжались пулеметы, секунда - и они всѣ сразу заработали. Со стороны колонны слышались крики и юнкера стали суетливо и неумѣло разсыпаться. Еще разъ сыпанули пулеметы, послѣ чего согласно инструкціи тачанки умчались влѣво. Со стороны противника раздавалось нѣсколько беспорядочныхъ залповъ. Я отъѣхалъ и спѣшилъ въ канавѣ за кустиками. Влѣво отъ меня лежалъ батальонъ. Юнкера беспорядочно и часто стрѣляли: стрѣляли и наши. Вдругъ противникъ смолкъ, а черезъ минуту я видѣлъ

поднявшуюся цѣпь. Они шли, нѣтъ, они обжали, смыкаясь: обжала съ пѣсней Дико, дико. Сейчас вспоминать отрашно. Равнина, мятель и сѣрые фигуры въ хлопающих плащахъ съ громкой пѣсней почти бѣгущихъ въ атаку. Дальше все перемѣшалось. Они отступили, не выдержавъ контръ-атаки латышей, потомъ наши отошли... Справа глухо ухнуло орудіе. Разъ, другой. Я вскочилъ на коня и помчался влѣво назадъ, желая выйти въ тылъ нашимъ. И вотъ, пробираясь къ своимъ я наткнулся на группу. Одинъ въ плащѣ лежалъ лицомъ внизъ. Рядомъ на колѣняхъ стоялъ видимо его другъ съ винтовкою въ рукахъ. Онъ плакалъ, наклонясь къ товарищу. Увидѣвъ меня онъ быстро приложился и вѣстрѣлил. Почувствовавъ боль въ плечѣ, я машинально повернулъ коня и далъ шпоры. И опять холодный воздухъ прорѣзалъ противный щелчокъ выстрѣла, какъ хлопаніе бича, и я выпустилъ карабинъ, который держалъ въ лѣвой рукѣ: я былъ вторично раненъ. Отѣхавъ уже далеко, сдѣлалъ себѣ первую перевязку. Вдругъ-опять конная группа. Одинъ въ черной буркѣ впереди, другіе два въ шинеляхъ съ башлыками, нѣсколько позади. Группа ѣхала, какъ мнѣ казалось, со стороны Перекопа. Я рѣшилъ, что это наши. Ёхавшій впереди закричалъ мнѣ "Стой." Я остановилъ Ваську. Они подъѣхали рысью. Въ буркѣ былъ совсѣмъ молодой человекъ съ черными подстриженными усами. Въ лицѣ было что-то такое, что указывало на сильный характеръ и привычку командовать. "Какой части." Я назвалъ свой полкъ. "Ага, знаю... раненъ..." - "Да." Говорю. - "Такъ куда же ты ѣдешь?" - "Къ своимъ въ Перекопъ." Мой собесѣдникъ свистнулъ. "Ну, вотъ что: Перекопъ тамъ-а здѣсь Армянскъ, и если ты не желаешь попасться къ моимъ молодцамъ или къ Виленцамъ, то поѣзжай сюда. Да скажи тамъ своимъ, что пока намии командуетъ генералъ Слащевъ, то имъ-Крыма ~~ни~~ не видать, какъ ушей своихъ." Онъ тронулъ коня. "Поѣзжай скорѣе, да если, кто остановитъ тебя скажи, что ты донецъ и что тебя послалъ генералъ Морозовъ". Я остаясь одинъ и еще нѣсколько секундъ смотрѣлъ вслѣдъ уходящей рысью группѣ, потомъ поскакалъ въ указанномъ мнѣ бѣлымъ генераломъ направленіи. Черезъ четверть часа ѣзды я нагналъ эскадронъ I-го полка и упалъ на руки товарища, такъ какъ

послѣднія двѣ-три минуты вхалъ почти въ обморокъ. Я пришелъ въ себя за Перекопскимъ валомъ: спрашивать о положеніи было безцѣльно, видно было ясно, что бой нами проигранъ и наши отступаютъ. Полкъ отведенъ, стоимъ въ Чаплынкѣ. Я лежу въ школѣ, гдѣ у насъ дивизіонный госпиталь. Прежде чѣмъ попасть въ это село, мы сдѣлали большой крюкъ. При проѣздѣ черезъ Преображенку я видѣлъ разстрѣлъ трехъ бѣлогвардейцевъ: одинъ изъ нихъ былъ офицеръ, а два другихъ — юнкера, причемъ у одного на погоняхъ двѣ нашивки. Офицеръ былъ въ черной папахѣ, съ казацкой шашкой, онъ весь какъ-то ежился не то отъ страха, не то отъ холода, вообще видъ у него былъ жалкій. Другой, тотъ, у котораго были нашивки держался довольно спокойно. Третій былъ совершенно мальчикъ, страшно блѣдный и кажется съ раненой правой рукой. Онъ стоялъ вплотную съ офицеромъ и держалъ его подъ руку. Ихъ допрашивалъ, почему-то Якимовъ, тутъ же стоялъ Исаевъ, "Ты капитанъ." спросилъ Якимовъ офицера. Тотъ молча наклонилъ голову. "А вы юнкера." Тѣ два тоже отвѣтили наклоненіемъ головы. "Такъ вотъ что, я предлагаю вамъ службу въ нашихъ рядахъ." Они молчали, только мальчикъ ближе прижался къ офицеру. Якимовъ повторилъ свой вопросъ. За всѣхъ отвѣтилъ самый младшій. Онъ бросилъ капитана, шагнулъ впередъ и дѣтскимъ, срывающимся голосомъ съ истерическими нотками крикнулъ: "Разстрѣляйте насъ, но мы Константиновцы и шли добровольно воевать съ вами... Подлецы..." Якимовичъ повернулся на каблукахъ и махнулъ рукой. "Разстрѣлять..." И видѣлъ, какъ мальчикъ бросился къ капитану и обнулъ его. Капитанъ вдругъ выпрямился и, снявъ съ головы свой черную папаху, отшвырнулъ ее въ сторону, послѣ этого онъ перекрестился, прижалъ къ себѣ лѣвой рукой юнкера.

"Стреляйте", крикнулъ онъ повелительно. Я отвернулъся:...Какой сумбуръ въ головѣ и тяжело на душѣ. Да и вообще въ послѣднее время такія мысли все чаще и чаще возникаютъ въ моей головѣ....

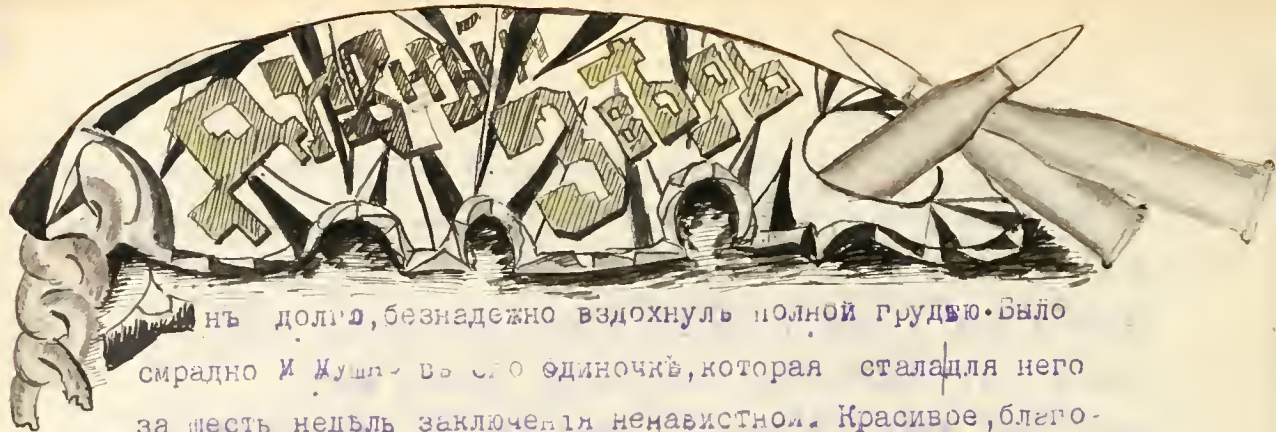
Сейчасъ сижу у окна. Послѣ боя прошло уже три дня. Замерзшій Сивашъ далъ возможность безъ потерь перейти вгo.

наши опять взяли Перекопъ и Армянскъ. Пришелъ 106-ой полкъ 45-ой дивизіи. Я узналъ, что наши стоятъ въ Будаговкѣ. Симпатичная у насъ сестра. ^{Оля}Ее всѣ такъ любятъ. Она нѣжно и заботливо обращается со всѣми ранеными, что приходится умиляться запасу ея любви. Узналъ, что ея фамилія Трофимова. Вчера вечером видѣлъ, какъ она плакала. Говорятъ, что у нея братъ-юнкеръ, убитъ подъ Перекопомъ. Можетъ это и такъ, но по моему это совершенно различно: это не мѣшаетъ ей быть милой дѣвушкой. Завтра думаю ѣхать въ полкъ. Досталъ карабинъ.....

На этомъ дневникъ Хоткевича обрывается. Въ бою 20-го января по ст.ст. онъ должно быть былъ взятъ въ плѣнъ. Въ серединѣ книжки было вложено письмо и двѣ квитанціи на телеграммы. Среднія страницы залиты чѣмъ-то жирнымъ, настолько сильно, что мѣстами едва можно было разобрать слова.

Н. Александров





онъ долго, безнадежно вздохнулъ полной грудью. Было
смирно и душно въ его одиночкѣ, которая стала для него
за шесть недель заключенія ненавистною. Красивое, благо-
родное лицо заключеннаго было блѣдно, и эта блѣдность
особенно рѣзко бросалась въ глаза при слабомъ утреннемъ
свѣтѣ, едва пробивавшемся черезъ грязное, маленькое оконце.
И все прошлое, такое недавнее и красочное, встало у него въ
памяти. Красивый, полный силъ онъ вступалъ въ жизнь. Начало его
студенческихъ дней было такъ хорошо памятно ему: онъ весь
съ увлеченіемъ отдался медицинѣ, и сухая, многихъ отталкивав-
шая, наука стала ему близкою, понятной и совершенно необходимой.
--- Первый годъ пролегалъ незамѣтно за работой въ полупод-
вальномъ диссекціонномъ залѣ, гдѣ цѣлыми днями просиживалъ
Моржъ Гордонъ. Такъ звали его друзья по университету, полная
же фамилія его была Вендетта Гордонъ. Жизнь семьи мало интере-
совала его. Отецъ — провинціальный, незамѣтный адвокатъ, безволь-
ный и мало энергичный, былъ ему безразличенъ. Мать онъ любилъ
искренно и горячо, но часто не понималъ ея. Молодая, красивая
женщина, чуткая и одаренная, она вообще увлекалась политической
жизнью страны, со времени революціи всецѣло отдалась этой
работѣ, интересуясь крайне лѣвыми утопическими ученіями.
На всѣ старанія ея заинтересовать Моржа и привлечь въ число
членовъ политической партіи, онъ грубо отвѣчалъ ей отказомъ,
всецѣло поглощенный своей научной работой. Какъ это случилось
что онъ могъ бросить науку и такъ опуститься, отдавшись
грязному произволу, онъ и теперь не зналъ.

Не ожиданный, какъ шкваль, большевистскій переворотъ оторвалъ его
и бросилъ

въ море людскихъ страстей, которыя разбушевались въ то время особенно сильно. Мать со времени переворота стала членомъ военно-революціоннаго комитета, такъ какъ ея сравнительная интеллигентность сразу выдѣлила впередъ изъ числа членовъ партіи. Жоржъ, благодаря перевороту былъ оторванъ отъ своихъ работъ и поневолѣ былъ принужденъ наблюдать всю ту вакханалію, которая происходила въ городѣ, а въ частности въ его домѣ. Крикливая и неинтеллигентная толпа, наполнявшая весь домъ шумомъ и противнымъ запахомъ сквернаго табаку, сперва претила ему и онъ старался держаться въ сторонѣ. Но однажды его поразила одна сцена совершенно нечеловѣческой расправы комиссара ЧЕКА Некрасова, грубаго и недалекаго марроса, съ однимъ изъ руководителей повстанческаго движенія крестьяниномъ Лукошковымъ. Некрасовъ просто въ столовой у Гордонъ, тотчасъ послѣ обѣда застрѣлилъ Лукошкова во время допроса. Жоржъ былъ взбаламученъ всей этой исторіей, но противъ его воли въ немъ проснулось какое-то новое чувство скрытаго затаеннаго удовлетворенія всемъ видѣннымъ. И послѣ этого онъ разумомъ проклиная свое слабостіе, самъ вызвался занять должность секретаря Особаго Отдѣла ЧЕКА только для того, чтобы прикоснуться къ тому еще неизвѣданному міру расправъ и истязаній, любовь къ которымъ проснулась въ его порочной садистической душѣ. И вотъ въ другомъ подвалѣ Жоржъ Гордонъ просиживалъ надъ другимъ дѣломъ, чѣмъ прежде, творя пытку, судъ и расправу надъ безчисленными жертвами новой власти. Онъ нарочно, чтобы заглушить еще не совсѣмъ заснувшую совѣсть, сталъ пить безалаберно много и началъ нюхать кокаинъ по совету своего руководителя-Некрасова.

Дико и страшно было смотрѣть на его дивное, красивое лицо съ большими ясно-голубыми глазами, застывшее въ наркотическомъ оцѣпененіи, когда съ браунингомъ въ рукѣ творилъ свое страшное

дѣло подѣ грохотъ неумолчнаго мотора. И даже латыши, привыкшіе ко всему боялись его въ эти минуты, называя его „Дивнымъ звѣремъ“. И когда онъ ѣхалъ по грязнымъ и запущеннымъ улицамъ городѣ въ прекрасномъ автомобилѣ его красивое лицо, хорошо знакомое всѣмъ, наводило ужасъ и омерзѣніе на прохожихъ. Но онъ въ угарѣ, не жилъ реально, потопивъ разумъ въ голубыхъ и волнахъ змѣеобразнаго кокаина, властно владѣвшаго всѣмъ его существомъ. Потомъ опять какъ-то неожиданно произошла катастрофа. Власть совѣтовъ рухнула въ одинъ день, мать и отецъ звали его бѣжать, но онъ подѣ наркозомъ кокаина, не сознавая, что онъ дѣлаетъ, оставался въ ЧЕКА даже тогда, когда ее покинули всѣ, а въ городъ входили новыя вершители судебъ. Его необыкновенная красота и благородство внѣшняго вида спасли отъ самосуда, и вотъ онъ въ тѣмъ ждетъ каждый день часа расплаты. И здѣсь безъ кокаина онъ мучительно страдаетъ отъ необъяснимости всего того, что съ нимъ было за послѣднее время.

Страшная жажда жизни и работы проснулись въ немъ, но онъ чувствовалъ, что его „Дивнаго Звѣря“, вендетту-Гордонъ, можетъ ждать только позорная казнь. И тускло, безнадежно томительно тянулись дни, а ясно-голубые глаза моржа становились все печальнѣе и тоскливѣе. Часто онъ думалъ о самоубійствѣ, но всѣ его попытки кончались неудачей.

Гордонъ очнулся отъ думъ и вспомнилъ, что сегодня его опять ждетъ допросъ ехиднаго и ненавистнаго слѣдователя, которому онъ каждый день говорилъ одно и то же, прося о скорѣйшей развязкѣ. Вдругъ онъ услышалъ лязгъ ключа въ замкѣ, и въ камеру вошло пять мужчинъ, въ числѣ которыхъ моржъ узналъ начальника

тюремъ. Остальные четверо были ему неизвѣстны. Старшій изъ нихъ

смуглый брюнетъ съ пронзительнымъ взглядомъ черныхъ глазъ подъ нависшими бровями, былъ въ формѣ военнаго чиновника въ чинѣ д.с.с. Онъ былъ сутуловатъ, но еще молодъ не болѣе сорока лѣтъ. Его лицо носило слѣды твердаго характера.

Трое другихъ были совсѣмъ молоды: оберъофицеры судя по погонамъ, нѣчто вродѣ адъютантовъ при первомъ.

"Такъ вотъ, знаменитый Дивный Звѣрь"-произнесъ вошедшій, пристально смотря въ лицо моржа. Заключенный всталъ при ихъ входѣ и спокойно смотрѣлъ на нихъ. Въ его взглядѣ была какая-то отупѣлость вѣчнаго ожиданія и готовность ко всему.

А вошедшій, обратившись къ одному изъ офицеровъ, удалилъ изъ камеры Начальника тюрьмы и двухъ изъ сопровождавшихъ его офицеровъ, оставивъ при себѣ самого молодого съ большимъ портфелемъ подъ мышкой.

"Я-Начальникъ контръ-развѣдывательнаго отдѣленія области - Коробейниковъ"-началъ онъ, спокойно смотря на заключеннаго.

"Я знаю Ваше дѣло, Ваше прошлое. Какъ профессору психологическаго мнѣ понятно Ваше поведеніе, и поэтому утвержденіе смертнаго приговора по Вашему дѣлу я задержалъ. Я думаю, что Вы заслуживаете помилованія, конечно, если Вы окажете услугу нашему дѣлу."

Моржъ поблѣднѣлъ отъ волненія при этихъ словахъ Коробейникова, такъ поразила его возможность спасенія, на которое умерли уже всѣ его надежды.

"Дѣло въ томъ,"-продолжалъ Коробейниковъ-"что намъ необходима ликвидація одного изъ членовъ партіи, къ которой Вы раньше принадлежали, проживающаго въ ^{Петроградѣ} ~~Москвѣ~~, и осуществленіе ея я рѣшилъ возложить на Васъ, а потому, если Вамъ удастся обжать, Вы можете

расчитывать на пріѣвъ въ наши ряды, гдѣ сражаясь за наше дѣло Вы займете подобающее Вамъ мѣсто. Я увѣренъ, что Вы сдѣлаете все Вамъ порученное и благополучно вернетесь обратно. Если же я ошибаюсь, и Вы измѣните, то будьте увѣренны; что возмездіе не минуетъ Васъ и тамъ за кровавой чертой фронта." Закончилъ онъ, и голосъ его зазвучалъ такой угрозою, что Гордонъ поневолѣ поблѣднѣлъ и почувствовалъ въ его словахъ дѣйственность и вѣру въ себя.

Гордонъ былъ придавленъ всѣмъ происшедшимъ и молчалъ, собираясь съ мыслями, когда Коробейниковъ вопросительно посмотрѣлъ на него, ожидая его отвѣта на сдѣланное только что предложеніе. наконецъ, онъ заговорилъ: -

"Ваше предложеніе воскресило меня. Я думалъ, что уже нѣтъ возврата къ жизни. Я согласенъ на все. Кордъ долженъ приступить къ работѣ." - лихорадочно закончилъ онъ, и въ глазахъ его блеснуло страшное желаніе поскорѣ освободиться отъ ненавистныхъ стѣнъ одиночки.

"-вы будете информированы обо всемъ," коротко сказалъ Коробейниковъ и быстро вышелъ изъ камеры....

Все, что произошло дальше было какъ сонъ, неожиданный и пріятный.

Инсценированный побѣгъ изъ тюрьмы, полученіе инструкцій въ и денегъ, въ огромномъ, темноватомъ кабинетѣ Коробейникова, и, наконецъ, переходъ черезъ фронтъ - все это произошло страшно быстро и какъ въ бреду для лоржа.....

Коробейниковъ послѣ его отъѣзда лихорадочно просматривалъ совѣтскія газеты, доставлявшіяся въ Управленіе, со вниманіемъ прочитывая всѣ свѣдѣнія о произведенныхъ покушеніяхъ на агентовъ совѣтской власти.

Наконецъ, онъ нашелъ крѣкое сообщеніе о покушеніи на Свердлова и орезстрѣль покушавшагося на него молодого студента.

Коробейниковъ съ торжествомъ понесъ эту газету Командующему войсками, котораго въ свое время ему стоило большого труда уговорить на помилованіе Гордонъ.

.....

такъ кончилась жизнь страшнаго "дивнаго звѣря".

Kelshof,



СТРАХИ НОЧИ



о столовой часовой

Тихо въ полутьмѣ таеетъ,

А въ несчастной головѣ

все отъ страху замираетъ.

... Полночь пробила давно

и нечистые шалать,

Такъ и кажется бѣднягѣ

уморить его хотять.

Вотъ въ котлѣ скребется ло*

въ складѣ ломаются въ окошко,

А изъ темнаго угла,

Черть показывается рожки.

Въ церкви мертвецы поютъ:

Упырь воетъ на дворъ:

Вѣдьма старая претъ печкой,

Заскакала на метль.

Съ печи высунулась рожа,

и газету развернувъ,

закуривши зачиталась,

Чернымъ хвостикомъ вильнувъ.

привидѣнья наплить

Смѣло стряпаютъ картошку:

домовой же подъ столомъ,

дикое взвигнуло вдругъ немножко.

Какъ несвѣстный не крѣпился,

про себя псалмы читать,

* въ Малороссіи подъ "ло" разумѣть вообще нѣчто страшное и пугаютъ имъ дѣтей.

Но нейстые наглѣли,
Ну и онъ съ поста сбѣжалъ.....

.....

въ Комитетъ судьи,ры,

Это все учитите,

И бѣдняжку право же

Стро. о не судите.

М. Чернышев —

Горная джумая
22 марта 1922 года

и



Ой богъ-богъ. сильный и могучій,
Онъ солнца свѣтъ, Онъ-жизньюмой Богъ,
Онъ встать изъ праха мнѣ помочь,
Развѣявъ зла и горя тучи.
Онъ научилъ меня желать,
Раскрылъ Онъ небо предо мною
увлекъ навѣки за собою
добро и истину искать....
и позналъ жизнь, что позналъ,
и пошлость суевѣрныхъ желаній,
и шепотъ безсмысленныхъ исканій
и бросилъ въ прошлое пославъ.
и жить хочу, хочу любить,
и кубокъ наслажденій полный,
пустились въ плаванье по жизни волнамъ
до дна хочу я осушить,
и мысли дерзкія имѣя
весь міръ хочу сейчасъ....
огонь священный не погасъ,
трепещетъ сердце пламенья.

4-го марта 1922 года

Горная джумая

И. Булгаков.



РАЗСКАЗЪ

Утра 14-го августа 1919 года въ Кіевѣ царило необы-
чайное волненіе. Гулъ орудіяныхъ выстрѣловъ сначала отделен-
ныхъ, а затѣмъ постепенно приближающихся, не прекращался въ теченіе
теченіе всего дня. Вчера еще деркіе и нахальные большевики
сегодня суетливо, гдѣ длинными веренищами, гдѣ безпорядочной
толпой, неся за плечами наскоро награбленный скарбъ, тянулись
по Днѣпровскому мосту, стремясь скорѣе выйти на оставшуюся
еще пока свободной черниговскую дорогу. Слышались потрясающіе
взрывы потопленныхъ огнестрѣльныхъ складовъ, отдѣльные вы-
стрѣлы и даже трескотня пулеметовъ. Мелькали автомобили съ
озабоченными и явно встревоженными лицами сидюковъ, наворо
закрывались всѣми ненавидимые КОМКОМЫ, ПРОДКОМЫ, ГУВКОМЫ
и другія учрежденія совѣтскаго режима, насажденныя великимъ
виисекторомъ тов. Ленинымъ, задавшимся пельч по-снта накормить
человѣчество плодами марксистскаго творчества.

На пристани подъ усиленной охраной спѣшно грузились
пароходы, взявшіе на свои борты народныхъ палачей Лациса,
Птерса, Ворошилова и другихъ садистовъ и изувѣровъ.

Зловѣще въ надвигающихся сумеркахъ, гудѣла сирена,
работали винты пароходовъ, осторожно втягивавшихся въ суловой
фарватеръ рѣки.

Большевики уходили. Это ихъ послѣдняя ночь въ Кіевѣ.
Озлобленные, втрашные въ своей злобѣ на оставшихся еще въ
живыхъ людей, провожавшихъ ихъ взорами безпримѣрной ненависти

они смотрели—одни съ берега, другіе съ воды, оесильные въ возможности уничтожить другъ друга. Красные флаги безомощно трепетали на бортахъ параходовъ, и казалось, что съ нихъ струились еще капли теплой человѣческой крови жертвъ застѣнковъ Екатерининской улицы.

Большевики уходилъ. Намъ вѣну шли новыя, тѣмъ радостно жданные, люди. Ихъ еще не видѣли, но они уже здѣсь у стѣнъ древняго Кіева. Ихъ приближеніе уже переживается всѣми. Они, эти невиданные еще люди уже посылаютъ откуда-то свое привѣтствіе, кіевлянамъ: со свистомъ и шипѣньемъ летятъ ихъ орудійные снаряды туда къ Днѣпру вслѣдъ ненавистнымъ большевикамъ. И всѣ знаютъ, что эти снаряды несутъ смерть поработителямъ, а имъ кіевлянамъ возрожденіе свѣтлое и радостное; какъ будетъ ярко и праздниченъ завтрашній день. Кіевъ свѣтится огнями, какъ въ пасхальную ночь. Бѣды вчерашній ужасъ отошелъ въ прошлое, а будущія радости несутъ на своихъ мечахъ чистые крестоносцы. Кіевъ готовится къ встрѣчѣ. Никто не спитъ. Не спитъ и Борисъ Сухановъ. Сильный, съ красивымъ мужествомъ, въ лицѣ 20-тилѣтній юноша. Борисъ мучился сознаніемъ, что онъ не находится среди тѣхъ, которые теперь побѣдоносно входятъ въ городъ и чьего прихода ждутъ такъ страстно и онъ и проходящіе мимо него толпы радостно возбужденнаго народа. Онъ невольно вспоминалъ 1918 годъ, свои намѣренія, тогда еще неясныя, слиться съ огромною волной добровольцевъ, которая широкимъ потокомъ хлынула къ югу въ отвѣтъ на горячія призывы встать на борьбу за спасеніе родины. Часто Сухановъ ходилъ тогда на вокзалъ, смотрѣлъ какъ одинъ за другимъ уходили поѣзда, увозившіе и старыхъ и такихъ же молодыхъ, какъ и онъ людей, спаянныхъ несмотря на разницу, лѣтъ, одной цѣлью.

По отдельным разговорам, которыми обмѣнивались отъѣзжающіе и по тѣмъ отношеніямъ, которыя устанавливались между ними, Сухановъ замѣчалъ, что каждый изъ нихъ въ другомъ видѣлъ самого себя и что поэтому всё было между ними такъ ясно и просто. Онъ наблюдалъ, что провожавшіе были также радостно и возбужденно настроены, какъ и отъѣзжающіе. Какъ будто эти уѣзжали не для тяжелыхъ страшныхъ испытаній, а для чего-то особо пріятнаго и хорошаго, одинаково какъ для нихъ такъ и для остающихся. Борисъ помнилъ, какъ невольно возникъ у него въ душѣ мучительный вопросъ: вѣдь и тутъ приносится величайшая изъ человѣческихъ жертвъ-жизнь, какъ приносилась она въ 1914 году. Отчего же, думалъ Борисъ, тогда было совсѣмъ не такъ, какъ теперь. Онъ помнилъ торжественные марши, игравшіеся всегда въ томъ году уѣзжающимъ, помнилъ урильное „ура“ вырвавшееся изъ ряда мелькавшихъ передъ нимъ вагоновъ, но также чувствовалъ, какъ въ эти красивые музыкальные аккорды маршей врвалось людское страшное почти безумное горе. И еще тогда даже казалось, что и эта музыка и это „ура“ были совсѣмъ ненужны и для тѣхъ, которые уѣзжали и для тѣхъ, которые оставались. Безыскусственнымъ оставалось одно-горе, а все прочее лишь прикрывало его наготу, а потому оно т.е. горе такъ неудержимо вырывалось наружу и всё это чувствовали и переживали. Онъ помнилъ, что именно тогда въ 1914 году на этомъ же вокзалѣ онъ въ первый разъ и постигъ смыслъ и трагическое значеніе людского неутѣшнаго горя и, уходя съ вокзала и вспоминая невыразимыя рыданія женщинъ, болѣзненное спокойствіе мужчинъ, трепетныя, торопливыя благословенія склонившихся передъ ними юныхъ лицъ, унесъ это горе съ собой и носилъ его долго въ сердцѣ, пока грозные раскаты революціи не дали отъѣха- жив-

ший его вопросъ. Когда все стало вдругъ для него ясно. Война, значение которой отождествляли съ священной отечественной войной, война изъ-за которой въ короткое время погибли миллионы жизней лучшихъ людей, именно лучшихъ, такъ какъ Борисъ зналъ, что худшіе не воевали, война эта была навязана народу, волей отдельныхъ лицъ и не по причинѣ устранить которую было бы невозможно, а просто потому, что договаривающіеся люди упрямылись уступить другъ другу, и каждый изъ нихъ думалъ побѣдить, искалъ въ этой войнѣ лично для себя исторической славы и почета, стремились закрѣпить свою власть надъ людьми. Это очевидно и тогда въ 1914 году можетъ быть нѣкоторыми смутно, а другими ясно усваивалось, а потому Борисъ и стало совершенно понятнымъ, что люди, которые кричали ура и въ честь которыхъ играла музыка, сами не ощущали побужденій къ принесенію великой жертвы, а ихъ къ этому принуждали. Они же только повиновались, боясь сдѣлать иначе. Когда же люди достигли возможности дѣлать такъ, какъ хотѣли, они разошлись въ страшные и мстительные за прошлое и больше всего мстили тѣмъ, кому прежде повиновались. Потому эти люди стали опять собираться, разрушивъ одну власть, они стремились создать новую, но встрѣчали сопротивленіе у тѣхъ, которые думали иначе и вступали съ ними въ борьбу еще болѣе беспощадную и болѣе кровавую, чѣмъ та, которая нѣдавно минула и которую они такъ проклинали. Каждая изъ сторонъ отстаивала по своему понятію право на жизнь и въ силу этого сознанія люди стремились къ взаимистребленію, и въ этомъ уничтоженіи другъ друга каждая изъ сторонъ видѣла для себя основную цѣль, безъ которой не было бы у нихъ смысла для существованія. Это народное движеніе въ ту пору какъ-то не захватило Бориса, онъ казался и протекало, не заставляя Бориса переживать весь трагическій смыслъ. Во-первыхъ, въ самой перемѣнѣ власти, которой онъ долженъ былъ подчиняться, онъ относился какъ-то пассивно.

жизни. Сначала пресловутая петлюровщина идея узкой национальной программой на большевистскомъ удобреніи, затѣмъ періодъ гетманщины, въ которой онъ видѣлъ попытки реставраціи всегда ненавистнаго ему абсолютизма, и опять та же петлюровщина-не мѣшали его личной жизни, которая тогда вступила въ новыя еще неиспытанныя имъ формы ощущеній. Борисъ любилъ, и это чувство было настолько полно, что внѣ его. Онъ не жилъ. Любовь возникла ^{какъ-то} ~~кто~~ вдругъ и безотчетно какъ будто и не было ея начала.

В. Маминъ-Сибирякъ.

/ П Р О Д О Л Ж Е Н І Е С Л Ъ Д У Е Т Ъ /

Въ дни весны.

Зеленѣетъ, зеленѣетъ,
Тамъ бѣлѣетъ, розовѣетъ,
Тамъ цветы.
Все теплѣе солнце грѣетъ
И грустить душа не смѣетъ
О, мечты!...
О, безоблачныя дали
Вы нѣжнѣе, глубже стали
Въ дни весны,
Вы разсѣяли печали
Вы любить намъ приказали
Дискъ луны.

30 окт.

Устало тѣло отъ борьбы,
 А нѣтъ конца моей дорогѣ.
 Нѣтъ, не уйти мнѣ отъ судьбы,
 Кончатъ пора, устали ноги.
 И понимаю, путь далекъ,
 Идешь въ надеждѣ просвѣтленья
 Идешь - зажигаешь огонекъ
 И вновь забудешь всѣ лишенья.
 Но если непосилень путь,
 Бредешь все время одинокій
 Нѣтъ мѣста гдѣбъ передохнуть
 А впереди ждетъ путь далекій.
 Тогда, пустьъетъ мысль моя
 И цѣль становится противной.
 Но не постыла цѣль, горя
 И жду борьбы, борьбы активной.
 И силу тяжелымъ, долгимъ сномъ,
 Пока вокругъ зимы кошмары,
 И вьюга злится за окномъ,
 И крутитъ бѣсовскія пары.
 Когда жъ весны раздастся шумъ,
 И кандалы падутъ звеня,
 Восторжествуетъ правды умъ,
 Тогда разбудите меня.

К. Томарди.



Весна.

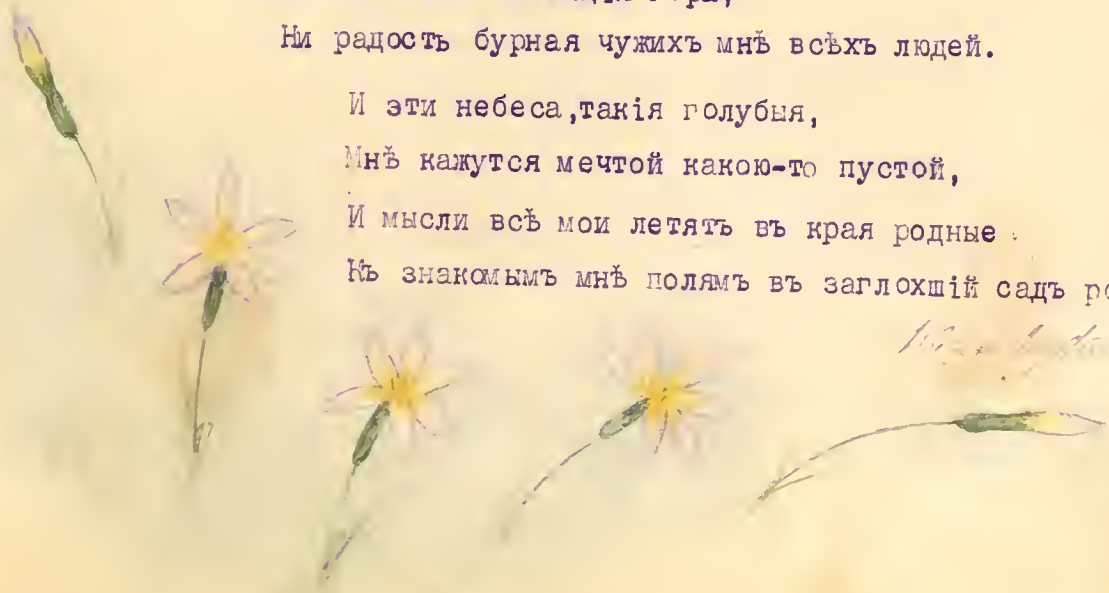
Вѣнкъ изъ нѣжныхъ розъ съ короной золотою,
 Полями черными къ намъ движется весна,
 И все живить она улыбкою святою
 И гимнъ веснѣ поетъ чужая мнѣ страна.
 Идетъ она въ цвѣтахъ, красавица земная,
 За нею листьями одѣлися лѣса,
 Ззеленѣла вновь въ поляхъ трава густая
 И краской нѣжною покрылись небеса.

Въ листвѣ большихъ садовъ запѣли снова птицы,
 Природа спящая проснулася отъ сна,
 У всѣхъ веселыя смѣющіяся лица,
 Всѣмъ счастье принесла красавица весна.

Не знаю почему мнѣ не ласкаютъ взоры,
 Ни эта теплота весеннихъ чудныхъ дней,
 Ни эти бѣлыя синѣющія горы,
 Ни радость бурная чужихъ мнѣ всѣхъ людей.

И эти небеса, такія голубя,
 Мнѣ кажутся мечтой какою-то пустой,
 И мысли всѣ мои летать въ края родные.
 Къ знакомымъ мнѣ полямъ въ заглохшій садъ родной.

В. М. Мухоморовъ





13. Scenery on the river

104 TEA Bn.

ПЯТЬ МОТИВЫ СОНАТЫ.

РАЗСКАЗЪ.

Изъ галлиполіискихъ переживаній

Быстрымъ сновидѣніемъ прошли года.
Были страсти какъ будто бы остыли.
Душа какъ будто отцвѣла,
Но прошлаго мы все же не забыли.

I.

Яркія краски вечерняго неба блѣднѣли. Прощальный отблескъ отгорѣвшаго дня, мягко ложился на землю. Наступала тихая, теплая ночь. На небѣ засіялъ мѣсяцъ. Какъ дивный серебряный щитъ, засвѣтили звѣзды. Тихо, словно нѣжно лаская, вѣетъ вѣтерокъ.

На старой, полуразрушенной лѣстницѣ, сидитъ человѣкъ. Глаза лихорадочно устремлены на небо. Онъ погруженъ въ забытѣе. Чу... Что это. Откуда-то полились дрожжащія нѣжные звуки. Гдѣ-то играла скрипка. Дрожали, плача и смѣясь, звуки... Полилась грустная и чудная соната. Какъ очарованный онъ слушалъ ее. Набѣгавъ какой-то вихрь воспоминаній и уносилъ его въ недалекое прошлое. И все прошедшее воскресло въ его памяти.

Вспомнилъ онъ Кавказъ съ величаво возвышающимися вѣчно снѣжными горами, съ его голыми скалами и узкими ущельями, среди которыхъ рева проносится грозный Терекъ.

Вспомнилъ онъ себя еще 16-нимъ юношей, съ веселымъ здоровымъ лицомъ, съ шалкой курчавыхъ вьющихся волосъ на головѣ, съ выразительными карими мечтательными глазами.

У него была очень впечатлительная натура. Еще съ ранняго дѣтства у него было большое стремленіе къ искусству.

Онъ очень любилъ музыку, въ особенности скрипку, доводившую его подъ часъ своею игрою до слезъ. О, какъ дороги были ему эти звуки, вѣдь только они и заполняли его сѣренькую, нудную, будничную жизнь. Онъ безмолвно внималъ имъ и не зналъ были ли они радостны или печальны. Да ему и безразлично было это. Онъ зналъ что очень многимъ связанъ съ этими звуками. И было ему отъ нихъ больно и вмѣстѣ съ тѣмъ пріятно...

Любилъ онъ также мечтать въ чудныя, лѣтнія ночи, въ такія, какъ вотъ сейчасъ, когда чистое небо горитъ миллионами звѣздъ... Часто, часто онъ уходилъ въ горы въ тихія, молчаливыя горы. Любовными глазами глядѣлъ онъ на нихъ и подъ грохотъ и шумъ въ безднѣ ревущаго Терека погружался въ мечты. Здѣсь было ему такъ спокойно, такъ пріятно посидѣть въ этой прохладѣ и отдохнуть отъ мірской суеты. Прохладный, слегка рѣзковатый вѣтерокъ, олагодворно дѣйствовалъ на его уставшій мозгъ...

Тянулось время... Однообразная жизнь его ничѣмъ не измѣнялась. Сегодняшній день походилъ на завтрашній и на вчерашній. Нудная, сѣрая жизнь, такъ она томительно скучна... И больное его воображеніе рисуетъ все новыя картины. Вспомнилъ онъ одинъ военный вечеръ, когда ему минуло 17-ть лѣтъ, когда поля и дуга, и сады блестяли нѣжными отблесками молодой зелени, а цвѣты весенніе, словно толпою высыпали изъ подъ травки, когда въ природѣ все ликовало, все радовалось дивному празднику года, когда птицы заливались-пѣли хвалебный гимнъ веснѣ, когда кровь бурлила въ груди, а душа и сердце просили сильныхъ ощущеній.

На одномъ вечерѣ онъ познакомился съ дѣвушкой. Этихъ знакомствъ онъ вообще сторонился, женщины вселяли ему какой-то внутренній трепетъ. И такъ онъ познакомился. Далъ былъ въ полномъ разгарѣ. Разношерстная публика заполняла залъ. Толпилась въ гости

ныхъ и коридорахъ. Было шумно и душно. Въ дивертисментъ онъ декламировалъ. Ему это удалось. Его послѣдняя фраза была заглушена громомъ рукоплесканій:...довольный собою онъ вышелъ въ корридоръ и направился въ гостинную. Едва онъ успѣлъ закурить, какъ вдругъ къ нему быстро подошла какая-то женская фигура и, вручивъ записку, скрылась. Когда въ его рукахъ очутилась записка, его почему-то охватило какое-то волненіе. Слегка дрожащими руками вскрылъ онъ ее и прочелъ слѣдующее: "Мнѣ скучно, я хандрю. Хочу новыхъ знакомствъ. Избираю Васъ. Иду у рояля. А л а я р о з а ." Перечитавъ ее раза два онъ остался сидѣть на мѣстѣ. Въ душѣ его происходила борьба. Какое-то смущеніе, радость, заставляли его сидѣть, но долгъ вѣжливости требовалъ обратнаго. Наконецъ, онъ всталъ и быстрыми шагами направился въ залъ. Ему еле удалось протиснуться. Войдя онъ сталъ глазами искать ее. Невдалекѣ отъ рояля стояла дѣвушка. Къ кофточкѣ ея была приколотая алая роза. Она была авторомъ записки. Онъ остановился въ нерѣшительности. Ему почему-то стало не по себѣ. Онъ уже хотѣлъ было повернуться обратно, но вдругъ ихъ взгляды встрѣтились. Она весело ему улыбнулась. Отступленіе было проздно. Очень смущенный, неувѣренными шагами приблизился онъ къ ней. Глухимъ взволнованнымъ голосомъ представила. Она мило кивнула ему своей головкой и протянувъ свою маленькую ручку, пріятнымъ мелодичнымъ голосомъ произнесла: - Тамара. - Онъ въ конецъ смущенный молчалъ. Она съ любопытствомъ, довольно безцеремонно разглядывала его. Наконецъ, молчаніе нарушила она.

"Уйдите отсюда, здѣсь такъ шумно и душно".

25

Онъ молча последовалъ за ней. Подойдя къ открытому окну, онъ нѣсколько разъ вдохнулъ въ себя свѣжій воздухъ. Ему хотѣлось оживить свой мозгъ, начался пускъ разговора, что было, конечно, страшно скучно. Онъ какъ-то невпопадъ и довольно вѣдливо отвѣчалъ на ея вопросы. Нѣсколько разъ она спрашивала у него одно и то же: "Что съ вами, вы-нездоровы". Да, дѣйствительно онъ былъ нездоровъ. Недугомъ его былъ страхъ, безграничный, необъяснимый...

И вдругъ на него неожиданно хлынула волна почти дикаго веселья. Въ немъ вдругъ закипѣла цѣлая тѣмная желанная словъ, смѣха, взаимно поглощающихъ другъ друга. Почему-то захотѣлось много, много говорить и долго смѣяться. Свершился переломъ.

Въ теченіе всего вечера они болтали безумолку.... Онъ провожалъ ее домой. Разстались друзьями, и когда хлопнула парадная дверь и скрыла ее за собой, онъ продолжалъ стоять, потомъ одѣлалъ неопредѣленный жестъ рукой и пошелъ домой....

Тумѣло въ головѣ, путались мысли, стучало въ вискахъ. Дома онъ легъ и постарался забыться, но тщетно. Сна не было. Нѣсколько разъ онъ погружался въ дрему. Часто, часто губы его шептали какіято непонятныя фразы, среди которыхъ можно было услышать имя-Тамара. Потомъ онъ вздрагивалъ всѣмъ тѣломъ и просыпался. Видя, что ему не уснуть, онъ всталъ и рѣшилъ писать, но что писать, о чемъ писать.

Онъ силился что-то припомнить, но мысли вихремъ проносились въ его головѣ и не было возможности ни на одно изъ нихъ сосредоточиться. Онъ сидѣлъ, понуря голову, а рука както безсознательно выводила инициалы: Т. А.

Безъ сомнѣнія онъ увлекся. да, онъ ^{уже} по^{чи} полюбилъ. Полюбилъ такъ сразу, впервые. Любовь пронзающе, больно и свѣтло, завладѣла его сердцемъ. Это была чистая любовь. Онъ не могъ побороть первыя жгучія муки ея...

Въ такомъ состояніи просидѣлъ онъ болѣе часа. Приближалось утро. На дворѣ уже пѣли птицы. Сѣроватые тоны смѣняли ~~т~~ тьму, алѣлъ востокъ. Ночь вся въ чернѣющихъ шелкахъ, ночь въ ожерельяхъ изъ яркихъ звѣздъ, ночь - коварная, милая, безумная уходила. Онъ вышелъ изъ дому и направился къ парку. Начинался шумный день. Гудѣлъ церковный колоколъ, и звукъ его принималъ тысячи отголосковъ и перливовъ. Звонили къ утрени. Онъ зашелъ въ церковь и попробовалъ молиться, но его мысли были о другомъ. Онъ переносился въ шумный, залитый свѣтомъ залъ, гдѣ было масса публики. Одни - уставшіе съ вялыми движеніями, другіе - веселые, жизнерадостные. Вотъ и она, веселая, раскраснѣвшаяся, ласково кому-то улыбается. Свое милое ^{лицо} ~~лицо~~ она погружаетъ въ букетъ сирени, который она держитъ въ рукахъ. Слышатся нѣжные звуки вальса...

"Возстаните Господеви..."

Скучная дѣйствительность заставила его очнуться, начиналась служба...

Когда онъ пришелъ домой, его поразило встревоженное лицо матери. Онъ былъ блѣденъ и страшно утомленъ. Глаза лихорадочно блестяли... Легъ, послѣ долгой борьбы уснулъ.

Итакъ, свершилось... Предъ нимъ открывалась новая жизнь, полная разнообразія и приключеній. Жизнь, которой онъ боялся и вмѣстѣ съ ^{темъ} ~~темъ~~ желалъ.

II.

Новая жизнь, ^{какъ} шумный, быстрый потокъ, хлынула на ^{нее} ~~нею~~

выбила изъ прежней жизненной колеи и чуть было не захлестнула

Все, что ранѣе его интересовало, теперь было для него пустымъ и пошлымъ. Онъ думалъ только лишь о ней. Онъ жилъ одной лишь ею. Она чувствовала за собой побѣду и.... шутя, играла съ нимъ, играла такъ, какъ играетъ котенокъ съ маленькой мышкой, держа ее въ своихъ когтяхъ. А онъ, опьяненный этой первой любовью, съ восхищеніемъ глядѣлъ на нее и съ каждой новой встрѣчей, она казалась ему еще милѣе, еще обаятельнѣе. И онъ чувствовалъ, что плѣненъ ею окончательно, что онъ всецѣло въ ея власти... а она.... она смотрѣла на него, какъ на хорошую новую игру. Она начала мучить его. Ей было, видимо пріятно видѣть его безграничную грусть, ревнивые взгляды, которыми онъ надѣлялъ каждого изъ ея знакомыхъ. Ей пріятно было видѣть его лицо подъ маскою страданій, это ее тѣшило. Ей хотѣлось смѣяться, и она смѣялась прямо ему въ лицо. Онъ затаилъ глухую обиду, но молчалъ и становился сумрачнѣе. Но достаточно было одного ея ласковаго взгляда, одной улыбки, чтобы онъ, забывъ прежнія обиды, оскорбленія, почти съ восхищеніемъ смотрѣлъ на нее, и все забывалъ. Она въ сущности была не злѣ, она просто была пустая, праздная женщина. Безалаберность ея заглушила въ ней всѣ хорошіе инстинкты....

Что же ему въ ней нравилось. почему онъ такъ сильно привязался къ ней, трудно сказать. Онъ зналъ только одно, что въ ней самой, въ ея взглядѣ, въ ея движеніяхъ, было чтото властное и вмѣстѣ съ тѣмъ чарующее, что такъ и влечетъ и манитъ къ себѣ

милъ онъ словно въ туманѣ и дѣлалъ все противъ своей воли, почти безсознательно. Эта первая чистая любовь плѣнила его. Она пьянила такъ, какъ пьянитъ человѣка первый въ жизни бокаль вина. И ему, какъ пьяному, хотѣлось неутѣшно плакать и долго смѣ-

яться. Замѣть? Такъ, просто отъ боли и счастья .

Въ такомъ состояніи былъ онъ долгое время, почти погруженный въ сладкую и болѣзненную дрему, не замѣчая ничего вокругъ, а между тѣмъ, какой-то глухой шумъ приближался къ нему. Въ воздухѣ носилось что-то тревожное. Чувствовалось приближеніе чего-то страшнаго до невѣроятія. Гдѣ-то былъ бунтъ, подавленный сейчасъ же. Но всѣмъ почему-то казалось, что это еще не все, что это только начало чего-то роковаго. Всѣ были встревожены и напряженно чего-то ждали. Нѣкоторые ходили, съ загадочной улыбкой на устахъ, лишь онъ ничего не замѣчалъ. Онъ настолько ушелъ въ себя, въ свои личныя чувства и переживанія, настолько увлекся и забылся, что положительнаго ничего не видѣлъ вокругъ. А затаенный гулъ все росъ и приближался: надвигалась гроза, страшная, кровавая съ сотнями тысячъ жертвъ. И ждали ея всѣ, затаивъ дыханіе.... Она пришла....

Не такъ еще давно отцвѣли хризантемы, въ воздухѣ какъ бы чувствовался еще запахъ послѣднихъ цвѣтовъ.... Пришла свобода. Пронеслась она надъ Русью, какъ вихрь закружила она все въ дикой пляскѣ, оставила вездѣ кроваво-бурны слѣды.... Возстала чернь. Тьма поглотила свѣтъ...

Люди, какъ очумѣлые бродили по городу и во всю силу своихъ легкихъ пѣли революціонныя, глупыя пѣсни. Многіе заоросили раоты и разряженные въ красновъ тряпье, праздно шатались. Пошло повальное пьянство, разгулъ, развратъ. Творился какой-то хаосъ, ~~какая-то~~ въ воздухѣ вѣчно цылая какофонія звуковъ, сотканныхъ изъ визга, брани, крика. Вездѣ и кругомъ толпы людей. Вотъ, на примѣръ въ узкой уличкѣ-толпа. Среди нея на чьей-то письменномъ столѣ стоитъ ораторъ. Его слушаютъ съ вниманіемъ. "Товарищи, долѣй насиліе и грабежи. Не нужно

казней. Прочь тюрьмы, да здравствует свобода, ура! И ди-
кое ура катилось по улицъ. ^{въ}рядомъ ~~ни~~ ^{переулке} совѣдней ~~улицы~~
возлѣ одного дома творилось что-то невѣроятное. Толпа
народа стояла у входа. Была сильная давка и шумъ. Каза-
лось, что домъ собираются штурмовать. Что же это было.
Это грабили домъ одного полковника, бѣжавшаго сейчасъ
же послѣ рѣволюціи, бросивъ все на произволъ судьбы.
Бѣжалъ буржуй, не пропадать же вещамъ, "бери ребята" -
и они брали, брали все, что попадало подъ руку, начиная
съ великолѣпныхъ портьеръ, ковровъ и кончая простыми ~~бв~~
бездѣлушками. Брали столько, сколько могли захватить.
У входа валялись мелкія вещи и два старыхъ массивныхъ,
разбитыхъ кресла. Толпа все росла и росла. Каждый старалъ-
ся втиснуться въ домъ.

А тамъ варадъ съ благоговѣніемъ слушалъ оратора
съ веселыми и довольными лицами. Удѣ то, что ждали они
такъ долго, пришло такъ неожиданно. Пришло освобожденіе
чуждое, лучезарное и было больно смотрѣть на этихъ оту-
пѣвшихъ отъ дикой и глупой радости людей...

Спустя немного, въ глухую, темную ночь, товарищи об-
ложили городъ со всѣхъ сторонъ. Кого ^{то} или вѣрнѣе чего-то
искали. При обыскахъ брали все, что имъ нравилось, кроѣ
того производили аресты. Утромъ группа арестованныхъ была
отправлена въ совѣтъ.

Молчали все, молчалъ и народъ. Онъ понялъ, что попалъ
впосаку. Прошло еще немного времени и по городу пронесся
слухъ, что большая половина арестованныхъ разстрѣляна
на Братскомъ кладбищѣ. Заволновался народъ, зашумѣлъ.
Сталъ требовать объясненій; закричалъ о несправедливости
но каждый изъ нихъ, увида надъ своей головой занесенную
мадыарскую руку, съ толстою нагайкой, заискивающе, притвор-
но,

жалко улыбался и...старался поскорѣе скрыться.

Съ каждымъ днемъ насиліе, грабежъ, полный произволъ, принимали колоссальныя размѣры. Аресты и разстрѣлы стали массовыми, причѣмъ уже никого не стѣснялись и разстрѣливали открыто на глазахъ у всѣхъ. Это видѣли все и молчали. Страхъ, дикій, затаенный страхъ, онъ сковывалъ всѣмъ уста. Все боялись расправы товарищей и молчали. А кровь, безвинная лилась рѣкой. На глазахъ у всѣхъ грабили, насильничали, убивали. Пьянство было повальное. Казалось, что все доброе кудато ушло, скрылось, а жестокость разгула, насилія повластно царила надъ землей.

Теперь вдругъ Хмаровъ вполне очнувшись понялъ все. Понялъ и прищелъ въ ужасъ. Его угнетала мысль, что онъ здѣсь съ ними что онъ-равнодушный свидѣтель этихъ безчинствъ.

-Бѣжать, какъ можно скорѣе, куда-нибудь подальше отъ всего этого, -думалъ онъ. И въ такомъ состояніи онъ продолжалъ жить. Часто, часто по ночамъ въ его воображеніи стояла толпа разстрѣлянныхъ и у каждаго изъ ихъ нихъ во взглядѣ онъ читалъ полный упрекъ себѣ..... Скоро онъ заболѣлъ. Одно время жизни его угрожала опасность, но молодость взяла верхъ. Да, онъ помнить и сейчасъ и нескоро забудетъ того періода времени, ко да надъ городомъ словно мухи жужжали пули и ^асрады. То шла кучка людей, завоевывать счастье народу и родинѣ. Помнить онъ тотъ вечеръ, когда по городу раскатилось ~~громовое~~ ура, и тотъ торжественный старый русскій маршъ, подъ который вошли добровольцы. Они взяли городъ Ихъ, встрѣтили колокольнымъ звономъ и перьями цвѣтами-объѣми подснежниками, устилая ими путь. Радостно гремѣли колокола церковей. Заходящее солнце нѣжно ласкало ихъ своими дрожащими лучами.

Радость была неопиcуемая. Что переживалъ Хмаровъ трудно сказать.

Черезъ нѣсколько дней онъ уже былъ въ рядахъ добровольцевъ. Встрѣчи съ нею были все рѣже и рѣже. Онъ сразу какъ-то охладѣлъ къ ней. Улеглась недавняя страсть. Онъ старался по возможности не встрѣчаться съ нею. Только теперь вспоминая все до мелочей, вполне сознательно разобрался онъ въ своем и ея поведеніи. Только теперь понялъ онъ, какую онъ игралъ унизительную и смѣшную роль, и ему было больно и стыдно за себя. И онъ постарался порвать все, выбросить ее изъ памяти.

Она замѣтила эту перемѣну. Его холодный взглядъ прямо бѣсилъ ее. Въ ней закипѣла желчь уязвленнаго, пуского женскаго самолюбія. Ей захотѣлось вернуть его къ себѣ. И стало жаль не его, конечно, а ту игрушку, которая была раньше въ ея рукахъ и которой она играла такъ, какъ ей хотѣлось.

Она дѣлала чевѣроятныя усилія, но тщетно. Уже ~~вѣдѣхх~~ слишкомъ далеко зашла она съ своей игрой. Она металась, плакала: она не могла примириться съ той мыслью, что тотъ, который такъ недавно просто боготворилъ ее, охладѣлъ внѣ ея чаръ. Она стала безумно ласкова съ нимъ, а онъ холодно принималъ ея ласки. Послѣ бурной любви наступило полное ~~ххххх~~ затишье. Она хотѣла вновь покорить его сердце, но ея чары столкнувшись съ его ледянымъ хладнокровіемъ, разсыпались, не произведя никакого дѣйствія. Это все вызвало только улыбку на его равнодушномъ лицѣ. И вотъ теперь перемѣнились роли, теперь она увлеклась имъ и почти полюбила.

Да, только поздно. Да, поздно, поздно. Любовь запоздалая не нужна. Прошлаго не воротить ничѣмъ. Потомъ, когда пришлось отступать изъ родного города, покидать семью, друзей, онъ несмотря на просьбы родныхъ, несмотря на безграничное горе матери, не ми уты не задумываясь, ушелъ.

Онъ хотѣлъ хотя бы этимъ искупить свою вину.

— III —

..Была опять весна. Земля освобожде-

лась изъ подъ зимняго покрова. Прилетѣвшія птички чирикали и цвѣли обильные подснежники; но ими не устигали пути движущейся по дорогѣ вереницъ людей. Церковные колокола молчали. Мало кто радовался. У многихъ лица были сумрачныя. Это были тѣ, которые не могли мириться съ судьбой. Они уходили. Куда неизвѣстно. Никто не зналъ, куда ихъ заброситъ судьба. Они покидали родной городъ и не знали придется ли имъ побывать здѣсь. Въ числѣ ихъ былъ онъ — Хмаровъ, спокойный и рѣшившійся

IV.

Мелькнули года, и вотъ онъ здѣсь въ Меллиполи....

На мгновенье онъ очнулся.

Соната, волшебная, страстная соната все шире и шире разливается. Каждый аккордъ ея живетъ и теплится, и тоскуетъ, и мучится, и рыдаетъ, и смѣется, и ловить другіе аккорды, чтобы вмѣстѣ своей гармоніей встучаться въ его больную, измученную душу.

и съ каждымъ этимъ нервно вздрагивающимъ мотивомъ воспоминанія просыпались все ярче и ярче.

и чудится ему задумчивый, таинственный говоръ чинаръ и монотонный шумъ ручья.

Вотъ и старый заглохшій садъ.

Кусть сирени, прильнувшій своими вѣтвями къ его низкому окну и ея живительный приторный ароматъ наполняютъ его комнату. Гдѣто далеко, далеко замирающая, чудная пѣсня.

и ему хочется уйти въ себя, не видѣть ничего вокругъ какъ это было раньше. Хочется забыться, не думая ни о чемъ. Да все прошедшее, все быстро мелькнувшее, не скоро забудется.

и сирени все так же

Оно не поблекнетъ, какъ бы ни была мрачна жизнь. Ужъ слишкомъ дорого оно человѣку...

А сонета то замираетъ, то слова съ удвоенной энергіей молить о любви, о ласкѣ. Она и плачетъ и смѣется.

Да, прошло, мелькнуло безвозвратно счастье.

А голосомъ, наполненнымъ гонимой тоской и отчаяніемъ взывалъ онъ къ провидѣнію, но чувствовалъ, что спазмы сжимаютъ ему горло и слезы готовы брызнуть изъ глазъ.

Хочется плакать слезами оскорбленнаго и забытаго всѣми чловѣка.

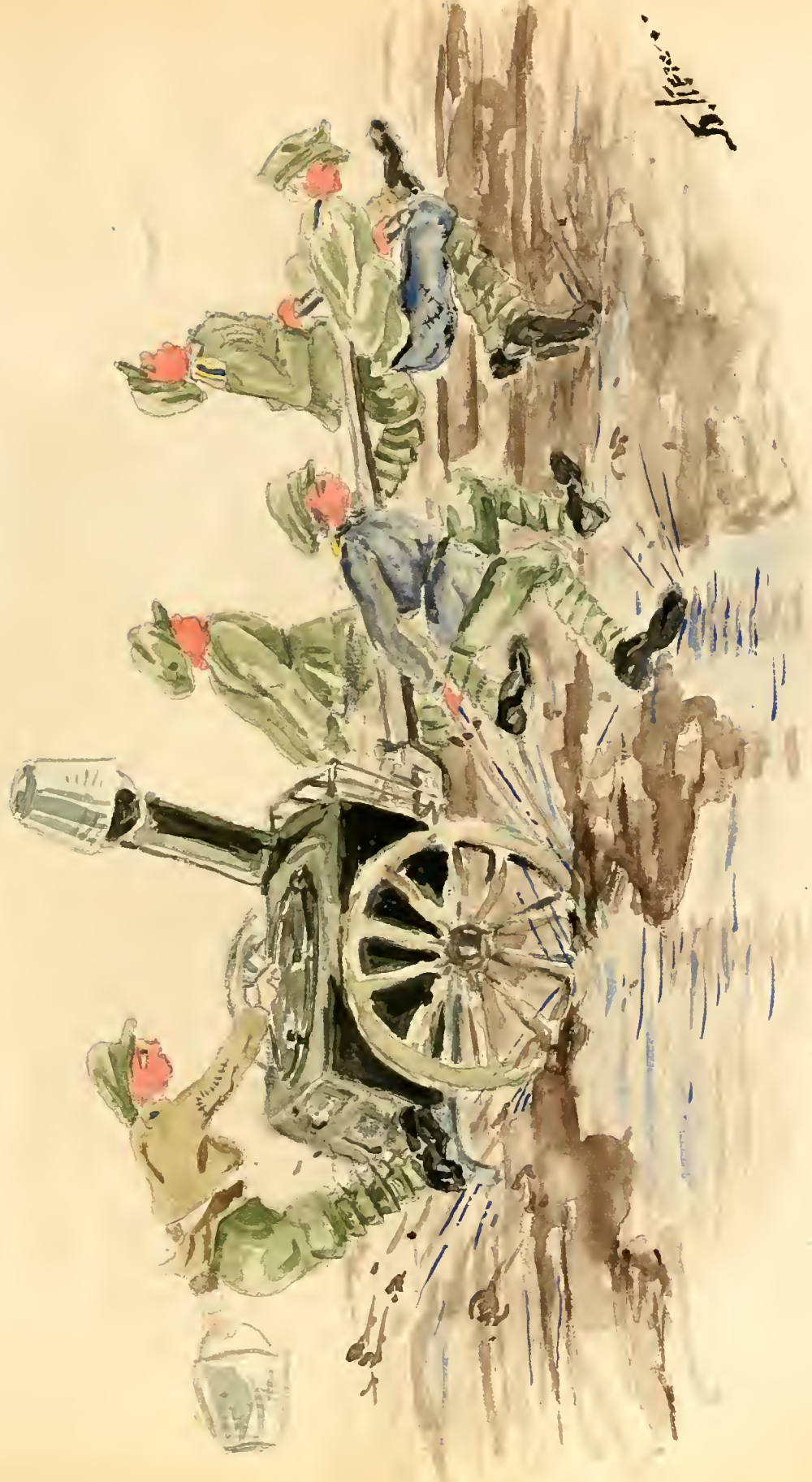
Окучная, полуголодная жизнь.

Впереди безпросвѣтное будущее. Скоро ли конецъ всему. Эти навязчивые вопросы лезутъ противъ воли въ голову и нѣтъ силъ отгнать ихъ.

17 іюля - 15 октября 1921 года

Г А Л Л И П О Л А .

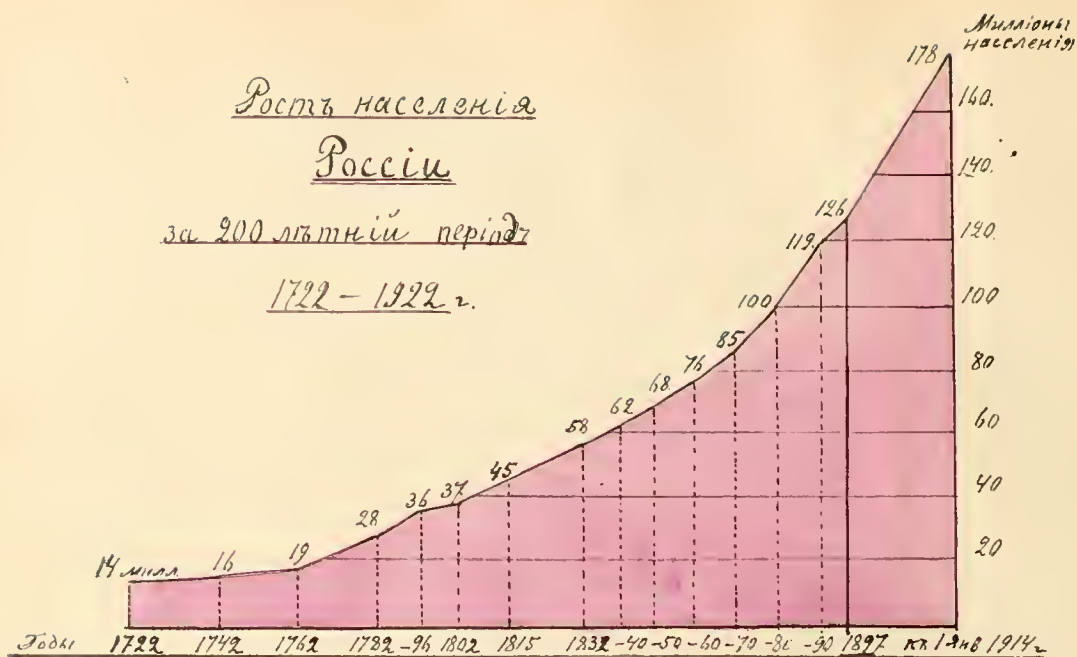
Н. Каренин



К. 11/11

Организуем бодобоев

1722-1922 v.



Статистик Комитета Давали возможность роста населения России
по 1 ян. 1914 г. как изображено на рисунке. Весенно. 10 разлив.

Если бы не мировая война, не революция, а пав. во. не царство
большевизма, то к двукратному со времени 1^{го} переписи ^{населения} в России
было бы. в 1925 г. росло бы 200 миллионов человек. Надо бы, а не

...и население России увеличилось в 1,7 раза (с 1870 по 1913 г.)

A. Amundsen



Лѣсъ дремучій тайны полонъ
Лѣ немъ красавецъ-витязь слить,
Злою силой околдованъ
Иного лѣтъ онъ тамъ лежитъ.
Лишью все кругомъ объято
Звѣрь въ кустахъ не промелькнетъ,
Вѣтеръ листьевъ не колышетъ
Хоръ пернатыхъ не поетъ.
Но лишь только ночь настанетъ,
Плыветъ мѣсяцъ изъ-за тучъ,
Межъ вѣтвей засвищетъ вѣтеръ,
Оживетъ вдругъ лѣсъ могучъ.
Лѣній дико захохочетъ

Замелькають олоньки,
Хороводъ русалокъ встанеть,
чтобъ заплести себѣ вѣнки.
Малобно застонеть филинъ,
Разсѣкая ночи шлу,
пролетитъ по небу вѣдьма,
Осѣдлавъ свою метлу.
Замелькають въ чащѣ темной
Торды звѣрскія бѣсовъ,
Разнесется гуломъ эхо,
Отъ ужасныхъ голосовъ....
И проснется витязь сильный,
встаетъ и поидетъ вокругъ,,
Ищетъ силась до разсвѣта
Разорвать волшебный кругъ.
Понапрасну витязь бродить,
Забѣлветъ лишь востокъ,
и прохладною повѣсть
Предразсвѣтный вѣтерокъ,
мигомъ сгинетъ злая ялаа:
Проискавъ ночь напролетъ
съ тяжкимъ вздохомъ на поляну
ляжетъ витязь и заснетъ.
такъ проходитъ годъ за годомъ,
Перемѣны нѣтъ какъ нѣтъ,
Гуще зарастаетъ чаща
не проникнетъ солнца свѣтъ.
но настанетъ день великій,
небывалый, чудный день.

Ярко солнце засіяетъ,
Разсѣкая ночи тѣнь.
Только лучъ его играя
на полянку упадетъ,
Распадутся злыя чары
и откроется проходъ....
Встанетъ богатырь могучій,
и
Выйдетъ изъ лѣсу опять,
и поидетъ бродить по свѣту,
славы подвиги свершать.

И. Бунинъ:

Тяжелое.

Тяжело и грустно, свѣту не видать,
 въ даль заглянешь - пусто, больно вспоминать.
 Все бывшее - мило, ярко возстаетъ,
 то, что только было - душить и гнететь.

Отчего все свѣро отовсюду смотреть,
 Отчего идутъ всѣ сумеречно дни,
 Отчего мнѣ солнце яркое не свѣтитъ
 не разбудить сладкія мечты.....

на душѣ уныло, на душѣ темно,
 и ничто не мило. Все не то... не то...
 Какъ-то свѣро, скучно.... неутно, грязь,
 ходятъ мысли кучно, не вступая въ связь.

Ходишь, какъ безумный - отъ окна къ двери
 и обратно, грустно мѣрять шаги,
 Ходишь и не смотришь, что кругомъ идетъ,
 чтобъ хоть нанемного дать себѣ отчетъ.

23 марта 1922 года
 Горная джумая.

А. В. Бонаровъ

ВАРНА.

Прошло нѣсколько томительныхъ дней, и мы дождались разгрузки парохода. Грязная и черная отъ угля пристань, еще носящая на себѣ слѣды мѣрсовой войны, залита лучами солнца, подъ которыми такъ пріятно работать зимой... али солдаты и офицеры заняты пріемомъ грузовъ съ парохода. послѣ вечерней молитвы, которая была у насъ на носовой палубѣ, я остался полюбоваться Варной.

Первый разъ сегодня Варненская бухта мнѣ показалась красивой. Справа отъ парохода моль съ его сутолокой разгрузки. Горизонтъ подернутъ пеленой тумана. Лѣвый берегъ бухты вырисовывается такими нѣжно-лиловыми бархатистыми красками на блѣдно-голубомъ, готовомъ померкнуть небѣ. Какъ ласкаютъ взоръ и какая гармонія въ сочетаніяхъ умирающей бирюзы чеба, ослѣпого снѣга и темнѣющей клочками земли. А тамъ на западѣ алый закатъ смѣшался съ дымомъ пароходовъ. Крыши и куполы домовъ возносятся ввысь, точно въ порывѣ къ свѣтлому и недоступному. У пристани въ пурпуръ воды стоятъ пароходы, дымя трубы, словно "буржуй" послѣ сытнаго обѣда.

Вдали у подножья горъ, подъ багровыми отблесками темнѣютъ какіе-то строенія... ихъ робкіе огоньки разгораются все ярче среди спускающихся тѣней вечера. Пройдетъ еще нѣсколько мгновений, и скромные огни бросятъ отблески въ зеркальную гладь бухты. Она сейчасъ окрашена заходящимъ солнцемъ въ ~~красные~~ самые изысканные цвѣта, то въ холодно-серебряный опалъ, то въ страстно-багровый рубинъ... бѣстами краски пьются, словно вуаль восточной вакханки. Ближе къ пароходу тона все грубѣе, и уже около самаго борта стоитъ неопредѣленного цвѣта вода гнуснѣшей клоаки.

Н. Шавовъ

25
Защѣмъ живу на свѣтѣ я,
Защѣмъ терплю тоску и скуку,
Вѣдь вы же видите, друзья,
Мои страданія и муку
два года, какъ оставилъ домъ,
Отца, сестру и мать родную,
А жизнь бѣжитъ, какъ страшный сонъ
И съ болью въ сердцѣ я тоскую.
Не помню я той нѣжной ласки
Любимой матери своей,
Нарисовать не хватитъ красокъ
Всей тяжести души моей.
Пройдутъ года, пройдетъ и горе
И снова все воскреснетъ тамъ
И разсвѣтетъ "родное поле"
Тогда за Русь свой долгъ отдамъ.

П. Шандо.



Медв.

У Горной Дрыман



КРАСНЫЙ АРЛЕКИНЪ.

И Русь горитъ. Играетъ буйный пламень
И грудь болитъ отъ ужаса картинъ,
А въ силуэтахъ каменныхъ развалинъ
Хохочетъ Красный Арлекинъ.

О, сѣтлоокая, далекая царица,
Воспѣтая въ стихахъ родныхъ былинъ,
Бѣдь надъ тобою въ блескѣ огненной зарницы
Хохочетъ Красный Арлекинъ....

О, нѣжная, наивная принцесса,
Не дожила ты до своихъ сѣдинъ
Бѣдь надъ тобою въ звукахъ адской мессы
Хохочетъ Красный Арлекинъ....

Надъ втоптанными въ грязь любовью, красотою,
Надъ мертвымъ ужасомъ пустыхъ равнинъ,
Надъ дѣтски-чистою чудесною душою
Хохочетъ Красный Арлекинъ....

А. Н. Купцовъ

"ИСХОДЪ КЪ ВОСТОКУ: ПРЕДСКАЗАНІЯ И УТВЕРЖДЕНІЯ ЕВРАЗИЙЦЕВЪ". библіографія

Книга эта выпущена въ Софіи въ 1921 году и представляет из себя сборникъ статей, посвященныхъ злободневнымъ вопросамъ современности. Вопросы эти не могутъ не интересовать насъ-русскихъ, находящихся за-границей, такъ какъ основная идея, проходящая красной нитью черезъ всю книгу содержитъ въ себѣ утверждение, что Россія-культурный міровой центръ ближайшаго будущаго, при чемъ основаніемъ новой національной самобытной культуры будутъ начала доказанныя кровавой практикой русской революціи-отверженіе социализма и утвержденіе церкви. Назначеніи русской революціи въ этомъ отношеніи знаменательны слѣдующія строки изъ вступленія къ этому сборнику: "Мы признаемъ, что только благодаря поставленному большѣвниками вопросу о самой сущности существующаго, благодаря ихъ дерзанию, по размаху, неслыханному въ исторіи, выяснилось духовное и матеріальное убожество социализма и спасающая сила религіи. Имѣстъ съ огромнымъ большинствомъ русскихъ людей мы видимъ, какъ церковь оживаетъ въ новой силѣ благодати, вновь обрѣтаетъ пророческій языкъ мудрости и откровенія. "Эпоха науки смѣняется вновь "эпохой вѣры", не въ смыслъ уничтоженія науки, а въ смыслъ признанія насилія и кощунственности попытокъ разрѣшить научными средствами основныя, конечныя проблемы существованія."

Второй кардинальной мыслью настоящаго сборника является утверждение, что будущая національная культура нашей родины неразрывно связана съ цѣлымъ кругомъ народовъ евразійскаго міра-связанныхъ съ Россіей въ силу существующаго между ними сродства душъ, а также общности экономического интереса къ такимъ народамъ относятся цѣлый рядъ населяющихъ Евразію туранскихъ и монгольскихъ племенъ, а также и молодой народъ-американскій. Переходя къ доказательству этого своего положенія, авторы статей сборника детально анализируютъ происшедшую въ Россіи національно-культурную катастрофу, ища въ историческомъ развитіи народа ея объясненія.

До міровой войны 1914 года Россія, по опредѣленію Ф. Уэльса, была "современнымъ цивилизованнымъ государствомъ западнаго типа, правда, не дисциплинированнымъ и безпорядочнымъ изъ существующихъ". Происшедшая революція 1917 года сразу измѣнила представленіе о Россіи, которая явила міру примѣры величайшаго разгула народной стихіи, въ которыхъ чувствовалось историческое вліяніе западно-бунтарскаго востока, неразрывными нитями связаннаго съ Россіей. Изъ прежняго западнаго государства, послушно повторявшаго въ 19-омъ вѣкѣ исторію культурнаго развитія по рецепту романо-германскихъ культуртрегеровъ, смутно начинають вырисовываться въ обликъ русскаго народа новыя черты, указывающія на предстоящую ей культурно-историческую роль въ міровой исторіи. Авторъ статьи "Сила слабыхъ" такими словами опредѣляетъ вырисовывающееся значеніе культурно-историческаго итога русской революціи: "не коммунистической заразы боится Европа, когда пытается окружить Россію заставами. Европа поняла, правда, еще неотчетливо, скорѣе ощутила, грядущій итогъ русской революціи, и уже содрогнулась передъ нимъ и при яля мѣры защиты. Она поняла, что итогъ этотъ опредѣлится не революціонной энергіей русскаго коммунизма, а исторической предопредѣленностью всего русскаго народа." Съ началомъ революціи русская интеллигенція, интернаціонально образованная, но обезличенная продолжительнымъ перениманіемъ культурныхъ достиженій чужой романо-германской культуры, не способная создать творчески національно-самобытную культуру въ полномъ единеніи съ народными низами, оказалась въ лицѣ лучшихъ и наиболее достойныхъ своихъ представителей выброжденной за бортъ, за-границу, а народъ остался въ рукахъ отдѣльных бредовыхъ утопистовъ, проявившихъ однако достаточную силу устремленій въ достиженіи своихъ фантастическихъ идеаловъ. И востъ не собственнымъ опыту русская интеллигенція убѣждается на чужбинѣ въ быдности и изжитости чужого, и въ цѣнности и самобытности своего, которое раньше представля-

дось такія ничтожныя». Народъ же собираетъ свои силы въ коллективное бореиіе и въ исканіи нравственной правды. Въ разнѣй обстановкѣ, но оба хххххх черезъ великое страданіе, "низы" и "верхи" русскаго народа долж прійти въ концѣ концовъ къ одному и тому же: къ національно-самостной культурѣ. Это будетъ день возрожденія русскои мощи и русскаго ге- нія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возрожденіемъ русскои православной церкви, которая одна можетъ явиться основніемъ для прочнаго культурнаго сою за между народомъ и интеллигенціей. Религія въ противѣсъ материа.. стическому социализму выдвигаетъ проблемуся освобожденія личности отъ уничижающаго оленія государства. Объ этомъ особенно ярко пи- деть въ той статьи "спеха вѣры" - Сувчинскій.

В статье "Миграция культур" авторъ доказываетъ, что Евразіи-культурный центръ ближайшаго будущаго уже: съ чисто географической точки зрѣнія. Онъ постепенно указываетъ на перемѣщеніе культурныхъ центровъ изъ мѣстностей съ болѣе высокой, одовой т-рой въ мѣстности съ болѣе низкой-съ юга на сѣверъ. При этомъ онъ даетъ слѣдующія интегрисныя данныя:

в областях с т-рой около 10 гр.д., возникновение Франкской культуры
от 1000г. до Р.Х. до настоящего времени
в областях со средней т-рой около 5 гр.д. и выше/Минисберг-трежия я
столица Пруссии/.

можно назвать и "АДЗ", причисляя к ней и всецело восточной России
штатов и области северной, центральной и восточной России
/Москва, Казань, Екатеринбург и Иркутск/. Конечно это есть только
предположение, основанное на данных географической науки, а не науч-
ное доказательство, но все же оно может существенно подтвердить наше пред-
положение будущей культурно-исторической роли России.

двѣ народа, молодые, свѣжіе, цвѣтутъ надеждой: это Россія и Америка.

въ этой же статьѣ авторъ доказываетъ всю неосновательность доктринъ западниковъ и славянофиловъ пытавшихся опредѣлить будущія культурно-историческія судьбы нашего отечества. Взглядъ западниковъ базировался на томъ, что признавалось аксіомой необходимость историческаго пролога для каждаго народа, при чемъ современная романо-германская культура, имѣющая корни въ далекомъ прошломъ-гимн и Греціи, была въ ихъ представлении наследницей всѣхъ сокровищъ культурно-историческаго творчества міра. Народы стоявшіе внѣ этой почетной наследственности были, по ихъ убѣжденію, обречены на прозябаніе и въ лучшемъ случаѣ лишь на послушное перениманіе культурныхъ достижений романо-германцевъ. Славянофилы, какъ будто съ перваго взгляда противорѣчашіе западникамъ, тоже не были чужды этой историческаго предразсудка, они только прибавляли новый народъ къ числу народовъ историческихъ, народъ русский, искусственно создавъ его генеалогію отъ Византии и Іерусалима. Только Герценъ преодолевъ понятіе историческаго народа вполне и имѣя его историческія предсказанія не опирались на идею предопредѣленности историческаго процесса. Лишь онъ не возводилъ историческихъ подпорокъ глядя только впередъ.

Флоровскій считаетъ, что культурно-историческое предопредѣленіе народа не стоитъ ни въ какой связи съ уже достигнутымъ культурнымъ опытомъ въ прошломъ, только свободное вдохновеніе всей нации въ цѣломъ можетъ явиться основаніемъ для выполненія мессіанской задачи данного народа. Для того, чтобы разгадать культурно-историческую задачу Россіи надо вглядѣться внимательно въ историческое ея прошлое.

..... "Нити паутинной тонкости тянутся отъ Достоевскаго и Толстого, отъ Гоголя и Самарина, отъ отца Амвросія и преподобнаго Серафима куда-то назадъ въ заволжскія чащи, къ нилу Соркому и преподобному Сергію, а оттуда на югъ и даже на раскаленные пространства Ливаиды. Не въ Петербургъ, не въ древне-стольномъ Кіевѣ, не въ Новѣ-городѣ и даже не въ матушкѣ-москвѣ, а въ уединенныхъ русскихъ обителяхъ, у преподобнаго Сергія, у Варламія Лутинскаго, у Кирилла Бѣлоозерскаго, въ Саровѣ и въ дивѣевѣ чувствуется напряженіе русскаго народнаго и православнаго духа. Здѣсь издревле лежали средоточія культурнаго творчества. И понынь развѣ не незримый градъ Китежъ, въ далекой льдной глуши на берегахъ завороженаго озера, въ домъ лишь върушаему взору, притягиваетъ къ себѣ магическимъ очарованіемъ разложенныя струны національной стихіи.

Вотъ эту особенность русскаго культурно-національнаго самосознанія надо имѣть въ виду будущимъ строителямъ Россіи, помня, что прочную постройку государственнаго зданія нельзя построить внѣ православной религіозной идеалогіи. Фактъ отрицанія религіи и коштунственное издѣвательство ольшескихъ, конечно, не смогли вытравить этой идеалогіи, заложенной на самое дно русской народной души..

Кн. Трубецкой въ талантливой статьѣ "Объ истинномъ и ложномъ націонализмѣ" отвѣчаетъ на трудный вопросъ современности, поставленный во всю ширину передъ всеми русскими людьми: какимъ долженъ быть истинный націонализмъ вообще, а въ частности націонализмъ русский. У Романо-германцевъ отношеніе къ своей культурѣ эгоцентрическое-они безсознательно считаютъ себя центромъ вселенной, лучшей и совершеннѣйшей расой". Такое эгоцентрическое отношеніе къ самому себѣ выливается въ конечномъ итогѣ или въ узкій національный шовинизмъ/нѣмцы, французы/ или въ лучшемъ случаѣ шовинизмъ романо-германскій, отрицающій возможность существованія въ мірѣ другой культуры, кроме той, которая создана общей работой всѣхъ культурно-романо-германскихъ народовъ въ цѣломъ. Авторъ указываетъ, что самымъ лучшимъ способомъ совершенствованія личности является слѣдованіе старому завету Сократа: "познай самого себя". Если же самопознаніе по отношенію къ индивидууму являлось самоудовольствующей цѣлью, исчерпывающее собой все доступное отдѣльному человеку счастье, всю доступную ему нравственность и духовную красоту, то такимъ же универсальнымъ принципомъ является оно и для коллективной личности народа. Результатомъ самопознанія народа явится самообъясненіе національна

культура... народъ позналъ себя самого, если его духовная природа, его индивидуальный характер находятъ себя, наиболее полное и яркое выражение въ его самообытной національной культурѣ, и если эта культура вполне гармонична. Стилія разныхъ національных культуръ другъ отъ друга тѣмъ больше, чѣмъ различные національные характеры этихъ двухъ народовъ. Поэтому авторъ и считаетъ невозможной общечеловѣческой культуру, такъ какъ она будетъ удовлетворять лишь матеріальныя потребности, либо навязетъ народамъ формы жизни, вытекающіе изъ національнаго характера только одного изъ народовъ, наиболее яркаго и жизнеспособнаго.

Что же касается Россіи, то по мнѣнію автора, въ ней еще не было культурнаго націонализма, основаннаго на коллективномъ самопознании. Одна часть интеллигенціи стремилась стать настоящими европейцами, презирая свою отсталую родину и углубляя пропасть между собою и народными низами, жившими еще старыми культурными навыками, приобретенными въ далекомъ историческомъ прошломъ. Другіе понимали подъ націонализмомъ только стремленіе къ великодержавности, къ внешней военной и экономической мощи, къ блестящему международному положенію и для этихъ цѣлей считали необходимымъ приближеніе къ западнымъ образцамъ и приемамъ управленія. Появилась проповѣдь необходимости руссификаціи въ подражаніе германской политики "онѣчаванія". Будущее нашей родины должно ознаменоваться устремленіемъ всѣхъ частей народа къ созданію національной культуры, основанной исключительно на собственномъ нашемъ историческомъ опытѣ.

Въ статьѣ "Верхи и низы русской культуры" вскрываетъ причины того распада культурныхъ силъ и всего зданія нашей родины, которое произошло тотчасъ послѣ большевистскаго переворота. Славянство въ историческомъ прошломъ раздѣлилось на три вѣтви изъ которыхъ каждая въ своемъ культурно-историческомъ пути пошла по собственной дорогѣ. Западные славяне/поляки и чехи/подпали подъ сильное вліяніе романо-германской культуры, которая цѣликомъ приняла въ свою сферу. Южные славяне/балканскіе/создали подъ непосредственнымъ вліяніемъ греціи свою самостоятельную балканскую культуру, которая въ оудущемъ исторически примкнетъ къ Россіи.

Восточные славяне/великоруссы, малоруссы/ въ своемъ развитіи испытывали сперва сильное вліяніе Византіи, которое довольно органически прививалось какъ въ верхахъ, такъ и въ низахъ народнаго самосознанія. Эпоха Петра Великаго вырвала колоссальную тропать между верхами и низами, такъ политика искусственнаго прививанія романо-германской культуры имѣла слѣд. результаты: европейской правосознаніе и государственное мышленіе усваивалось съ ослѣплымъ трудомъ русскимъ верхамъ, и совершенно проходило мимо сознанія низовъ, продолжавшихъ жить византійскими культурными навыками и завыгами еще болѣе отсталаго историческаго прошлаго. Да и верхи прикасались къ романо-германской культурѣ весьма поверхностно, замѣствуя главнымъ образомъ достиженія въ области матеріальной культуры. Но настоящаго времени приходится наблюдать явленіе, когда русскій талантъ, пытаеся, оставаясь въ рамкахъ европейской культуры, дасть что-нибудь національно-самобытное, они ввалились въ свое творчество или византійскій или восточный элементъ/особенно въ музыкѣ/. Но все же чужое культурное вліяніе сдѣлало свое дѣло, и и даже великіе художники не смогли преодолѣть пропасти, образовавшейся между самосознаніемъ верховъ и низовъ націи: музыка Римскаго-Корсакова всегда принципиально отличалась отъ русской народной пѣсни, а картины Васнецова и Местерова — отъ подлинной русской иконы.

Историческое развитіе романо-германской культуры и культуры русской шло разными путями. Русскіе культурные низы соприкасались со степною культурой угро-финскихъ народовъ и другими культурами Азии/тюркскими вообще/. Это сказывалось на народномъ художественномъ творчествѣ: народныя русскія пѣсни сложены по пѣчатонной, индокитайской гаммѣ/ошкаръ, сибирск. татары, монголы, лирия и индокитай/, а въ ритмическомъ отношеніи въ русскихъ пѣсняхъ нѣтъ романо-германскихъ трехдольныхъ ритмовъ/вальсы и мазурки/. Но же отличіе и въ танцахъ: русскіе танцы гораздо ближе подходятъ къ восточнымъ, чѣмъ къ западнымъ. Въ народномъ харак

57
терь есть много точек соприкосновения съ туранскимъ востокомъ. У русскихъ съ азіатскими народами существуетъ расовая симпатія, особенно бросающаяся въ глаза при ихъ совместномъ общеніи. Наклонность къ созерцательности и приверженность къ порядку въ религіи связываютъ Россію съ неправославнымъ востокомъ, а удалъ русскихъ богатырей-добродѣтель - чисто степная, понятна тюркамъ. Вообще слѣдуетъ сказать, что татарское иго много способствовало взаимной ассимиляціи русскихъ съ кочевымъ востокомъ, отъ котораго и даже въ 20-омъ вѣкѣ врядъ ли удастся отвѣдаться. Историческое прошлое, какъ несчастная наслѣдственность передается изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Поэтому-то такъ и стихійно-быстро рухнула романо-германская надстройка эпохи Петра Великаго въ дни нашей несчастной революціи. Русская интеллигенція, не имѣвшая органической связи съ низами своего народа, оказалась лишенной и авторитета и вліянія. Все это - хорошій урокъ для будущаго, когда мы вѣримо, культурное строительство новой Россіи будетъ построено на согласованномъ самопознаніи всѣхъ частей націи, безъ забвенія культурныхъ навыковъ и вліяній далекаго прошлаго.

Въ послѣдней статьѣ сборника "Континентъ-Океанъ" Сувчинскаго проводится экономическое обоснованіе будущаго взаимнаго культурнаго сожителства народовъ Евразіи. Авторъ указываетъ прежде всего на чрезвычайное значеніе стоимости провоза товаровъ на интенсивность промышленнаго развитія данной страны, при чемъ онъ подчеркиваетъ на сравнительную дешевизну морского транспорта надъ сухопутнымъ. Страны, не пользующіяся въ силу своего географическаго расположенія морскимъ транспортомъ поставлены въ исключительно невыгодное положеніе въ экономическомъ отношеніи. И къ такимъ странамъ относится прежде всего, затѣмъ Канада и С. А. С. Штаты въ вѣрной своей части, а также и другія государства восточной Азіи. Сочетаніемъ признака исключительно далекаго отстоянія Россіи отъ берега моря съ признакомъ замерзаемости ея морей и ихъ замкнутости, она поставлена вообще въ обстановку, не имѣющую подобій въ остальномъ мірѣ и порождающую рядъ проблемъ, въ ея предѣлахъ неслыханныхъ. Къ этой обстановкѣ приолижаются Канада, С. Америка и Китай. Для всѣхъ этихъ странъ стоитъ неотвратимая перспектива быть задворками міроваго хозяйства, такъ какъ и производитель и потребитель въ силу ея океанической обездоленности принужденъ оплачивать чрезвычайно высокій тарифъ внутриконтинентныхъ перевозокъ до морского берега. Единственный способъ избѣжать тяжелыхъ экономическихъ прозябаній заключается въ завязкѣ внутриконтинентнаго обмена между заинтересованными странами. Такъ, исходя изъ экономическихъ соображеній авторъ доказываетъ ихъ взаимную оборотную возможность объединеннаго строительства народовъ, населяющихъ Евразію.

Въ итогъ можно подчеркнуть, что все вопросы, затронутые въ настоящемъ сборникѣ, будучи весьма интересными особенно для данного момента, разрешаются лишь только путемъ наивѣрнѣйшихъ нашего дальнѣйшаго культурнаго строительства, а иначе мы и не можемъ: настоятельно слѣдуетъ теперь хитро водворить политическихъ и экономическихъ проблемъ въ современности. Во всякомъ случаѣ настоящій сборникъ даетъ много пищи для разму, такъ долго находящемуся въ состояніи безцѣльнаго покоя въ условияхъ нашей "Робинзоновы" жизни.

9 апрѣля 1922 года
Горная джумая

Kalobol

1000 1000 1000

Commercial. Ammonia
1000 1000
1000 1000

Wm. W. W.
14 August 1922

1000 1000 1000



АЗ

КОНСТАНТИНОВЕЦЪ.

Апрель 1922 г.

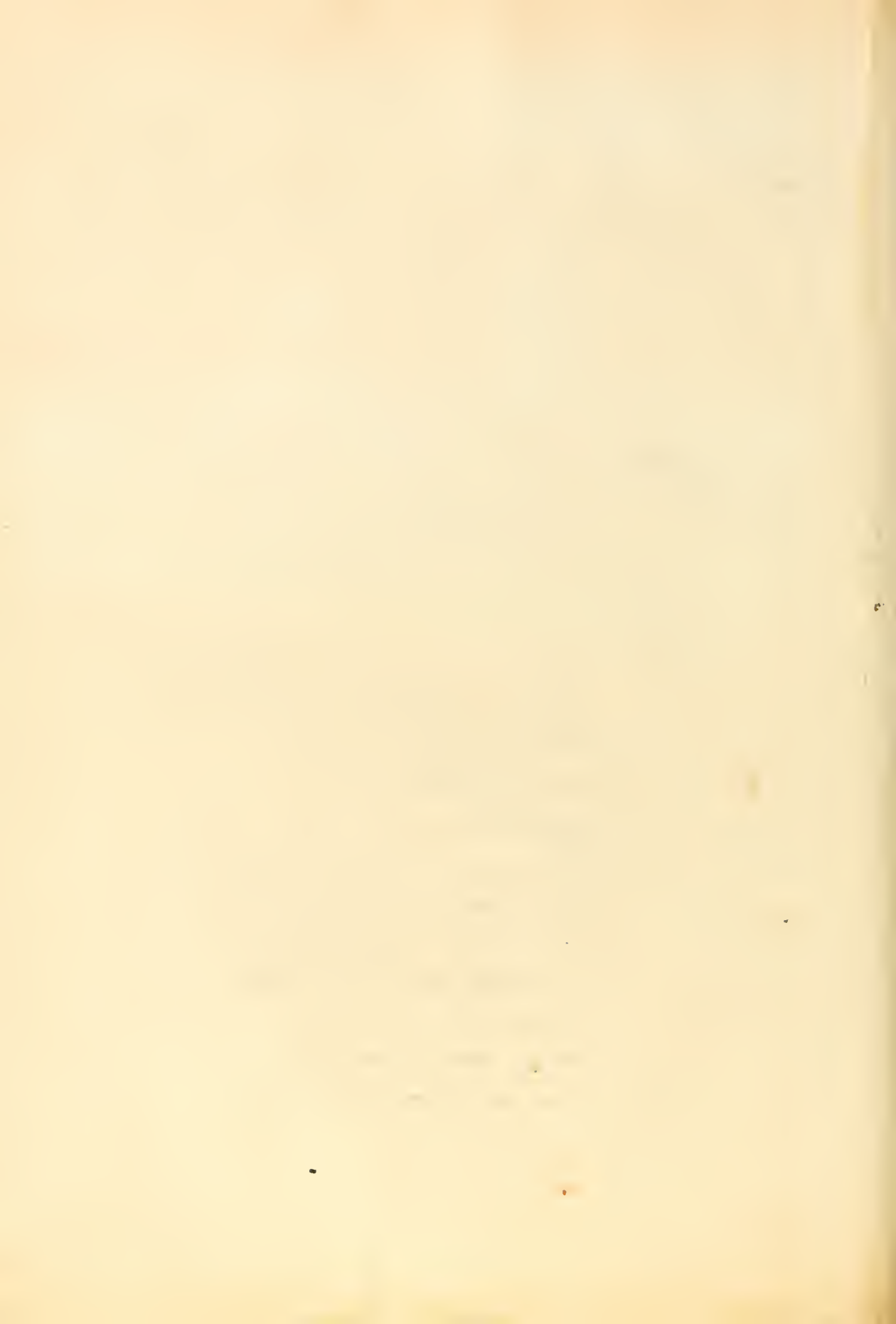


КОНСТАНТИНОВЕЦЪ

№3.

ГОРНАЯ-ДУСМОНА

АПРѢЛЬ 1922





Вотъ предо мной она стоитъ,
Красавица достойная,
Огнями яркими горитъ
Москва Первопрестольная.
Пасхальный день встрѣчаютъ тамъ
Трезвономъ нѣжнымъ радостнымъ,
По Воробьевымъ всѣмъ горамъ
Гудитъ онъ пѣсней сладостной.
Играетъ въ жилахъ бурно кровь,
И звонъ тотъ душу радуетъ.
Сковала всѣхъ въ одно любовь.
Россія Пасху празднуетъ...

* * *
Сейчасъ же тамъ она стоитъ
Ободрана, невольная.
Огнями больше не горитъ,
Москва Первопрестольная.
Пасхальный день проходитъ тамъ
не такъ, какъ раньше, сладостно
и не гудитъ по тѣмъ горамъ
трезвонъ веселый, радостный.
Застыла въ жилахъ темныхъ кровь,
Страдаетъ Русь великая.
Забыли всѣ свою любовь
въ угарѣ пира дикаго.

* * *

Настанетъ день, исчезнетъ гнеть,
воскреснетъ Русь страдальца.
Москва родная разцвѣтетъ,
Какъ русская красавица.

И предо мной возстанетъ вновь
Красавица достойная,
Россіи гордость и любовь
Москва Первопрестольная.

Апрѣль 1922 года

Михаилъ Мухоморовъ





ВЫЗОВЪ

Ты побѣдилъ опять Неумолимый,
жестокій, вѣчный, неизмѣнный рокъ;
Съ тобой борьбою обезсиленъ,
Противиться тебѣ я болѣе не могъ.
Я проигралъ, одинъ ударъ могучій
Ты мнѣ нанесъ, и я поверженъ въ прахъ,
Гроза проходитъ такъ, все сокрушая,
Рождая въ людяхъ безпредѣльный страхъ.
Гляжу назадъ; гдѣ стройныя картины,
Что я въ волшебныхъ грѣзахъ вызывалъ.
Миражъ пустой, обманъ иль призракъ счастья
въ жизнь воплотить безумный я желалъ.
Все кончено; безъ цѣли, безъ желаній
Смотрю впередъ: красивая мечта
Ушла, и въ мысляхъ безотрадныхъ,
И въ жизни впереди осталась пустота.
Она гнететъ, она не успокоитъ
души измученной, истерзанной, больной,
Забвенья не даетъ, подобно смерти вѣчной,
Лишь сторожитъ печаль, какъ вѣрный часовой.
Итакъ, опять я на распутьи, какъ и прежде,
Одинъ, наединѣ съ самимъ собой;
Все прошлое, во что я свято вѣрилъ,
Разрушено безжалостно тобой.
Но я опять возстану съ новой силой

Помѣряться съ Тобой, мой злѣйшій врагъ,
желанье побѣдить и жажду отомщенья
внушаетъ ты, а не безумный страхъ.
Я буду твердъ. Скрывъ лицо забраломъ,
Одѣвъ броню, что мнѣ сковалъ Ты самъ,
Я жду борьбы. Тебѣ бросаю вызовъ.....
Я не боюсь Тебя, - Тебѣ отпоръ я дамъ.....

И. Рутковский

26 апрѣля 1922 года





Пасхальный рассказъ.

Хотя это было давно, но я все же хорошо помню, когда это было. Это было въ счастливые, незабвенные дни моей юности, совершенно накануне молодости, въ дни моей первой любви.

Здѣсь на чужбинѣ, думаю, будетъ интересно нашимъ читателямъ прочесть незатѣвливый мой пасхальный рассказъ. Хотя онъ и относится ко времени слишкомъ отдаленному отъ нашего времени, но уже одно то, что повѣствованіе его должно перенести читателя въ родные ему мѣста и напомнить пасхальные дни нашей русской Пасхи въ кругу родныхъ и близкихъ намъ людей, даетъ мнѣ право рассчитывать на благосклонное вниманіе этого читателя. Въдѣ это напоминаніе юной родинѣ. И тутъ невольно вспоминается восклицаніе вдохновеннаго поэта:

"О родина святая, какое сердце не дрожитъ тебя благословляя!".

Въ этой пасхальной исторіи главными дѣйствующими лицами были: я-нынѣ уже сѣдовласый, Сергій Михайловичъ Чернецовъ, и мой другъ и пріятель, давно уже умершій, Иванъ Петровичъ Земцевъ. Тогда насъ просто звали Сережей и Ваней. Я былъ классикъ, онъ-реалистъ. Это означало, что я учился въ гимназій, а онъ въ реальномъ училищѣ. Мы оба были тогда ^{уже} въ возрастѣ, когда игры и забавы въ кругу товарищей-сверстниковъ насъ ~~уже~~ перестали интересовать. насъ потянуло въ общество молодыхъ дѣвицъ,

которыхъ мы совсѣмъ недавно сторонились и которыхъ мы при каждомъ удобномъ случаѣ дразнили и высмѣивали. Хотя мы съ Ваней были и разныхъ учебныхъ заведеній, но дружба нашихъ родителей много способствовала нашему сближенію и даже дружбѣ.

Недавно родивш^яся въ насъ стремленія чистой идеальной любви вывело насъ на путь, по которому мы могли идти вмѣстѣ, нисколько не мѣшая другъ другу. Наоборотъ, намъ обидно было слишкомъ хорошо рука объ руку идти вмѣстѣ. А въ общемъ, я влюбился въ его младшую сестру, онъ же въ одну изъ ея подружекъ.

Принувшія рождественскія каникулы я гостилъ въ домѣ его родителей/они уѣхали на праздникъ въ Москву/. Тамъ святки мы провели такъ весело, такъ интересно и содержательно, что онъ и по сей день мнѣ памятенъ, какъ дивный сказочный сонъ, пережитый наяву.

Началось елкой. Сама по себѣ елка насъ мало уже интересовала. Но намъ много удовольствія доставили приготовленія къ ней. Мы клеили коробочки, золотили орѣхи, перевязывали разноцвѣтными шерстинками пряники, конфеты, фрукты и тому подобное.

Надя, сестра Вани, до того времени мало меня интересовала, вертѣлась около брата и училась у него клеить бонбоньерки. Что-то у нея не вышло, она бросила съ досадою на столъ испорченную вещицу и обидчиво заявила:

- Удивляюсь, Ваня, твоей неспособности или нежеланію показать что-либо по-людски. Найдю лучше учиться у Сережи, какъ дѣлать фонарики, - и подошла ко мнѣ.

- Сережа, покажите мнѣ, что вы придумали для укрѣпленія

въ Вашихъ фонарикахъ? что-то довольно остроумно. —

Это мнѣ польстило, и я съ увлеченіемъ стала показывать ей, какъ простой крестообразный надрѣзъ въ центрѣ картоннаго дна бумажнаго фонарика хорошо служить держателемъ втыкаемой снизу елочной свѣчки. Сказать, я ее научилъ, какъ клеить фонарики по формѣ цилиндрической части винной бутылки. Она поняла все это сразу и стала быстро выдѣлывать фонарики за фонарикомъ. Въ этой нашей работѣ стало чувствоваться какая-то связь, какая-то общность интереса и родственная близость ~~ме~~ другъ ^{из} другу. Коротко говоря, въ эту ночь нашего этого дѣла зародилась въ искоркѣ взаимной любви.

На званную елку въ первый день Рождества мы явились лишь, какъ на результатъ произведеній нашихъ рукъ, считая, что она предназначена, главнымъ образомъ, на забаву великаго, которой собралось довольно много, и забавляли ее старшіе, старшая изъ всѣхъ силъ. Впрочемъ, съ дѣтьми веселились и наши дамы сердца. А мы съ своей стороны стѣны и особенно сержались, что они мало обращали вниманія на насъ. Мы же любовались этимъ безъ пяти минутъ барышнями и бѣли гонимыя сознаніемъ, что оны красивѣе и наряднѣе всѣхъ, хорошеютъ вертѣлку съ боку у елки.

Мы успѣли покончить съ елкой, какъ всѣ наши интересы были захвачены новыми привлекательностями: мы захотѣли устроить спектакль.

Почти ежедневныя ситки и рождественскія дѣла, галцы и проги до вечера, катанье на конькахъ въ общественномъ саду, катанье за городомъ на тройкахъ и четверкахъ, разный вечеръ у Волховскихъ вертели насъ въ такомъ вихрѣ удовольствій и ощущеній, что двѣ недели спустя мы почувствовали

шейся Пасхи въ нѣсъ пробуждали обновленныя чувства съ еще болѣе сильными дилеммами каждой любви.

Наконецъ, дождались и пасхальныхъ каникулъ. Страстна неделя уже во второй половинѣ. Цѣлыми днями просиживая конечно, у земцовыхъ, рана у Волховскихъ, и помогать давить въ ихъ приготовленіяхъ въ пасхальному столу и опять попасть въ атмосферу обаянія красоты, близости и близости къ любому существу. Хотя мы съ Надей еще ни разу не договаривались до признаній, даже во время игры въ почту, Но съвѣсь сомнѣнія она, какъ и я, поднималась и чувствовала, что между нами царитъ взаимная любовь и что мы другъ для друга все.

Пробывъ изъ Петербурга и кадетъ Волховско. Она вѣдь, изъ онъ тоже у-то зачистилъ къ земцовымъ. Раньше не зашла этого не вошло. Гадая немножко казачицата съ ней, но это меня несколько не беспокоило, потому что она мнѣ нѣсколько разъ говорила, что не долбалаега " этого " . И тогда же ядовито вскрывала его, что и въ чей только дом не вѣсть что странно. Какъ я ни силился увѣрить себя, что моей ревности положительно нѣтъ места, однако червь въ сердце уже началъ ползти. И въ спокойствіе, особенно когда около нея меня не было, я зналъ или могъ только думать, что это онъ съ ней.

Мы съ Ваней за послѣдній годъ очень въ юности и стали чѣмъ-то вылезать изъ своей сумидляшки. Наши родители раскол лились и одѣли насъ въ триз, какъ во все новенькое. Особенно довольно мы были своимъ моднымъ холодного сукна и съ трехъ лучей въ расклинѣ во мнѣ, и, обшиты и повельно широкими галунно. Мы съ удовольствіемъ восстра-

жали, валили на грудь, фронтан, когда съ съхъ перчат-
кахъ, въ ботинкахъ съ толстованной подошвой и очни безъ
каблучковъ, съ повязкой на шее въ рукахъ, /недавно вве-
дена въ обиходъ, съ вѣтъ кепи/ и будиль появляться въ го-
стинныхъ и столовыхъ на мѣсто званыхъ съ визитомъ.

Еще у затрудненнаго съ вынужденностью, что я зайду
къ нимъ и рѣшъ, отдасть должное его сѣрь, а зтѣмъ, уже
мнѣ въ вѣтъ пойдеть къ Волховскиъ, отъ нихъ къ Загубинныъ,
а дѣльцо видно будетъ.

Всего часу дня, скороно, съ въ вѣтъ-лабо подарковъ,
даже безъ краснаго яичка/зол. кн. мод. в. ерживать соой
отдѣль/я зсѣтъ въ тоу, гдѣ жила мѣня, я въ этоу бѣтъ
звѣреть все тая, мизерная, зя въ бѣтъ, дѣня, та,
сѣ тая тая, которая для мѣня все и которая обѣщала со жи-
локъ похорошевать, но при условіи, если для мѣня, какъ
и для нея эти прохладные ночи не будутъ просто тоу-
дѣмъ, а лишь внешнее проявленіе радости известіи, что
я вѣтъ воскресъ. и, конечно, сказать, что это такъ, но въ
тайникѣ своего сердца я имѣла замышленіе тридѣ поцѣло-
ваться съ тѣй, которую люблю.

Всего мнѣ поспѣху, я зсѣтъ тѣтъ собравшася все
покодемъ. Старшіе сидѣли въ столовой. Младетъ бѣтъ уже тутъ
какъ тутъ и зсѣтъ въ вѣтъ мѣня. Она зсѣтъ тѣтъ въ вѣтъ-
кахъ /уширчана въ вѣтъ тѣтъ черно-браснѣтъ лужокъ и
даже зсѣтъ тѣтъ... и дѣльцо тѣтъ и: "А что-тоу воскресъ!"
отвѣтивъ "Воскресъ воскресъ", она тѣтъ-тѣтъ... и зсѣтъ
отдѣль пооставяять поспѣху зсѣтъ тѣтъ... отъ мѣня
нѣтъ сколько сидѣтъ. тѣтъ этого я ожидаъ поспѣху тѣтъ...
тѣтъ, которую бѣтъ тѣтъ... мѣня и каротъ зая-
виль:

"Жаль, я не зсѣтъ тѣтъ, что за хитросплетеньемъ.spro-

чемъ и завтра было бы не поздно. Надо до самого вознесения можно христосоваться... „Христосъ воскресъ!“ поздравлялся онъ къ ней, чтобы поцеловаться.

— Нѣтъ, нѣтъ теперь уже не поздно, — запротестовала она, отстраниваясь. — Это я не шучу. —

Насъ стали звать къ столу, но я отвѣтилъ, что мы съ Ваней торопимся съ визити.

— А вашему столу и искусству, отдадимъ должное, когда вернемся, — сказала я и сталъ застегивать на лѣвой рукѣ перчатку.

— Не будетъ ли поздно. Я думаю вамъ предстоитъ сдѣлать такъ много визитовъ, что и дня не хватитъ-сбиронизировать надо.

Но тутъ вступилась мада-

— Нѣтъ, они должны вернуться скоро. Но все-таки они едва ли пойдутъ куда-нибудь дальше Вилихъ. Впрочемъ, нѣтъ. Где зайдутъ къ Юль-Гейнцъ, гдѣ прекрасная цецлия тоже обѣщала похристосоваться съ Сержей. Неужели онъ это упустилъ?

Такой выпадъ съ ея жгучей стороны меня озадачилъ. Чѣму это тоже. Но передъ крестомъ я рѣшилъ промолчать.

Проводивъ насъ въ переднюю, мада напутственно сказала: — Во-первыхъ, не надейтесь, мнѣ хочется, чтобы наши маэуры и особенно моя сирота васъ поправились, а во-вторыхъ, и поздно не приходите. На сегодняшній нѣтъ вечера рѣшили начать зазвонъ. И въ саду. Если мои гости общали прійти пораньше. Итакъ, не засиживайтесь, да и число своихъ визитовъ можете сократить. Тому она нужна? А безъ васъ, о рѣш, у насъ тутъ о крокетъ не стоять не можетъ.

Попавъ къ Волховскимъ, мы и съ сесомъ тѣмъ, чуть не

запла, то въ болѣе, что скоро въ кѣ нтъ приобькала пада и задерж
наст. Чисъ забврати просить ланихъ-то лепючюкъ для придуман-
наго. То чо ед въ играхъ съ тѣшамн. Зана уже ридитъ, что
болѣе чини не поетъ, а часовъ около пяти вернется прямо
этой. То конде чинивъ элетеровъ ли или его возможности
доводитъ съ дочкой и разговаривать оу въ ссостъ сообществъ
свое. Чини не чинилъ. Быстро поднялся и сталъ прощаться.
— До скорого свиданія.— Чинилъ же, что встрѣти^{приходите} просили пораньше
ли запла еще въ два дома и на это въ рылили закончить
свои влѣтние путешествіа.

— Знаешь, что сегодня. Обратился ко мне Ваня, «сдавай» проше-
дшего. В церковь собора — давай возвращаться еще рано, да и
вспомнил, что только ночью, судя по тому, что в церковь
к нам идут. Завтра ночью с тобой поговорю и — трезво сяду по
делу твоему.

— ПОСЛУШАЙТЕ, КАКЪ ТОНЪ ЗВУЧАТЬ, ДОЛЕЧНО, ЗАНЯТНО, А СЕМИ ТЪ
ЗВУЧАТЬ, ПОСЛУШАЙТЕ И ПОСЛУШАЙТЕ. —

ВЕРИТЬ В НЕГО, ИЛИ НЕ ВЕРИТЬ В НЕГО, ЗАВИСИТ ОТ НАШЕГО

и звонить всякъ, кто имѣть охоту. Прозвонили мѣльчички, а потомъ совѣщались, какъ имъ звонить въ пять колоколовъ. Бѣдинъ изъ нихъ говорилъ, что имъ бы имъ сель имъ бить мѣтеръ звонить въ пять колоколовъ.

— Ну-га, дарятъ въ армо по нашему. — Онъ быстро и ловко разобралъ веревочки четырехъ колоколовъ по рукавъ и по пальцамъ и поставилъ лѣвую ногу на доску въ веревочку отъ одного большого колокола, но онъ не взялъ веревочекъ отъ двухъ среднихъ колоколовъ / то на ней термидоринъ альта и второго тенора /, а въ его аккордъ вошли два дисканта, теноръ, басъ и октава / а вотъ всего раздался тик-тик-бимъ-бонъ-бля въ предыдущихъ звукахъ онъ ударилъ во все колокола сразу, а затѣмъ залелся настоящимъ гармоничнымъ и скандальнымъ звономъ / ну, хочу назвать какъ приято: краснымъ звономъ, но и значить психологическое свойство /, бимъ-бонъ-бля его композиторъ похвально и обрѣзъ веревочки остальныхъ двухъ колоколовъ и только осторожно подзванивалъ, точно, подбивать, имъ. Получилось три аккорда, и появился, вѣроятно, такой перезвонъ, что прохожіе невольно останавливались и поднимали головы, заглядывая вверхъ, какъ бы нѣмаясь разсмотрѣть, кто тамъ такъ чудно звонитъ.

Увидѣвъ, что не имѣтъ конкурентовъ съ такою мѣтеркой своего дѣла, бѣдинъ предложилъ забраться на верхушку у купола и пользоваться оттуда чуднымъ окрестнымъ видомъ. Тогда имъ вышла на другую и третью вокругъ верхняго купола, то дѣйствительно отклялась дѣвяти пологая горка и дуто холмистыхъ его окрестностей, почти сплошь покрытая лѣсомъ, колодезю кою зеленою и едва разбуксавшихъ кустовъ и деревьевъ. Толпа же была видна до вѣсто въ долинахъ, какъ въ долину, блѣдно-ря легко у склону вѣстности къ ручью, стѣняющей ихъ домъ-осложъ отъ соборной площади. Газмогривъ сквозь зеленѣющіе, почти

Мы всё же, какъ съ тонущаго корабля, рѣшили дать знать о себѣ. Мы стали махать платками. И, конечно, безрезультатно.

Отъ внимательнаго разсматриванія, что дѣлается тамъ внизу, глазъ приспособился, и мы начали почти безошибочно распознавать знакомыя намъ фигуры.

—Знаешь, Сережа, а вѣдь въ розовомъ это-Лидочка.

—Скажу больше, Она съ Карпицкимъ.

—Не можетъ быть. Онъ собирался на праздники уѣхать къ своимъ въ деревню.

—Собираться, собирался, да не уѣхать.

—Ты знаешь, чѣмъ онъ рѣшилъ заинтересовать Лидочку. Оригиналь такой. Онъ пересталъ говорить ^{скажи} по человѣчески, а все какъ-то загадками, недомолвками, шутками да прибаутками. Конечно, это было бы глупо и скоро надоѣло, если бы отсутствовала остроуміе. А надо отдать должное. Онъ дѣйствительно уменъ и остроуменъ. И увѣренъ, если это онъ, то засыпаетъ Лидочку всякими намеками и экивоками по моему адресу. И я, несмотря на все мое уваженіе къ нему, послѣднее время сталъ ненавидѣть его. Если бы сейчасъ у меня съ собой былъ мой карабинъ, то, кажется, взялъ бы и подстрѣлилъ его отсюда. А тамъ ищи, кто выстрѣлилъ и откуда залегла шальная пуля.

—Вотъ вздоръ городишь. Во-первыхъ, отсюда ты въ него именно и не попалъ бы, можетъ быть и подстрѣлилъ бы, но кого-нибудь другого, даже возможно, что и Лидочку.

—Тѣмъ лучше.

—Ну братъ, ты совсѣмъ не того.... А во-вторыхъ, этому карабину твоему суждено было бы сослужить болѣе полезную для насъ службу. Мы бы стали непреиhrвно стрѣлять вверхъ до тѣхъ поръ, пока насъ бы не замѣтили и не освободили бы отсюда....

Мы продолжали молча разсматривать происходящее въ

саду, но Ваня скоро прервалъ это молчаніе, и, вѣроятно, въ отместку мнѣ за Карпицкаго сталъ указывать пальцемъ.

—Смотри, смотри, какъ кадетъ ухаживаетъ за моей милой сестрицей надоей...! его сразу узнаю. Его силуэтъ, какъ ровненькая палочка. Не даромъ ихъ дразнятъ: "кадетъ на палочку надѣтъ".

Стрѣла попала въ центръ...! невольно заволновался. Не хватало еще, чтобы сидя здѣсь подѣ арестомъ, спороть отъ ревности. Такъ бы, кажется, и прыгнулъ туда, гдѣ меня ждутъ и гдѣ мнѣ быть такъ необходимо.

—Нѣтъ, братъ Ваняха, такъ мы здѣсь и заночуемъ, если не будемъ предпринимать чего-нибудь...! Ийдемъ еще караулить ко кого-нибудь выходящимъ изъ церковнаго двора.

Тѣмъ же мы перешли на сѣверную сторону, какъ увидѣли Митрофана, церковнаго сторожа/онъ же и звонарь/. Попытали окликнуть и его, но тоже безплодно.

—А знаешь, Сережа, вѣдь онъ насъ сейчасъ освободить. Наверно онъ идетъ звонить ко всенощной.

—Вотъ такъ сообразилъ! Какая же всенощная въ первый день Пасхи! Нѣтъ, видно, намъ придется здѣсь сидѣть до завтрашняго звона къ заутрени.

Митрофанъ, повидимому, дель зачѣтъ-нибудь, въ церковь. Тутъ мы сообразили, что дѣтъ знать о себѣ мы можемъ съ куполомъ надъ большимъ паникадиломъ въ отверстіе, сквозь которое пропущена цѣпь его...! И минуты не теряя, мы быстро взобрались вновь на вершину собора, проникли внутрь ^{бѣлоснежнаго} верхняго звонаря, спустились по лѣсенкѣ на пыльную наружную поверхность шаровиднаго купола. Его свода, почти ползкомъ добрались до отверстія, изъ котораго хорошо былъ виденъ иконостасъ, амвонъ и архіерейская кафедра. Какъ разъ въ это время Митрофанъ

выходилъ изъ алтаря черезъ южныя двери и, звеня связкою огромныхъ ключей и немилосердно шаркая тяжелыми сапожищами съ расхлябанными подковами на каблукахъ, направлялся къ выходу изъ храма.

Сычнымъ басомъ ^{Ваня} сталъ звать его: "Митрофанъ, Митрофанъ! открой колючую и выпусти насъ!". Глухое эхо его тяжелой поступи слилось съ эхомъ голоса вани, а можетъ быть, вслѣдствіе его глуховатости видно было, что Митрофанъ ничего не услышалъ, или не понялъ, что это за гулъ идетъ о храму. Но терять времени нельзя было. Снѣ, уже вотъ-вотъ скроется изъ поля нашего зрѣнія и тогда все пропало. И напрягъ всѣ свои голосовыя силы и постарался возможно отчетливѣе выкрикнуть теноркомъ: "Митрофанъ, а Митрофанъ." Митрофанъ не остановился, недоумѣнно оглядѣлся кругомъ, перекрестился, что-то произнесъ/должно быть "Съ нами крестная сила"/ и сталъ продолжать свой путь къ выходу. Слышно было, какъ онъ хлопнулъ тяжелыми дверями, а затѣмъ сталъ щелкать ключемъ, запирая ихъ. Опять сорвалось у него что же дѣлать дальше. что предпринять.

Ванѣ на мысль пришла наего взглядъ дивная идея, такъ что онъ даже воскликнулъ: "эврика!".

—Какъ это мы, Сережка, раньше не додумались. Вѣдь ничего не стоитъ снять веревки съ колоколовъ, связать ихъ и по нимъ спуститься внизъ.

—Не думай, что по длинѣ ихъ будетъ достаточно, пришлось мнѣ отъ вѣтвить на его неожиданное открытіе. Спустились къ колоколамъ, осмотрѣли ихъ веревки и веревочки и, конечно, пришли къ заключенію что воспользоваться этимъ матеріаломъ нѣтъ никакой возможности. какъ по малой ихъ длинѣ, такъ и по прочности. Тутъ я предложилъ свою идею: звонить. Это навѣрное бы обратило вниманіе всего церковнаго подворья и насъ бы скоро освободили. Но Ваня запротестовалъ во всю.

—что ты, что ты. я на это никакъ не соглашусь. изъ этого можетъ выйти огромный скандалъ. За это начальство насъ по головѣ и

не погладить. Настоятель собора, отецъ Іереміа, вѣдь нашъ законоучитель. Снѣ сегодня же побѣжитъ къ нашему директору и наядбедничаеть и меня, раба вождяго, на всѣ остальные дни праздниковъ законопатятъ въ карцеръ. Благодарю покорно. Нѣтъ, голубчикъ, ты меня уже извини, пусть мы лучше переночуемъ здѣсь, чѣмъ такъ рисковать.

— И пожалъ плечами и покорился.

Итакъ, мы ночуемъ на кровль храма. Интересно для перваго дня пасхи, нечего сказать.

Осталось ддно: идти опять на сѣверную сторону и караулить проходящихъ, но солнце село и сумерки сгустились настолько, что на площади и на улицѣ можно было различать ^{лишь} силуэты людей, а узнать кого-либо становилось положительно невозможно. Перешли опять а на сторону противъ того рая, въ дверяхъ котораго мы безпомощно застряли.

Въ саду уже никого не было, но окна дома сіяли голубымъ свѣтомъ.

Что это! музыка?.. да, это музыка артиллерійской бригады. Повидимому это сюрпризъ молодежи отъ поручика Савонова. И насъ тамъ нѣтъ.

— Да, братъ Ванюха, не повезло намъ. Вотъ и дождались долгожданнаго свѣтлаго праздника.

— А хорошо бы, Сережа, теперь отведать ватчинки, поросеночка, кулича, да закусить сырной пасхой. Надиного изготавленія съ на- зуркою, для которой ты такъ усердно тѣлъ желтки. И все это залилъ стаканчикомъ винца.

— Перестать, Ванюха, такъ чувствуетъ не по себѣ, а ты еще аплетать разжигася. И зачѣмъ это мы по берегли, отказываясь есть и пить во время визитовъ.

Ну и положеньице. Ты знаешь, почти видишь, что тамъ дѣлается и не можешь былъ вмешиваться. Тамъ ждуть, недоумѣваютъ, куда мы дѣвались, можетъ быть возмунутся, безпокоются, и утъ, а никто не

можно догадаться пойти и сказать церковному сторожу, открыть кол
кольню. Вот-вот кажется недалеко тотъ домъ, гдѣ столы ломаются отъ
яствѣй и питій, а ты, изголодавшійся, продрогшій отъ холода, не мо
жешь протянуть руки къ этому изобилію плодовъ земныхъ. Ну и ночен
ка.

—Гдѣ же мы устроимся на ночь?—обратился я къ Ванѣ.—Вѣдь нельзя
же всю ночь бодрствовать здѣсь. Не залезть ли намъ опять наверхъ
Тамъ на своѣхъ все же теплѣе.

Отъ усиливавшагося ночного холода ранней весны мы, легко
одѣтые, дрожали и ежились. Полѣзли въ куполь.
На пыльномъ и грязномъ сѣдѣ полулежа мы еще долго не спали.
Говорить какъ-то не хотѣлось. Мы все прислушивались къ музыкѣ, кото
рая повидимому была помѣщена на верандѣ. Слышали и различали зву
ки вальса, кадрили, польки-мазурки.....но вотъ заиграли тушъ.

—Это покакому случаю?—обратился я къ Ванѣ.—Утъ не съѣзжалъ
ли Самсоновъ предположеніе вълазавѣтъ Петровнѣ.

—Пожалуй и такъ,—буркнулъ себѣ подъ носъ, повидимому уже дре
мавшій Ваня.

Время, должно быть, было около полуночи, когда музыка затихла
мы заснули. Очнулись, когда было уже совершенно свѣтло. И хороши же
мы были въ своихъ новенькихъ франтовскихъ мундирчикахъ. Прямые, въ
пыли, съ извести и съ изгазанными физиономіями.... Лоскоробили другъ
на друга и расхохотались....

Увѣренные въ томъ, что скоро воспослѣдуетъ освобожденіе изъ
подъ ареста, мы были хорошо настроены, и стали добродушно выслушивать
свое положеніе.

—А что, если Митрофанъ нѣтъ не узнаетъ и приметъ за жуликовъ, со
биравшихся ограбить соборъ. Последнее будетъ горше перваго, и попа
демъ мы съ тобой въ участковую захудалку. —

Опусталась мы на колокольную, и, поскольку было, въожно, обчи
стивъ другъ друга, стали терпѣливо ждать появленія Митрофана. Онъ яви

ся, когда уже солнце поднялось довольно высоко. чего мы боялись не случилось. Онъ насъ призналъ сразу. не стану описывать, какъ мы его поразили своимъ видомъ и неожиданнымъ присутствіемъ тамъ, гдѣ онъ насъ никакъ не ожидъ, и какъ мы объяснили ему все случившееся.

Какъ-никакъ, а мы уже на свободе. куда идти? Ваня посоветовалъ идти къ нимъ, привестись въ порядокъ и затѣмъ уже идти домой. такъ я и съ-
лашъ.

Не желая беспокоить знакомыхъ съ наружнаго хода, мы рѣшили войти во дворъ и пройти черезъ кухню. Оказалось, что уже все бодрствовало и насъ увидѣли сразу, какъ мы вошли во дворъ. Намъ зыбшій видъ былъ такъ смѣшонъ, что послужилъ темою подшучиваній.

— Ну и не визиты, свались наши красавцы, что не могла на те дороги до ой и почесать ^{глазъ} канавъ. —

Насъ много было ожидать, сперва наше отсутствіе беспокоило только техъ, кому мы были болѣе интересны, а когда стемнѣло, то забеспокоили и другіе, особенно родители. Посылали узнать въ разные концы и даже хотѣли дать знать въ полицію, но почему-то отложили до утра.

Когда мы привели себя въ надлежащій порядокъ и были въ столовую, то вся семья Смцовыхъ была въ сборѣ у пасхальнаго стола, и тутъ мы начали свои рассказы о нашихъ ночныхъ похаживаніяхъ. Много было смѣху, тѣмъ болѣе, что все случившееся съ нами мы старались передать въ комической формѣ.

Все это было бы хорошо, если бы хорошо окончилось, но я поплатился исполненіемъ легкихъ, а пріятель мой, Ваня, подвергся сильнѣйшимъ приступамъ ревности. Съ этого злоручнаго дня началось усиленное ухаживаніе Марички за дочкой, и она повидимому отзывалась ему не только благосклонно, но и взаимной симпатіей.

А вообще для семьи Смцовыхъ первый день Пасхи означеновался крупнымъ событіемъ: Маричка Пасонова действительно сдѣлать предложеніе Елизаветѣ Петровнѣ и получить согласие. Вотъ почему была мушкетерка.

ка и она играла т у ш ъ. *А. Антонова*

- 23 Марта

5 Апрелья

1922г.

г. Горна-джумая.



КТО МЫ.

Въ насъ нація живетъ, въ насъ Русскій духъ живетъ.
Лоть стонемъ въ изгнаньи на чужбинѣ,
Лоть жизнь прелестная и блага воѣ земли
текутъ лишь мимо насъ какъ въ кинемакартинѣ,

Мы будущимъ живемъ, о родинѣ скорбя,
Въ ней наша жизнь и цѣль, и счастье,
И твердо вѣримъ мы, что расцвѣтетъ вновь Русь
и въ лету канетъ вновь тяжелое ненастье.

Лоть малодушныя бѣгутъ отъ насъ гурьбой,
Но сердцемъ мы тверды и стая трохвѣтный твердо
и держимъ, и хранимъ, доколь на Руси
не будетъ снова онъ сіять и восхищать сердца народа гордо.

М. Шибановъ



Последніе дни зимнаго и веселаго марта; по улицамъ-безчисленные ручейки отъ быстро таящаго желтовато-грязнаго снѣга, а надущь какъ-то особенно легко и свободно.

Возвращаются изъ школы крикливые ребята, и наполняють окрестности, не какъ будто ставшую свѣтлѣе, улицу своими звонкими криками и колодами загорелыхъ смѣхомъ.

Скоро Пасха, сегодня послѣдній учебный день, а затѣмъ страстная недѣля съ ея глубоко понижающими въ душу великопостными напѣвами и пріятными хлопотами и приготовлениями къ Пасхальному столу.

Ваня Катерининъ былъ въ 6-омъ классѣ гимназіи. Онъ шелъ домой и думалъ о томъ, какъ хорошо, что кончилось шесть разговѣвшихъ недѣль великаго поста. Послѣ Пасхи послѣдній тысячьскучныхъ гимназическихъ будней, а затѣмъ экзамены и выпускъ, такой долгожданный и многообещающій.

Онъ станетъ свободнымъ и сможетъ уже въ высшей школѣ работать такъ, какъ онъ самъ захочетъ, забывъ о стѣснительныхъ узахъ ненавистной средней школы.

Впереди передъ нимъ рисовалась, какъ прямая дорога безъ рывковъ и препятствій, его будущая жизнь, о которой онъ такъ много думалъ въ эти послѣдніе годы гимназическаго сидѣнья. Конечно, онъ поступитъ на естественный факультетъ, такъ какъ еще съ раннихъ дней его юности, естественныя науки пріоб-

калы его къ себѣ.

Онъ часто думалъ о томъ, какъ весь заростетъ въ книги и прѣдметныя работы, и время потратить незаметно на интереснымъ и любимымъ деломъ. А дальше, послѣ окончанія, ему представлялось, что онъ оставитъ лаборантомъ и займется уже работой, посвящая другихъ въ тайны научнаго творчества, что целиком займется его жизнь. И было пріятно сознавать, что такъ все ясно и просто въ его будущей жизни, и въ то же время твердая вѣра, что его домъ скоро, скоро появится въ rzeczywistoѣ.....

А весенніе звуки ранней малой сѣверной весны еще больше придавали вѣры и надежды его молодому сердцу, близился тотъ часто и радостно.

.....
.....черезъ.....

Продолно нѣсколько лѣтъ и вѣсн наступала страстная недѣля, но она встрѣчалъ ее въ другой обстановкѣ, съ другими мыслями и чувствами.

Вотъ ужъ скоро осень, какъ онъ проводитъ дни, недѣли и мѣсяцы въ сухихъ и разрыхъ землянкахъ, остролиныхъ въ болотистыхъ и одиозныхъ пространствахъ полбоя.

Онъ-солдатъ.

Добровольно приметъ онъ солда, тѣмъ же желаніемъ само у участіе въ этой жизни, которая, которую онъ оправдываетъ и понимаетъ.

И вотъ почти годъ онъ живетъ тамъ изюмничкой своей жизнью, безъ книгъ и наукъ, которая раньше казалась такой необходимой. Простые, незатѣливые люди, съ которыми ему приходилось теперь только и горе и радость, да скучные то и тѣлые будни солдатской окопной жизни, редко нарушаемая великими боевыми столкно-

веніями, - все это составляет содержаніе его жизни. и как ни странно, но Ваня не жалѣетъ прошлаго, здѣсь въ грязи полѣсскихъ болотъ во время утомительныхъ и опасныхъ хожденій въ развѣдку, онъ понялъ, что жизнь не такъ проста и элементарна, какою она представлялась ему раньше. Въ дни Страстной недѣли полкъ стоялъ на позиціи, команда развѣдчиковъ, гдѣ и служилъ Ваня, несла непрерывную развѣдывательную службу укрѣпленной позиціи. И вотъ въ 'страстной четвергъ была назначена боевая развѣдка на небольшомъ участкѣ, которая была возложена на команду 'го полка. Ваня впервые долженъ былъ рѣзать проволоку, чему онъ долго и терпѣливо учился во время двухнедѣльныхъ стоянокъ полка въ резервѣ.

Тихо ползутъ развѣдчики къ непріятельской проволоцѣ, и только изрѣдка, то вправо, то влѣво вспыхиваютъ огоньки выпущенныхъ нѣмцами рѣкетъ. Мокро, пронизывающе сыро, но Ваня не замѣчаетъ, какъ холодная сырость проникаетъ все его молодое тѣло. Онъ насквозь промочилъ ноги, терпѣливо пробираясь впередъ среди мокрыхъ кочекъ болотъ. Онъ не думаетъ объ этомъ, все его мысли сосредоточены только на одномъ: "удастся или нѣтъ". Еще осторожнѣе пробираются темные силуэты, все время чутко прислушиваясь къ неожиданному звуку и всматриваясь воспаленными глазами впередъ въ черную темноту весенней ночи.

Вотъ, наконецъ, и проволока. Медленно, зажавъ дыханіе подползаетъ къ ней Ваня и неслышно откидывается на спину. Осторожно онъ поднимаетъ руки надъ своей головой и начинаетъ рѣзать трудно поддающуюся ножницамъ "колючку". Онъ слышитъ, какъ отрывисто, гулко бьется его сердце, отчего-то кружится голова и какъ въ жару горятъ воспаленныя щеки.

Вдругъ яркій свѣтъ прорѣзаетъ темноту ночи. И сразу

упали на землю рывчки, прильнувши къ ней, стараясь себя не обна-
ружить. Но поздно.... затрещалъ пулеметь, и надъ головою засвиста-
ли взвизгивающія пули. Скоро къ нимъ присоединились ружейные вы-
стрѣлы. Развѣдчики лежали, какъ мертвые, думая обмануть противни-
ка. Но это было бесполезно. Волды за ружейными выстрѣлами надъ
головами цокнула граннель, обсыпавъ развѣдчиковъ тулячи.

"Назадъ" - услышалъ Ваня хриплый шопотъ начальника коман-
ды и сталъ медленно отползать, крыло прижимая къ груди кусокъ
колючей проволоки, которымъ онъ въ кровь исцарапалъ руки, но ко-
торый рывалъ принести къ себѣ въ окопъ, какъ доказательство жи-
вой работы. Медленно ползли по болоту съжившіяся фигуры въ
серыхъ шинеляхъ, а врагъ сыпалъ ихъ свинцомъ, который въ больши-
ствѣ не приносилъ имъ вреда. Къ счастью былъ только одинъ легко
раненный граннелью.

.....

Скучно и томительно тянутся дни въ просторной палатѣ хи-
рургическаго госпиталя одного изъ большихъ городовъ на Черномъ
морѣ. Страстная недѣля, скоро Пасха, но здѣсь среди длиннаго ряда
бѣлыхъ кроватей только яркое апрѣльское солнце, свѣтъ котораго а
заливаетъ палату, напоминаетъ о приходѣ весны и яркихъ красивых
дняхъ весенняго праздника.

Ваня Катериничъ лежитъ второй мѣсяцъ неподвижно въ
постели, онъ раненъ въ бока съ большевиками и теперь томится
ожиданіемъ, когда вновь сможетъ пройти по палатѣ и когда кон-
чится пугающій его параличъ ногъ. Онъ одинъ. На родинѣ царствуютъ
большевики, гдѣ у него осталась семья. Здѣсь, все еще солдатъ,
онъ томится сознаніемъ своего полнаго одиночества, безъ денегъ
безъ ласковаго и любовнаго ухода родныхъ ему людей, тоскливо и
нудно проходятъ дни. А впереди опять неизвѣстность, тяжелая оли-
нокая жизнь. А только надежда на что-то хорошее, крошечная въ

тайникахъ его ~~хихика~~ души даетъ ему бодрость и злитъ продолжать борьбу.

Спать сегодня перерывъ. Будетъ опять больно, и онъ будетъ сквозь крѣпко стиснутые зубы отвѣчать на вопросы молодого и ~~зд~~ здорового врача, а потомъ утомительная и, какъ казалось Ванѣ, бесполезная электризація. Всѣ эти мысли заставляли его недовольно морщиться и зажмуривать глаза. Хотѣ бытъ уснуть, забыться и не думать.....Какъ тяжело..... неужели это Пасха.....

.....
Шумная, крикливая, разноязычная толпа наполняла весенній воздухъ цѣлымъ миріадомъ звуковъ.

На лоткахъ продаютъ инжиръ и черные, запыленные рожи. Весеннее, нѣжно-голубое небо огромнымъ куполомъ раскинулось надъ полуостровомъ, а зеленоватые волны пролива ударяются о камнистые утесы берега.

По чужому, азіатскому городу, насквозь пропитанному мелкимъ торгашескимъ духомъ бродятъ какія-то совершенно необычныя фигуры въ красивыхъ, яркихъ лосюнахъ на снѣжно-бѣлыхъ рубашкахъ.

Около полуразрушенныхъ домиковъ колошатаются эти люди у самодѣльныхъ очаговъ, готовя на нихъ незатѣйливые пирожки и котлеты изъ волокнистыхъ консервъ.

Это-брангелевцы, ^{нихъ}галлиполиѣйцы. Среди нихъ и Ваня Катерининъ, онъ занятъ съ группой своихъ товарищей приготовленіемъ пасхальнаго стола. Сегодня суббота, а завтра наступаютъ великіе дни.

Его лицо возмужало, а около губъ залегла глубокая складка, дѣлающая выраженіе его лица печальнымъ даже тогда, когда онъ смѣется.

И вспоминаются ему далекіе дни его юности, когда онъ еще гимназистомъ виблѣ свою будущую жизнь такой ясной и определенной, а себя-прямо и увѣренно идущимъ къ цѣли.

Ярко свѣтитъ солнце на безоблачноѣ небѣ, раздаются надобъ-
шіе и непопятные выкрики уличныхъ торговцевъ, тяжело и неродос-
но на чужбинѣ въ грязномъ и пыльномъ Галлиполи.

А завтра наступаетъ Пасха, веселая и понятная тамъ дома,
и такая скучная и безрадостная здѣсь среди чуждой, опротивѣв-
шей толпы. Но меня заставляетъ съ-бѣя оторваться отъ думъ, надо
готовить "галлиполійскія пирожки" на кокосѣ. И бодро и радост-
но онъ принимается отряпывать ихъ, а въ душѣ оживаетъ надежда, что
въ концѣ концовъ у него будетъ настоящая Пасха, тамъ въ Россіи

Kelbhol.

КЪ ЧЕМУ.

Свѣтитъ такъ ярко солнце свѣтитъ,

Горясь, ласкаетъ и живить!

Оно не въ силахъ пробудить

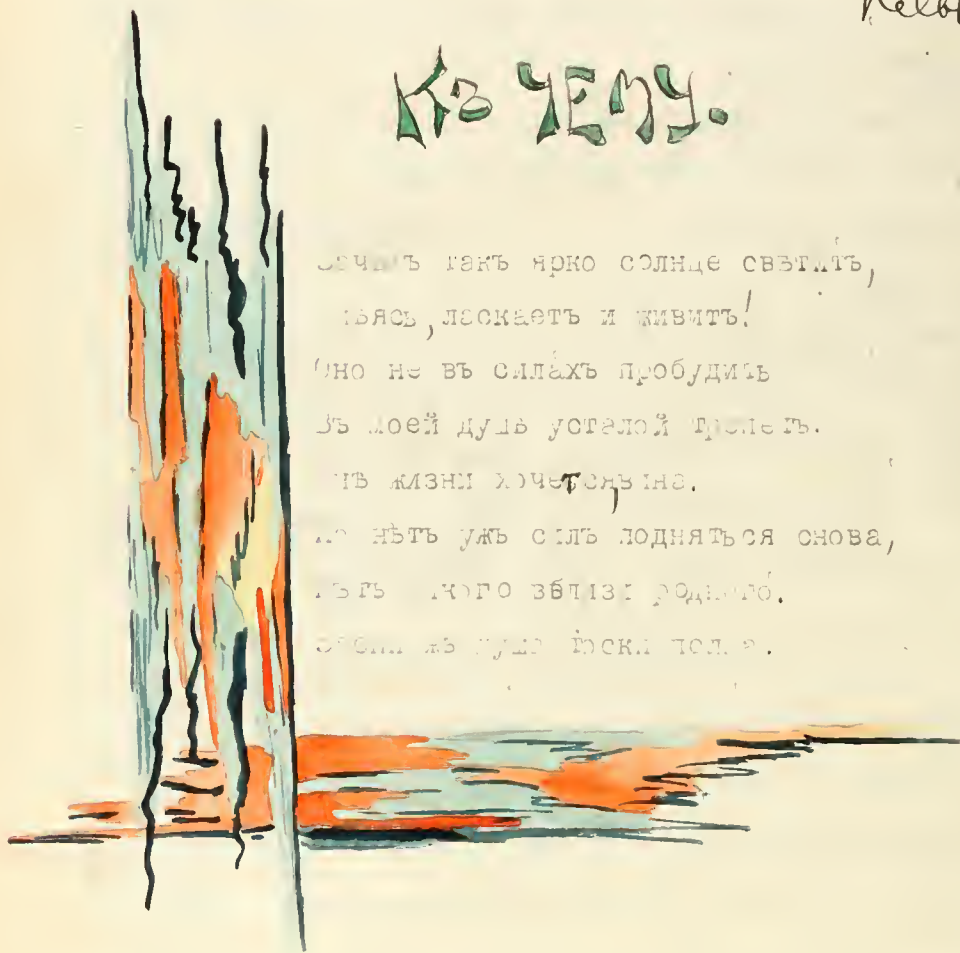
Въ моей душѣ усталой трепеть.

Изъ жизни хочется уйти.

Но нѣтъ ужъ силъ подняться снова,

Вѣтъ нѣкого вблизи родного.

Звонки изъ души въски толкаю.





Одинъ изъ видовъ Доломскаго монастыря. Г. Грейс







Домашний музей в Ташкенте.



Помните рошу въ лучахъ золотистыхъ,
Блуду рошу печальныхъ березъ,
Помните вечеръ серебрано-мглистый
Съ пѣсней нѣжною сказочныхъ грезъ.
Какъ соловьи намъ тогда распѣвали,
Какъ зажигалась зорница небесъ.
Помните дали тогда умирали,
Помните справа задумчивый лѣсъ.
Въ сумеркахъ нѣжныхъ бѣлѣли березы,
Плыла луна средь мерцающихъ звѣздъ,
Пахли цвѣтушія нѣжныя розы,
Пѣснь распѣвалъ свою радостно дроздъ...
Рощи березовой больше не стало.
Тамъ лишь виднѣются голые лѣны.
Сердце тоскуетъ и сердце устало
Здѣсь вспоминать тѣ ушедшіе дни.
Бѣло-печальныя наши березы,
Въ вѣчность ушедшіе лучшіе дни,
Вы унесли съ собой свѣтлыя грезы
Юности чистой свѣтлыя сны.

г. Горная джунглы
1922 годъ

Михаилъ Мухановъ

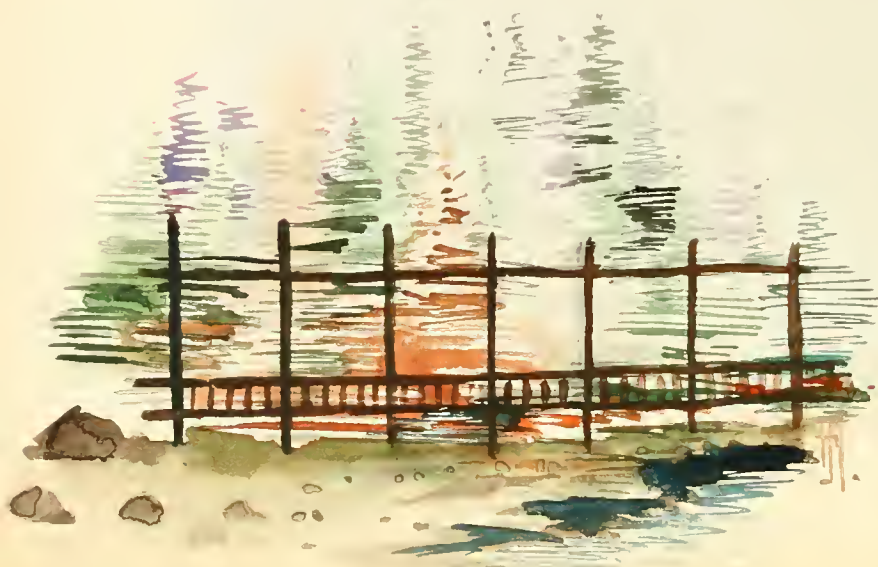
Рыдайте и плачьте душевная струны,
рыдайте, мнѣ сладокъ вадъ трепетный плачь.
не радостны вы, какъ осеннія думы,
безжалостны вы какъ жестокий полочъ.

вы вновь разбудили уснувшія думы,
вы вновь погрузили въ страданья меня.
нѣтъ радости въ жизни одни только думы
въ печаляхъ и скорбяхъ прожитого дня.

И нѣтъ тебѣ счастья пожить безнечально,
отдавши все силы родимой странѣ.
все какъ-то идетъ длеко мной ^{к. з.} вѣхнѣльно
въ какомъ-то кошмарномъ загадочномъ снѣ.

1
10/10 1922 г

Ал. Бочаровъ



когда начали говѣть,
въ церкви смирно не стояли,
Уходили, приходили,
И начальство возмущали.
А по выходѣ изъ церкви
на повѣркѣ насъ собрали,
Пожурили и поругавши,
Тутъ же строго приказали,
чтобъ предъ Богомъ по уставу
Смирно мы въ строю стояли.
И грѣхи какъ генералу
громко всѣ рапортовали.

Боже, грѣшныхъ навѣ прости,
что творили мы не знали,
Но въ погоняхъ мы Тебя
никогда вѣцъ не видали.

10 апреля 1922 года
Горная джумая.

М. Шведъ.

НЕСКОЛЬКО ИНТЕРЕСНЫХ ЦИФР ИЗЪ КНИГИ ДЕПУТАТОВ.

ОФИЦЕРА

Книга начата съ 24 февраля и закончена 30 апрѣля, слѣдовательно охватываетъ собою періодъ въ 64 дня.

За это время юнкера въ общей сложности получили наказаній: выговоровъ 12, нарядовъ 2⁴⁰ и безъ отпуска 1602 дня т.е. безъ одного мѣсяца три года.

Въ отношеніи проступковъ, количества записей/роты распределяются въ слѣдующемъ порядкѣ:

I мѣсто.....	3 рота-59 записей
II мѣсто.....	2 рота-51 запись
III мѣсто.....	1 рота-50 записей
IV мѣсто.....	4 рота-44 записи

Редакторъ: А. Антоновъ

Члены редакціи: Келлеръ
Т. Яковъ
Л. Козловъ

Секретарь — Иванъ Мухомовъ

Нахождение дня призывания с Пасхи

по Юлианному календарю

(с 1923 года)

Данный способ определения дня призывания основан на том, что в 1923 году, 19 апреля, призывная неделя совпала с неделей пасхи.

Примеры: 1. 1923 г. 19 апреля — Пасха

2. 1924 г. 19 апреля — Пасха

Общая формула	Пасха 1923 г.	
	1923 г.	1924 г.
1. Даныи год разделим на 19 заметьте остат. а.	$1923:19=101$ ост. 4 а)	$1924:19=101$ ост. 5 (а)
2. Даныи год разделим на 4 заметьте остат. б	$1923:4=480$ ост. 3 б)	$1924:4=481$ ост. 0 (б)
3. Даныи год разделим на 7 заметьте остат. в	$1923:7=274$ ост. 5 в)	$1924:7=274$ ост. 6 (в)
4. Сумма $(19 \times \text{а}) + 15$ разделим на 30 заметьте остат. г	$[19 \times 4 + 15]:30=3$ ост. 1 г)	$[19 \times 5 + 15]:30=3$ ост. 20 (г)
5. Сумма $(2 \times \text{б}) + (4 \times \text{в}) + 6 \times \text{г} + 6$ разделим на 7 заметьте остат. д	$(2 \times 3 + 4 \times 5 + 6 \times 1) + 6 = 21$ $21:7=3$ ост. 0 д)	$(2 \times 0 + 4 \times 6 + 6 \times 2) + 6 = 21$ $21:7=3$ ост. 0 (д)
6. $22 + 2 + \text{д}$ — это с. Пасхи	$22 + 1 + 0 = 23$ Пасха 26 апреля	$22 + 20 + 0 = 42$ $42 - 28 = 14$ Пасха 14 апреля
7. Разница между датой призывания и датой пасхи		28 д.



